История Таллинна

Раймо Пуллат

Эстопол

История Таллинна

Раймо Пуллат

ЭСТОПОЛ

Редактор Ристо Пуллат

Данная книга выпущена издательством “Эстопол” на английском языке в 1998 и 1999 гг. в Таллинне, и издательством “Отава” на финском языке в 1999 г. в Хельсинки.

ISBN 9985-9017-6-2
Tallinna Raamatutrükikoda

Copyright © by Estpol-Press
Tallinn 1999

Таллинн, древняя столица независимой Эстонской республики, является одним из выдающихся памятников европейской культуры. В конце 1997 года он был включен в список Мирового наследия ЮНЕСКО.

Как и в случае с любым другим городом, Таллинн также, наряду с социально-экономическими, исполнял и определенные властные функции. С 1219 года датский король осуществлял свою власть в Таллинне через своих наместников. Короткий период времени правил орден крестоносцев. Во второй период датского правления (123–1346) Таллинн получил собственные органы управления и законодательство. В 1248 году Таллинну была предоставлена возможность использовать Любекское право, после чего он стал городом в полном смысле этого слова. С помощью Любекского права ворота в пространство европейской христианской городской культуры были открыты для Таллинна. Европа – это не только географическое понятие, это всегда означает определенное культурное единство, испытывающее сильное влияние христианства. Благодаря выгодному местоположению, Таллинн с тех пор стал важным мостом между Востоком и Западом, особенно между Ганзейским союзом и Новгородом. В 1998 году наш родной город Таллинн, вместе со всем эстонским народом и, конечно, вместе с другими Балтийскими странами, праздновал 750-летие введения Любекского права.

Дорогие гости Таллинна, надеюсь, что эта книга познакомит Вас с интересной историей Таллинна.

Добро пожаловать!

Эдгар Сависаар, председатель Таллиннского городского собрания

Таллинн сотни лет был мостом между Востоком и Западом, что и сделало его европейским городским центром. В то же время Таллинн – наш общий дом и чтобы жить в этом красивом доме, имеющем долгую и сложную историю, необходимо хорошо знать его прошлое, что поможет нам всем лучше понимать друг друга, проникнуться чувством дома.

Полнее почувствовать насколько богато и интересно прошлое нашего города нам помогают книги по истории. В будущем году, после долгого перерыва, вновь будет отмечаться „Год книги", посвященный очередной годовщине выхода в свет первой книги на эстонском языке. Очень важно, чтобы в этом событии эстонской культурной жизни активно участвовали все жители города, как эстонцы, так и иноязычные, особенно молодежь.

Данная книга вышла ранее на английском, финском языках и выходит теперь на русском, что, несомненно, будет способствовать более грубокому знакомству с историей нашего общего дома как русскоязычных жителей Таллинна, так и его гостей.

Благодарю от имени Управы города Таллинна заслуженного и неутомимого автора книги, исследователя истории Таллинна, имеющего международное признание историка, профессора Р. Пуллата.

Надеюсь, что эта книга поможет русскому читателю, особенно молодому, лучше узнать историю нашего почтенного города, научит уважать и любить его, что поможет быстрее и результативнее разрешить и проблемы интеграции.

Доброго чтения.

Моника Салу
виде-мэр г. Таллинна.

СОДЕРЖАНИЕ

Все дороги ведут в Таллинн

Старый Таллинн

От войны до войны

От Северной войны до середины 19 века

Шаг к метрополису

Годы независимости

Библиография

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ТАЛЛИНН.

Мое осознание себя как эстонского историка началось с моего дома, моей улицы, моего родного города Таллинна. Уже мои родители жили здесь, здесь прошло мое детство, до ужасной войны, которая разрушила его. Я не преувеличиваю, когда говорю, что люблю мой родной город, город, где я живу, больше всего на свете. Я никогда не хотел надолго уезжать из Таллина. В моей первой книге "Таллинн и таллиннцы", которая была опубликована много лет назад, есть строки: "Каждый раз, когда мы говорим о Таллинне, серые ряды башен городских стен Таллинна возникают перед нашими глазами, мы видим множество верхушек башен, поднимающихся над лабиринтом красных крыш и сумрачных узких улиц, мы вспоминаем крутой холм Тоомпеа на фоне голубого залива.

Существует много легенд и историй о Таллинне, о Таллинне написаны книги, о Таллинне сложены песни и сняты фильмы. Жалко только, что те, кто в течение веков творили и строили эту северную красоту, остались незамечены на фоне суровой прелести таллинских каменных стен. Очень мало написано о поколениях людей, живших в Таллинне, о их жизни и судьбе".

На нижеследующих страницах мы попытаемся воссоздать картины прошлого старого Таллинна вплоть до тех времен, когда Вторая мировая война потрясла и во многом разрушила Таллинн и мирную жизнь его жителей.

Таллинн был в средние века "лучшим городом всей Ливонии", как с гордостью писал в 1533 году помощник секретаря городского магистрата Людольфиус Виннегаль. Экономические связи Таллинна простирались по берегам Балтийского моря до Новгорода, Бергена, Лондона, Амстердама, Брюгге, и даже до Лиссабона.

Когда могучий ганзейский город Таллинн возник на

эстонском берегу, люди с противоположного берега также стали приезжать сюда по делам. Таким образом, Таллинн стоял у истоков создания города на северном побережье Балтийского моря, между Турку и Выборгом! Есть основания верить, что, когда вся Финляндия стала применять шведскую монету, Ниланд, расположенный напротив Таллинна, использовал таллиннскую монету. Движение было интенсивное даже зимой, перед тем как лед ломался, давая свободно двигаться судам. Таким интенсивным, что имело смысл строить передвижные корчмы для путешественников прямо на льду. До сих пор в Северной Финляндии есть поговорка: "Человек, который не был в Риге и Таллине, не видел мира". Для финнов Таллинн, как и Стокгольм, был одним из важнейших центров, окном в Европу, так как финские города по сравнению с городами Эстонии стояли на гораздо более низком уровне развития. Исторически Таллинн был крупнейшим эстонским портом, что, несомненно, стимулировало развитие города. Однако развитие Таллинна по сравнению, например, с Ригой происходило гораздо более меденно. У Таллинна, в отличие от Риги, отсутствовала речная связь с внутренними районами России. Но, в любом случае, развитие Таллинна веками опережало развитие Эстонии в целом. Это является одной из причин того, что население и производство распределено в Эстонии так неравномерно. Можно сказать, что страна и народ Эстонии в значительной степени идут за Таллинном. Влияние Таллинна на историческое развитие Эстонии было еще более велико. Вместе с Тарту и другими городами, Таллинн дал нашей маленькой стране многонациональный менталитет и материальную культуру.

Как известно, Таллинн расположен на северо-востоке Европы, вдали от Западной Европы, что является причиной того, что о нем мало знают в Западной и Центральной Европе. Военные походы Юлия Цезаря и Наполеона не достигли крепостных стен Таллинна. Но на протяжении веков датчане, рыцари Ордена, шведы, воины Ивана Грозного и Петра Великого вступали здесь в битвы. Население Таллинна часто страдало от эпидемий и голода. Первая и, особенно, Вторая мировые войны оставили в Таллинне свой след. В последней из них было разрушено 50% города, в том

числе 10% Старого города. Маленькая Эстония попала в число тех восточно-европейских стран, которые были поделены между Германией и Советским Союзом в результате заключения пакта Молотова-Риббентропа. Эстония, как известно, досталась Советскому Союзу.

События жаркого лета 1940 года круто изменили судьбу Эстонии и Таллинна. В 1934 году национальный состав населения Таллинна был следующим: 85,6% – эстонцы, 4,8% – немцы, 5,7%- русские, остальная часть – представители других национальностей. Демографическую ситуацию

Развалины монастыря святой Бригиты в Таллинне. Монастырь был крупнейшим женским монастырем св. Бригиты в Старой Ливонии. Построен на средства крупных таллиннских купцов. После Реформации начался упадок монастыря. Во время Ливонской войны в 1575 году осаждавшие Таллинн русские войска разграбили монастырь, а затем окончательно разрушили его двумя годами позже. После этого начался развал всего комплекса монастырских зданий. С 1980 года, после проведения археологических раскопок и реставрационных работ он был превращен в парк с историческими развалинами.

после войны можно определить так: один город – две национальности. Сейчас более 50% населения Таллинна составляют неэстонцы.

Десятилетия оккупации стали для Эстонии тяжелым испытанием. Но вечных империй не существует. Эстония объявила о восстановлении независимости 20 августа 1991 года, но есть старая поговорка о том, что независимость – вещь дорогая. Мы должны учиться жить по-новому.

Всем интересно, что принесет Таллинну и его жителям будущее. Какая будет жизнь в городе, в котором уже сейчас так много национальностей? В какой-то степени это будет зависеть от нас, однако это так же будет зависеть от тех, кто заседает в Кадриорге и на Тоомпеа, кто обладает властью и владеет ключами от Таллинна.

Все это важно не только для жителей Таллинна. Таллинн во многом также решает судьбу эстонской нации в конфликтной Европе. Развитие Таллинна в качестве центра определенного региона является результатом развития общественного разделения труда. Почувствовать социально-экономические проблемы развития эстонских городов и процесс их становления важно для каждого из наших гостей. Перенос центра тяжести общественного развития Эстонии из деревни в город привлек внимание к историческим проблемам города.

История Таллинна неотделима от истории Эстонии. Как уже отмечалось выше, эстонскому народу веками приходилось вести жестокие битвы с иноземными завоевателями. В таких битвах Таллинн играл важную роль. Древняя и сложная история Таллинна привлекала многих историков. Существует много работ по истории Таллинна, опубликованных в различные времена авторами с самыми разными взглядами на мир.

Этот короткий, обобщающий труд предназначен для широкой аудитории, в том числе – для школников, для тех, кто интересуется этим древним, но вечно юным, быстро развивающимся городом, которому более чем 750 лет назад было даровано Любекское право, что и определило развитие города на века. В конце книги расположен список наиболее важных работ по истории Таллинна, который поможет

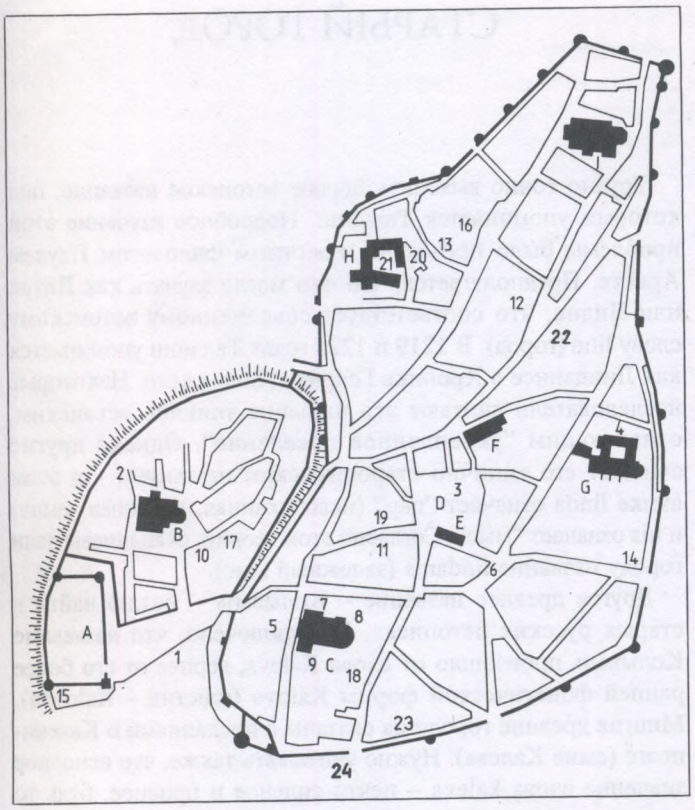
читателю глубже изучить отдельные аспекты истории этог древнего города.

Эта книга об истории Старого Таллинна (до 1940 года является одной из первых книг, выпущенных после дости жения независимости, для того, чтобы открыть тайн прошлого всем, кому интересен Таллинн. Автор использова работы, перечисленные в библиографии, и в необходимы случаях - документы из архивов, которые с октября 1990 год вернулись в Таллинн (в городской архив). Многие из эти материалов в 1944 году были увезены в Германию. Сейча эстонские историки получили нормальные условия дл изучения истории Таллинна, и всего за несколько лет он будут располагать еще большим объемом информации. теперь позвольте нам начать отсчет этих строк, посвященны истории моего родного города.

СТАРЫЙ ГОРОД

Трудно точно выяснить первое эстонское название, под которым упоминается Таллинн. Подробное изучение этой проблемы было проведено известным филологом Паулем Ариste. Предполагается, что оно могло звучать как Литна или Лидна, что соответствует современному эстонскому слову linn (город). В 1219 и 1223 годах Таллинн упоминается как Линданисе в Хронике Генриха Ливонского. Некоторые исследователи считают это название типично эстонским, означающим "укрепленное поселение". Однако другие считают его типично старошведским названием – в этом языке linda означает "пар" (невспаханная, залежная земля) и nis означает "мыс". Согласно этой теории, скандинавы дали городу название lindanis (залежный мыс).

Другое древнее название – Колывань – можно найти в старых русских летописях. Не исключено, что названние Колывань произошло от слова Kaleva, вернее от его более ранней фонетической формы Kalova (генетив – Kalovan). Многие древние городища связаны с преданиями о Калевипоэге (сыне Калева). Нужно учитывать также, что основное значение слова kaleva – нечто сильное и прочное, будь то живое существо или вещь. Предпринимались попытки соотнести это название с топонимом "qlwry" (в арабском написании), использованным арабским географом Идриси в 1154 году. Однако в последние годы это объяснение признается сомнительным. Еще одно довольно распространенное название для столицы Эстонии – это немецкое Reval, производное от названия эстонской местности Rävala. В нижнегерманском диалекте оно писалось как Reval, Rewel или Raevel, в латинском языке – Revelia. Нижнегерманская форма "Ревель" стала обычно употребляться в русском языке.В Хронике Генриха Ливонского крепость Таллинна упоминается как Castrum Danorum, то есть Датская Крепость. Такое название могло войти в обиход только после захвата укрепленного городища эстонцев датчанами в 1219



Археологические раскопки на территории средневекового Таллинна: A – крепость; B – Домская церковь; C - церковь Нигулисте; D – рыночная площадь (напротив городской Ратуши); E – городская Ратуша; F – церковь Святого Духа; G – Доминиканский монастырь; H – Цистерцианский монастырь; I – церковь Олевисте.
1 – Холм Кафедрального Собора (Тоомпеа), 1952; 2 – Тоомпеа, Тоомкооли 21, 1952; 3 – Ратушная площадь, 1953; 4 – улица Вене, Доминиканский монастырь, 1954; 5 – улица Рюйтли 8/10, 1973-74; 6 – Старый рынок, 1977; 7 – северная и южная стороны церкви Нигулисте, 1978, 1979 и 1981; 10 – улица Кохту 2, 1981/1982; 11 – улица Дункри 5, 1982; 12 – улица Пикк (Длинная) 35/37, 19834, 13 и 16 – улица Айда 2-10, улица Лай (Широкая) 19/21, 1983, 1986, 1988-1990; 14 – улица Виру 11, 1984; 15 – Тоомпеа, Губернаторский сад, 1984; 17 – Тоомпеа, улица Кохту 4, 1987; 18 – улица Харью, 1987-1990; 19 – улица Дункри 4, 1987; 20 – улица Айда 5; 21 – улица Суур-Клоостри, 1990, 1992; 22 – улица Пикк 28, 1992; 23 – улица Мюйривахе, 1992; 24 – Харьюская горка, 1992 [по данным Яана Тамма].

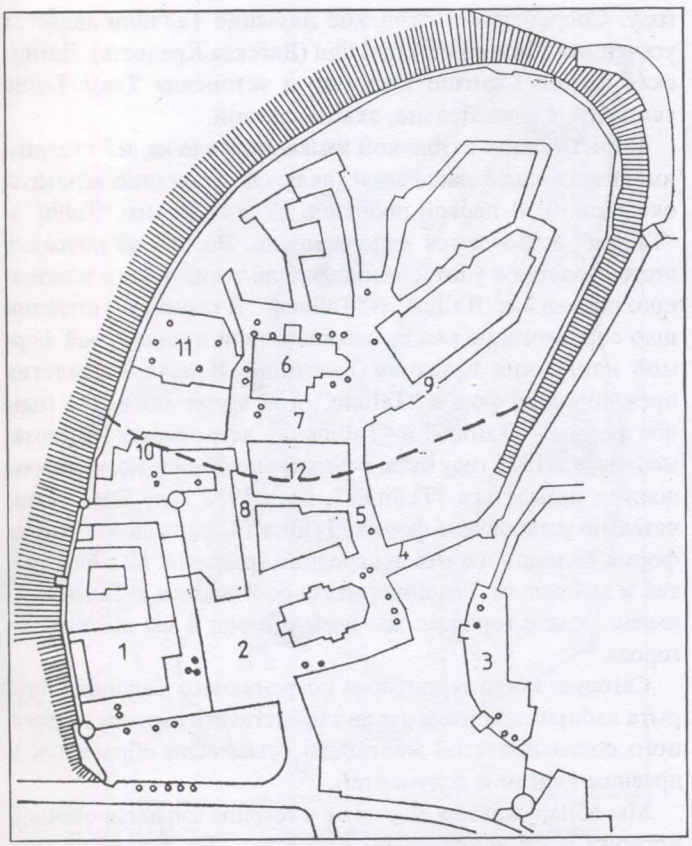
году. Современное эстонское название Таллинн является усеченной формой от Taani linn (Датская Крепость). Латинская форма Castrum Danorum и эстонская Tanin Lidna являются, следовательно, эквивалентами.

В письменном эстонском языке название нашей столицы имеет несколько написаний (включая различные варианты окончаний). В первой половине 19 века формы “Tallin” и “Tallinn” встречаются одновременно. Во второй половине этого столетия в употребление вошли такие формы генетивного падежа как “Tallina” и “Tallinna”. В нынешнем столетии шло соревнование между номинативной и генетивной формой написания названия Таллинна. В начале столетия превалировала форма “Tallinn”, в то время как в 20-е годы обе формы - “Tallinn” и “Tallinna” - встречаются взаимозаменяемо. В 1925 году было официально объявлено, что город должен называться “Tallinna”, но в 1933 году была окончательно установлена форма “Tallinn”. Официально принята форма Таллинн и в международной традиции. Как близкие, так и далекие от Таллинна места соотносятся с Таллинном именно как с городом: мы идем в город и мы выходим из города.

Сегодня, когда территория современного Таллинна покрыта лабиринтом улиц, трудно представить картину первичного состояния этой местности, даже если обратиться к древним картам и документам.

Мы обнаруживаем, что даже в течение зафиксированной истории море значительно отступило. Не так давно мыс Пальяссаар был отделен от материка,будучи островом. Старый морской маршрут к Нарве проходил между островом Аэгна и материком. Человек зачастую создавал землю из моря. В середине прошлого столетия восточная часть порта была болотистой и подвержена наводнениям, так что ее можно было пересекать только по низкому деревянному мосту. В районе Каларанд (Рыбный берег), за нынешней электростанцией, служившей в прошлом причалом для рыболовных судов, большая часть новой территории была намыта из моря и расширена с помощью сланцевой золы.

Несмотря на все эти изменения, бухта Таллинна, которая в районе порта достигает значительной глубины, в целом



Таллинн, Тоомпеа:
1 – крепость; 2 – Дворцовая площадь; 3 – сад Датского Короля; 4 - верхняя часть улицы Пикк Ялг (Длинная нога); 5 – улица Каллаку; 6 – Домская церковь; 7 – Церковная площадь; 8 – улица Тоомкооли; 9 – улица Кохту; 10 – обратная сторона Тоомкооли; 11 – поместье епископа; 12 – Домская церковь. Пунктирная линия на рисунке показывает границу укреплений древней крепости (по данным Яана Тамма).

осталась без изменений на протяжении веков, и защищенная гавань представляла из себя краеугольный камень самого существования города. От мыса Копли берег резко выдается вперед, формируя откос, который в районе электростанции террасой поднимается к городу, доходя до Харьюских ворот, где соединяется с плато Тоомпеа. Что касается самого

Тоомпеа, то в прошлом он должен был представлять собой отчетливый и бросающийся в глаза береговой знак, хорошо запоминаемый всеми мореплавателями. Все это способствовало развитию гавани, которая протянулась по низине между Каларандом и столбовой дорогой к Нарве. Согласно документам, относящимся к 14 и 15 векам, почва была очень болотистой в районе так называемой Камышовой канавы напротив Малых береговых ворот. Далее береговая линия тянулась вдоль Нарвской улицы, участок которой (Кадриорг) в 19 веке все еще время от времени опустошался бешеными атаками моря. Таллинн имеет еще и другое водное пространство, а именно - озеро Юлемисте, известное до 1340 года под именем Ярвекюла. Современное название относится к более позднему периоду и происходит от названия мельницы Юлемисте. Точно не известно, имело ли озеро выход к морю до 13 столетия. Возможно, что река Хярьяпеа начиналась с родников на склонах Ласнамяэ. Река соединяла между собой озеро Юлемисте и море: через нее озеро избавлялось от избытка воды, который приносили два впадающих в озеро ручья во время весенних и осенних паводков.

В западной части города находилась долина Кристийне, в которой до 1653 года не было ничего, кроме болота. Отсюда начинался ключ Сипе, который вместе с другими источниками такого рода образовывал речку Мустйыэ, впадающую в море в районе Хаберсти. Озеро Харку и вытекающая из него речка Тискре были знамениты богатыми запасами миноги.

Что касается возвышенностей, то мы уже упоминали Тоомпеа. Она представляет из себя отдельное плато, возвышающееся над окружающей местностью, ограниченное с юга известниковыми террасами. По соседству есть другие возвышенности, но ни одна из них не высока так, как Тоомпеа. Вероятно, существовала песчаная терраса близ церкви Олевисте, поэтому 1332 году холм Олеви был назван Песчаным холмом (mons arena по-латыни и Zantberch по-нижнегермански). Напротив орудийной башни Толстая Маргарита терраса формирует возвышенность, которая известна под именем Кыйсмяги (Канатный холм), который был, видимо, частично насыпан в середине 16 века.

Тынисмяги (холм св. Антония) был в прошлом значительно выше, его верхняя часть была сравнена к 1560 году. С южной стороны он смотрится как прямое продолжение Тоомпеа. Вопрос о том, был ли проход на Тоомпеа через понижающуюся часть или через крутой склон, остается открытым из-за наличия бастионов, воздвигнутых здесь позднее.

Некоторые другие названия, которые получили в давние времена известковые насыпи простирающиеся вокруг Таллинна – Тапамяги (холм Сражений) около замка Маарьямяги (холм Марии) и Сыямяги (Военный холм) около Ласнамяги – вероятно, были названы так после битвы 1343 года. Дальше – Кивимяги (Каменный холм) в каменной яме Ласнамяги, сам Ласнамяги и песчаные холмы или дюны озера Юлемисте и Нымме, и т.д., и т.д.

В 1265 году границы и правила пользования общинной городской землей были совместно установлены гражданами и знатью из крепости, а позднее также признаны королем Дании. В те времена граница общинной земли, вероятно, проходила от Тискре к озеру Харку, затем к известняковой банке и вдоль нее к озеру Юлемисте, где она охватывала все окрестности вверх до реки Пирита. Общинная земля включала также острова Пальяссаар, Найссар и Аэгна. Последние два из них были поставщиками древесины для города и крепости, что было закреплено ордонансом в 1297 году. В 1348 году настоятельница женского монастыря св.Михаила отказалась от всех претензий на острова в пользу города.

Пауль Йохансен придерживается мнения, что пользование общинной городской землей было основано на статусе совместной собственности, признанном обитателями города и крепости. В 1282 году был издан указ убрать все изгороди внутри общинной земли, то есть отменить все знаки частной собственности на полях и лугах. Указ не применялся в отношении садов в предместьях. Согласно городским книгам, сады в предместьях относились к определенным домам до 14 века. Наиболее трудной задачей является доказательство определения, с одной стороны – прав знати, обитавшей в замке и, с другой стороны – прав граждан Нижнего города. В 1340 году было достигнуто соглашение, согласно которому

каждая сторона могла косить один год только на восточной стороне, а на следующий год – на западной стороне общинной земли. Обе территории были ограничены озером Юлемисте и рекой Вески (позднее – Хярьяпеа), вытекающей из озера. Этот порядок еще существовал в конце 18 века, и служил причиной конфликтов между губернатором и рыцарством. Все остальные споры вокруг общинной земли города были решены в пользу города Орденом, временно – в 1348 году, и окончательно – в 1371 году, в обмен на что город пожертвовал некоторыми другими участками земли. В 1348 году так называемый "выгон Комтура" был передан замку, вместе с целым предместьем, относящимся к Тоомпеа, которое охватывало половину нынешних горки Тынисмяги, улицы Кийре и часть Палдиской дороги. В 1371 году Орден вошел во владение западной частью общинных земель - районом протянувшимся от Мустамяэ до озера Харку. Они были присоединены к орденскому владению Харку. Этим изменением границ городская общинная земля была определена на многие последующие годы. Единственными позднейшими изменениями были отделение от старого вотчинного городского имения Хаберсти новой крестьянской общины, образованной в 1856 году, а также перевод островов Найссаар и Аэгна в государственную собственность в 1689 году, когда количество поместий уменьшилось во время шведского правления в Эстонии.

Таллиннские общинные земли были окружены десятью деревнями: Ярвекюла, Харку, Пяэскюла, Мыйгу, Лагеди, Иру, Вяо, Виймси, Тыдва и Сырве. Все эти деревни были постоянными поселениями еще в доисторические времена, что подтверждается археологическими находками. Укрепление на Тоомпеа появилось примерно в 11 веке, после того, как укрепление Иру на реке Пирита утратило свое значение.

Согласно Хронике Генриха Ливонского, летом 1219 года датчане под личным руководством короля Вальдемара II высадились с большой армией в земле Рявала и "поселились в Линданисе, который раньше был крепостью ревальцев, и разрушили старую крепость, и начали строить новую". Это сообщение отмечает начало истории средневекового Тал-

линна, события 1219 года являются пограничной линией между доисторическими и историческими временами.

Сведения, изложенные в Хронике Генриха Ливонского дают нам первый ключ к пониманию древней истории Таллинна.

Они доказывают существование в Таллинне крепости, уже хорошо известной в Северных странах до 1219 года. Можно считать доказанным, что Вальдемар II не мог просто так выбрать обычное укрепленное поселение, но считал, что у Таллинна особая позиция и важность по сравнению с другими крупными центрами древней Эстонии. Сведения из таких источников, как Хроника Генриха Ливонского, Liber Census Daniae (Датская поземельная книга), и некоторые более поздние документы указывают на то, что Таллинн был перекрестком нескольких важных дорог, идущих с запада и востока. Расположение древнего Таллинна в системе дорог без сомнения доказывает, что, вдобавок к преимуществам, которые давали морской порт и крепость, он так же был торговым центром. Это обстоятельство, очевидно, играло решающую роль в придании Таллинну специфических черт.

Исследования состояния Таллинна до завоевания более или менее гипотетичны.

В ближайшем будущем археологи должны окончательно определить, что было на месте сегодняшнего Таллинна (если вообще что-нибудь было) в средние века до периода феодализма.

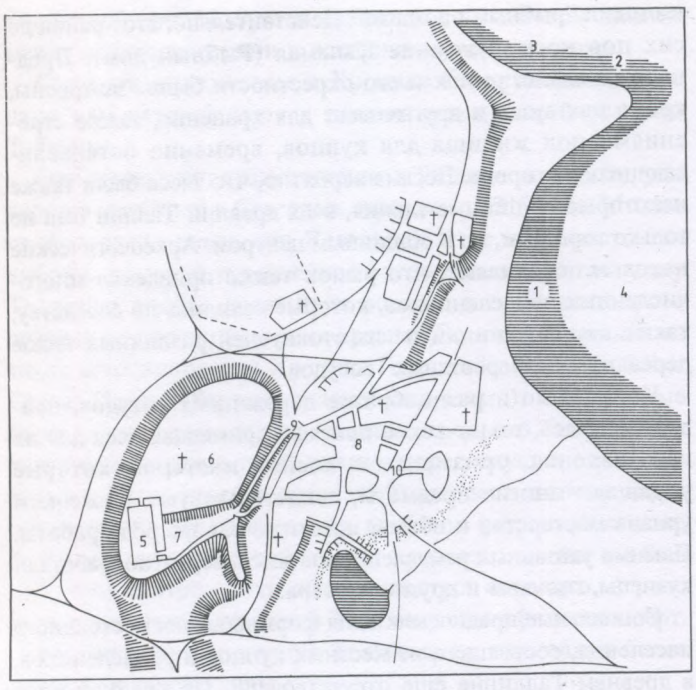
Учитывая общее развитие Восточной Европы и опираясь на данные научных исследований в этой области, мы можем только предположить, что до 13 века, когда наши самые крупные поселения получили статус феодальных городов, на месте сегодняшнего Таллинна существовал своего рода эмбрион города. Для исследования древнейшего периода истории Таллинна нужно прежде всего провести обширные археологические раскопки, лишь тогда мы сможем лучше узнать, что здесь было раньше.

Согласно Эвальду Тыниссону, жизнь в древнем Таллинне была основана на трех главных элементах: рынок, порт и крепость. Вдобавок к портовым сооружениям, весь берег был усыпан всякого рода сараями для сетей и лодок, так называемыми "рыбными домами". Действительно, этот район до сих пор носит название Каламая (Рыбный дом). Предположительно, рынок и его окрестности были застроены, кроме пакгаузов и других мест для хранения, также строениями под жилища для купцов, временно останавливающихся в городе. Весьма вероятно, что здесь были также некоторые общинные здания, ведь древний Таллин был не только торговым, но и общинным центром. Археологические находки показывают, что рынок также привлекал многочисленных ремесленников, которые селились по соседству, таких как сапожники и изготовителей различных видов деревянных и берестяных сосудов.

Количество и разнообразие деревянных сосудов, найденных здесь, технические приемы, применявшиеся для их изготовления, орнаменты и клейма мастеров, которые украшали многие предметы, свидетельствуют о высоком уровне мастерства и общем престиже такого рода работы. Помимо указанных ремесленников здесь, вероятно, работали кузнецы, гончары и другие мастера.

Социальные предпосылки для формирования постоянного населения, состоящего из местных купцов и ремесленников, в древнем Таллинне еще отсутствовали. По крайней мере этот процесс находился только на начальной стадии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы не находим никаких упоминаний, согласно которым можно было бы предположить существование в древнем Таллинне постоянного поселения, ни в Хронике Генриха Ливонского, ни в Liber Census Daniae.

Согласно Liber Census Daniae, ближайшие постоянные поселения существовали в Мыйгу и Ярвекюла. По мнению Эвальда Тыниссона, развитие городского поселения Таллинна в центр городской коммуны в значительной степени зависело от его отношений с поселениями городского типа области Ревала (Рявала). Иру подходил в качестве центра до тех пор, пока территориальная общность Ревала охватывала только землю Ревала (Рявала) и Окриеле (сегодня – Юриский приход около Тартуского шоссе). Но после того, как Вомментагана была также присоединена к ним, центр этих земель переместился к западу. Единственное место в Ревала, где

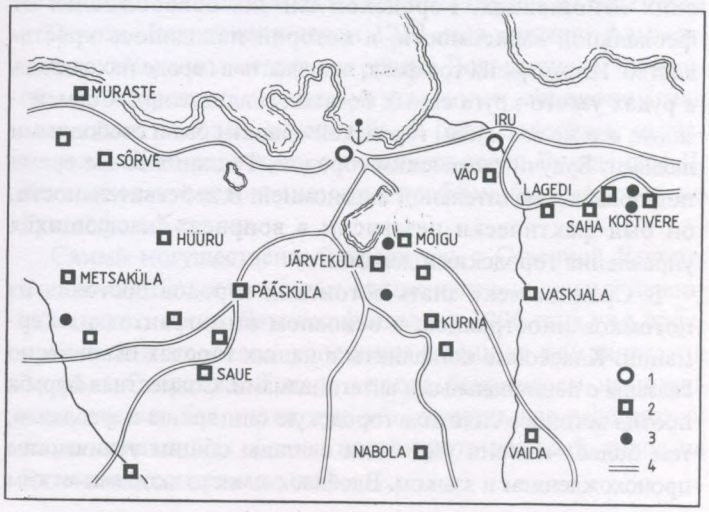


Древние порты и сезонные рыночные площади:
1 – порт, по данным Р.Зобгля; 2 – порт, по данным П.Йохансена; 3 – порт, по данным Л.Тийка; 4- порт, по данным О.Саадре; 5 – малая крепость; 6 – большая крепость; 7 – внешнее укрепление; 8 – Ратушная площадь; 9 – начало улицы Пикк Ялг (Длинная Нога); 10 – Старый рынок (по данным Яана Тамма).

границы всех трех округов встречались, был район, простирающийся между озером Юлемисте и Таллиннским заливом. Разумно предположить, что деревенские общины Ребала, Окриеле и Воментагана получали выгоды от соседства с гаванью и рынком Таллинна. Соответственно, в этом совпадали интересы всех поселений Ревалии. Возможно даже, что и общины Харью также пользовались правом доступа к гавани и рынку. Строительство крепости на Тоомпеа было общим предприятием для всей области, поэтому выражение "крепость ревальцев", которое встречается в Хронике Генриха Ливонского, очевидно, вполне корректно.

Генезис и рост древнего Таллинна и его социально-экономического статуса не представляет из себя, по мнению Эвальда Тыниссона, какого-то исключительного феномена для стран Восточной Прибалтики. Например, поражает их схожесть с древней Ригой. Возникновение и расцвет древнего средневекового Таллинна в качестве посредника в торговле между востоком и западом может быть понято только, если вспомнить формирование города-эмбриона. 1219 год принес Таллинну множество важных изменений, самым значительным из которых было выделение Таллинна из окружающего района Ревалия. Он начал развиваться как независимое административное образование – феодальный город, противостоящий деревне. Город-эмбрион (нем. Frühstadt, фин. varhaiskaupunki, польск. protomiasto) начал вырастать в настоящий город. Средневековый Таллинн (с 13 по 16 вв.) был типичным продуктом германской экспансии на восток. Эстонцы играли в нем важную роль. Первоначально их правовые и социально-экономические позиции были сильны,

Старый Таллинн и его ближайшие окрестности:
1 – крепость; 2 – деревни 13 века; 3 – залежи полезных ископаемых в 13 веке; 4 – основные дороги (по данным Яана Тамма).



они могли сравнительно легко становиться гражданами города. С середины 14 века давление со стороны немецкой знати и городских граждан усиливалось, и позиции эстонцев в городах значительно ослабели.

В Средние века Таллинн занял доминирующие позиции в торговле между Западной Европой и Новгородом, в то время как, по ряду причин, далекий Любек не смог продолжать вести самостоятельно свои дела в Новгороде. В период феодализма, когда общественное разделение труда было еще неразвито и большинство населения проживало в деревне, последняя доминировала над городом. Город может доминировать над деревней экономически, как это было в древности, но может преобладать и власть деревни над городом, как это было в Средние века. В Европе в Средние века жизнь была сконцентрирована в деревне, где проживало подавляющее большинство (более 90%) населения. Таковы были условия, в которых расцвел самый прекрасный цветок средневековья – феодальный город. Социально-экономическое и политическое значение городских центров того времени намного превосходило номинальное количество их жителей. С приходом городов ремесло отделилось от торговли. В феодальном городе был установлен особый порядок управления, базирующийся на специфических экономических отношениях. Городской житель освобождался от феодальной зависимости, в которой находилось крестьянство. Несмотря на тот факт, что власть в городе находилась в руках узкого круга самых богатых и влиятельных семей – знати, все же все члены городской общины были свободными людьми. Будучи ганзейским городом, Таллин в то же время пользовался значительной автономией. В действительности, он был фактически независим в вопросах, касающихся управления городскими делами.

В Средние века знать эстонских городов состояла из потомков иностранцев, в основном иммигрантов из Германии. Классовые конфликты в наших городах были тесно связаны с национальными антагонизмами. Совместная борьба против эстонцев сплотила городскую олигархию и феодалов, тем более, что они уже были связаны общим этническим происхождением и языком. Вдобавок к чисто экономическим

(в основном – торговым) мотивам, эти сложные социальные и национальные связи влияли на направление внутренней и внешней политики Таллинна. Веками богатые купцы и владельцы недвижимости в Таллинне привыкли участвовать в большой политике, их интересы тесно сплетались с общими проблемами Балтийских стран, а также с европейской политикой.

Событием, которое решительно изменило будущее развитие городского поселения на месте современного Таллинна, была агрессия немецких и датских захватчиков против стран восточной Прибалтики в начале 13 века. Немецкие крупные феодалы, которые высадились в устье Даугавы и основали свой стратегический и экономический центр в Риге, под руководством епископа Альберта достигли успеха в распространении своих непрерывных военных кампаний на территории, населенные эстонцами. Главной военной силой захватчиков была особая военная организация – Орден Меченосцев, укрепленный отдельными отрядами рыцарей-крестоносцев.

Из Риги немецкие агрессоры совершали непрерывные опустошительные походы на территорию Эстонии, однако им не удавалось завоевать северную Эстонию, одним из центров которой был Линданисе. Более того, с 1217 года эстонцев стали поддерживать военные отряды из Новгорода и Пскова. Вот почему летом 1218 года епископ Альберт, вместе с Великим магистром ордена Вольквином и епископом Теодорихом, заранее назначенным епископом над эстонцами, которые должны были быть покорены, отправились в Данию просить о помощи короля Вальдемара II. Детальное исследование этих проблем было проведено Рудольфом Кенкмаа.

Самый могущественный правитель в Северной Европе, Вальдемар II, с готовностью откликнулся на призыв ливонских захватчиков. Датские феодалы в 1206 году уже предпринимали не очень успешную военную кампанию на острове Сааремаа. Теперь король был совсем не прочь использовать благоприятную возможность для расширения своих владений и обещал подготовить военный поход на Эстонию в следующем году.

Поход Вальдемара II в Северную Эстонию в начале лета 1219 года был тщательно подготовлен. Вдобавок к четырем епископам и большому количеству священников, взятых для крещения покоренного народа, короля Дании сопровождала огромная армия и обоз. Датские хроники указывают, что для высадки армии в Эстонии понадобилось 1500 судов. Эта часто называемая цифра, очевидно, преувеличена. Помимо датчан в армии было много немцев, вассалов из тех территорий Северной Германии, которые в то время были под властью Дании, равно как и еще один вассал Дании - правитель вендов Вицлав (Венцеслав) с острова Рюген, вместе со своими воинами.

В 1219–1220 гг. датчане захватили всю Северную Эстонию и завершили возведение своего оплота – Датской крепости на Тоомпеа.

Легенда гласит, что датчан привел к победе флаг, упавший с неба во время битвы благодаря молитве епископа Андреаса – белый крест на красном фоне. Этот государственный и национальный флаг Дании, так называемый Данеброг, появился также на малом гербе Таллинна и одновременно является частью герба Большой гильдии, который сохранился до сих пор, и который можно видеть во многих местах нашего города.

Основываясь на том, что мы сейчас знаем, можно заключить, что с 1480 года и до распада Ливонского Ордена только этот, так называемый "малый герб", действовал в Таллинне. Лишь начиная с 1564 года на указах шведского короля Эрика XIV, возможно в качестве антидатской демонстрации, в гербе Таллинна стали использоваться три льва – сначала на монетах, а затем и в других сферах жизни.

Состояние войны, которое началось с завоевания Северной Эстонии в начале лета 1219 года, продолжилось, за исключением нескольких периодов мира, до 1227 года.

Дележ христианизированных территорий и душ стал причиной дрязг между датскими и немецкими крестоносцами, которые стали заклятыми врагами датчан.

Когда эстонцы осаждали крепость Таллинна в 1221 году, датчанам под командованием епископа Андреаса грозила та же ужасная судьба, которая постигла шведских солдат, перебитых до последнего человека под Лихула летом предыдущего 1220 года.

Памятуя об этом, датчане решили вести себя значительно более осторожно по отношению к немцам в Риге. По приглашению Андреаса епископ Альберт вместе с магистром Ордена прибыл в Таллинн, где было заключено новое соглашение между немцами и датчанами, касающееся разграничений завоеванных территорий и прав. По сравнению со старым соглашением, новое было гораздо более выгодно для немцев. В то же время захватчики обновили свой союз с целью продолжения войны против язычников, то есть в первую очередь против эстонцев, но также против русских.

В 1222 году Вальдемар II в союзе с немцами из Риги попытался завоевать остров Сааремаа. Захватчикам даже удалось воздвигнуть каменную крепость на острове, но более не удалось ничего. Остатки датской армии были вынуждены с позором отступить и бежать в Таллинн. Сокрушительное поражение иностранных завоевателей стало сигналом для всеобщего восстания эстонцев против их поработителей. Но и тогда датская крепость, возвышающаяся на Тоомпеа, осталась единственной точкой на территории Эстонии, которую эстонцы, несмотря на все свои попытки, не смогли освободить. Еще две попытки были совершены в 1223 году – одна в феврале, другая в сентябре. В последнем случае крепость была осаждена армией, состоящей из воинов из Сааремаа, Ляэнемаа, Варбола, Ярвамаа и Вирумаа. Тем не менее, и эта попытка освободить Тоомпеа провалилась. Вторая осада Таллинна носила более серьезный характер. На этот раз эстонских воинов с Сааремаа и северной Эстонии поддержали их русские союзники из Новгорода и Пскова. Согласно русским хроникам, их было 20 000 человек под командованием Владимира, князя Ярославского и Псковского, брата Великого князя Владимиро- Суздальского Юрия Всеволодовича. Несмотря на то, что датскую крепость (у Генриха Ливонского она все еще называется Линданисе) атаковали в соответствии со всеми правилами осадной техники того времени, ничего не получалось. Главной причиной неприступности этой крепости было ее расположение. Затруднения, которые датчане испытывали в

северной Эстонии, не смог разрешить даже Вильгельм, епископ Модены, который в качестве папского легата с соответствующими полномочиями посещал Ливонию в 1225–1226 годах с целью разрешения местных споров и конфликтов из-за власти, и который убеждал эстонцев и датчан "жить вместе в дружбе".

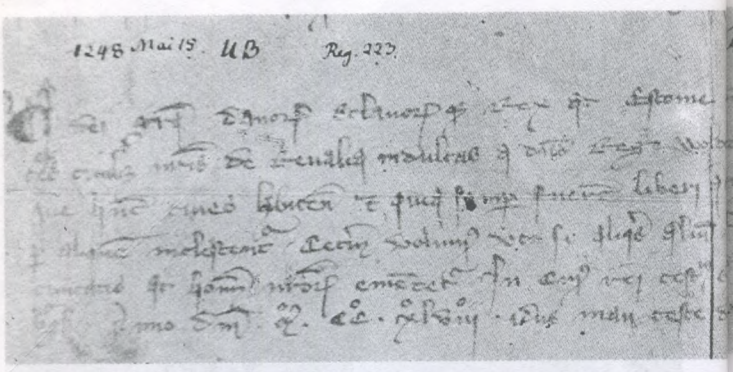
В северной Эстонии непосредственно под властью папы было основано буферное государство, расположенное между доменами датчан и немцев, которые конфликтовали по поводу их принадлежности. Однако уже на следующий год это буферное государство распалось. Большая его часть была захвачена Орденом Меченосцев. После короткой осады Орден завладел крепостью Таллинна и отправил сдавшиеся датские войска, которыми руководил епископ Весцелин, бывший капеллан короля, обратно на их родину. Этим был отмечен бесславный конец первого, восьмилетнего правления датчан в северной Эстонии. В течение этого периода Таллинн претерпел одно жестокое полевое сражение и четыре осады, из которых три были безуспешными и только четвертое закончилось падением крепости на Тоомпеа.

В 1228 году Генрих VII, император Священной Римской империи германцев передал древние районы северной Эстонии (за исключением Ляэнемаа, который был переведен в другое епископство) вместе с Таллинном в постоянный лен Ордену Меченосцев. В результате этой передачи данные владения были, согласно закону, присоединены к Германии. Но Римский папа и датский король Вальдемар II не собирались расставаться со своими феодальными владениями в Эстонии. Прежде всего Волквин, Магистр Ордена, заменил слабую и, вероятно, частично деревянную крепость датчан новой мощной каменной крепостью, окруженной прямоугольной стеной, а на востоке и севере – также глубоким сухим рвом. Это укрепление, расположенное на месте нынешней крепости Тоомпеа, известно как Малая крепость, которая в северо-восточной части известнякового плато Тоомпеа переходит в Большую крепость. В этой последней находили себе приют вассалы из Ревала, Харью, Виру, а временами, возможно, и из Ярва. Завоеватели пока не решались поселиться в собственных феодальных владениях

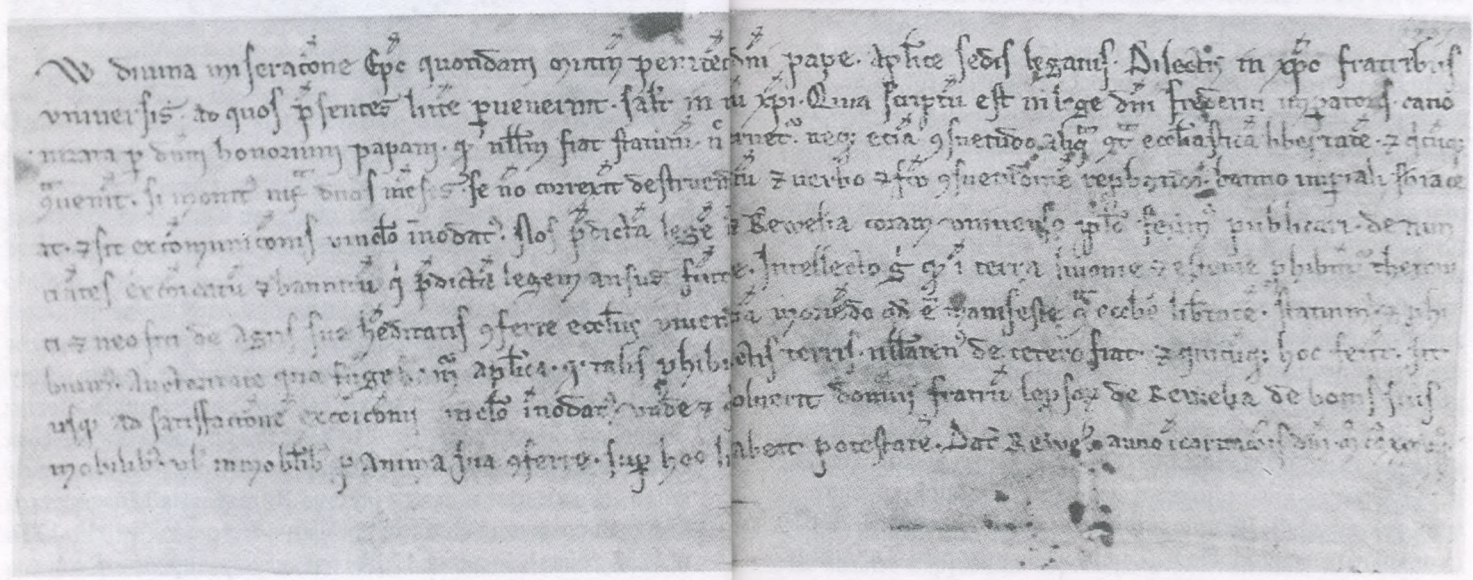
В 1229 г. члены католического религиозного ордена доминиканцев – Ordo fratrum praedicatorum – появились в Таллинне. Фото внутреннего двора Таллиннского Доминиканского монастыря Катарины. Фото – Э.Райкюла.

в сельской местности. Таким образом, Тооомпеа начинает вырастать в постоянную резиденцию знати и ее сословных организаций.

В дальнейшем папа обнаружил безнадежность попыток создать клерикальное государство на далеком севере, и предпочел отобрать Таллинн вместе с землями Харью, Виру и Ярва у Ордена, и возвратить их королю Дании. После неудачной битвы при Шауляе в 1236 году остатки Ордена меченосцев объединились с Тевтонским Орденом. По настоянию папы и при посредничестве Вильгельма Моденского, который совершил еще три поездки в Эстонию (в 1234, 1237 и 1238 годах), 7 июня 1238 года между королем Дании и



Привилегии датского короля Эрика IV Пахаря для Таллинна, где впервые упоминается, что город может использовать Любекское городское право. 15 мая 1248 года. Краткое изложение привилегий Таллинна архиепископом Бурхардом фон Дрейлебеном. 1 февраля 1347 года. Таллиннский городской архив, F.230, n. 1-I, 168.



Древнейший таллиннский документ, в котором Вильгельм Моденский, папский легат, дарует определенные права богадельне Яани (св.Яна) (1237 г.). Таллиннский городской архив, f. 230, n.1-I, s.2.

Великим магистром Тевтонского Ордена было заключено соглашение в Стенсби, по которому северная Эстония была отдана Дании. Единственным исключением была земля Ярва, которую датский король в конце концов уступил Ордену.

Таким образом, Таллинн стал столицей феодального домена под рукой датского короля, включавшего в себя земли Харью и Виру. Древний Ревала был присоединен к этому владению еще раньше. Новая провинция получила название Герцогства Эстляндского, а король Дании стал также Герцогом Эстляндии. Из за отдаленности столицы и примитивного состояния средств связи власть короля в местных административных и юридических делах неизбежно становилась номинальной.

Неясно, на основе какого права начал заселяться Нижний город Таллинна в самом начале. Но мы знаем, что с 1248 года он управлялся на основе городского Любекского права.

Таллиннский городской совет (consilium consulum civitatis) впервые упоминается в документе датского короля Эрика IV, касающегося налога и датированного 15 мая 1248 года, когда Таллинн приобрел возможность использовать Любекское право.

С 13 века и по 1877 год название "Таллинн" относилось к Нижнему городу. Власть городского магистрата не распространялась на Тоомпеа (Соборный холм), и Любекское право там не действовало. Городской совет являлся высшей законодательной, исполнительной и судебной властью в городе. В Таллинне магистрат продержался в качестве опоры городского самоуправления до 1877 года. Затем он еще в течение 10 лет функционировал в качестве суда, а в 1889 году был окончательно ликвидирован. Правовые основы и внешняя форма Таллиннского самоуправления без особых изменений существовали на протяжении шести столетий. В результате восстания Юрьевой ночи (1343–1345 гг.), в 1346 году Герцогство Эстляндия, включая города Таллинн, Раквере и Нарва, было продано за 19 000 серебряных марок Тевтонскому Ордену. Годом позже фактический хозяин и правитель этих территорий, Ливонский Орден, приобрел их за 20 000 серебряных марок. Новый период в истории Таллинна,

характеризующийся феодальной раздробленностью, продолжался более двухсот лет, и оставил во внутренней городской жизни, но еще более во внешнем облике города, в формах строений и укреплений Старого города, следы, которые были сохранены до сегодняшнего дня. Это развитие должно быть в основном отнесено к расцвету ганзейской торговли, равно как и внутренней торговли, во второй половине 14 века и в начале 15 века.

С середины 14 века и до конца первого периода Ливонской войны (1561 г.) политическая история Таллинна определялась прежде всего его подчинением Тевтонскому Ордену и подразделению последнего – Ливонскому Ордену. В связи с Реформацией Тевтонский Орден был секуляризирован в 1525 году, и Таллинн вместе с северной Эстонией перешел под прямое управление Ливонским Орденом. В качестве высшего командующего во главе Тевтонского Ордена стоял Великий магистр (в Пруссии), в то время как Ливонский Орден возглавлял магистр Ордена, находившийся в Риге или в Цесисе. После посвящения каждого нового Великого магистра, магистр Ливонского Ордена, в сопровождении своей свиты, приезжал из Латвии получать, по поручению Великого магистра, клятву верности от города Таллинна и рыцарства Харью и Виру, а также подтверждал их сословные привилегии.

Владычество Ордена прежде всего оказывало влияние на зарубежные связи Таллинна с городами-республиками Новгородом и Псковом, а позднее – и с централизованным Русским государством, и на торговлю, особенно – на ганзейскую транзитную торговлю через Таллинн. Учитывая то обстоятельство, что с конца 14 века и Любек, и Висби были вовлечены в политические проблемы стран, более близких к ним, влияние Таллинна и Тарту в новгородском представительстве Ганзейского союза значительно возросло. Во время празднования Ганзейского дня в Штральзунде в 1442 году Любек был вынужден признать их контроль над торговлей с Новгородом. Таллинн в первую очередь смотрел на восток и избегал участвовать в войнах, которые в 15 веке велись Ганзой против Дании, Англии и Нидерландов. Однако эти войны нарушили торговлю в Балтийском и Северном

морях. Особенно это относится к Тринадцатилетней войне (в 1454–1466 гг.) между Польшей и Тевтонским Орденом, в которой Таллинн, как город, подчиненный Ордену, также считался воюющей стороной и, соответственно, его суда страдали от каперства. Помимо этого, в военное время возрастала активность пиратов. Огромное политическое влияние на дальнейшее развитие событий во всей Ливонии оказала лютеранская Реформация. В Таллинне это, по сути социальное, но внешне религиозное движение достигло пика 14 сентября 1524 года и выразилось в беспощадном уничтожении предметов религиозной живописи в результате появления учения так называемого "очищенного евангелия", которое проповедовали священники из Германии. Примером для Таллинна послужили похожие события в Риге зимой 1524 года. В Таллинне толпа сначала ринулась в ненавистный Доминиканский монастырь, затем – в церкви Святого Духа и Святого Олая, где были разрушены все алтари, изображения и статуи католических святых. Иконоборцы не смогли прорваться в церковь Святого Николая. Она, наряду с монастырем Святого Михаила и, возможно, так же как Домская церковь, была взята под вооруженную защиту знатью Верхнего города.

Уничтожали изображения простые люди, которые надеялись на улучшение своего плохого экономического и правового состояния. Но самое большее, чего могли достигнуть массы, – это временное нарушение работы городского магистрата, в то время как власть Ордена и знати на Тоомпеа, в монастыре Святого Михаила и в сельской местности оставалась незыблемой. Доминиканский монастырь был закрыт в январе 1525 года, а монахи изгнаны из города.

Таллиннский магистрат был знаком с программой мятежных швабских крестьян – с так называемыми "двенадцатью тезисами". Среди крестьян наблюдалось некоторое волнение и спорадическое сопротивление феодалам и их слугам, которые однако не переросли в какое-либо крупное движение сопротивления. В 1560 году во время восстания крестьян в западной Эстонии, мятежники вошли в контакт с городским магистратом, предлагая ему "дружбу и мир", но отказываясь от любых сделок со знатью. Однако магистрат

отклонил предложение мятежников, убеждая их прекратить восстание.

В Ливонии Реформация не достигла никаких решительных политических результатов – ни в отношении смягчения социальных антагонизмов, ни в вопросе национальной консолидации. Соответственно, когда в 1558 году началась Ливонская война, у правящих классов Ливонии совершенно не было возможности сохранить свой статус государства. В Таллиннском магистрате немедленно был поднят вопрос о внешнеполитической ориентации.

Теоретически наиболее естественным союзником для Таллинна должен был быть Ганзейский союз, так как Таллинн состоял в списке ее членов. Однако очевидно, что экономические интересы Таллинна и его стремление монополизировать торговлю с Россией в союзе с другими городами Ливонии накануне Ливонской войны, вызвали напряжение во взаимоотношениях с Ганзой. Ганзейский союз очень осторожно относился к вопросу об оказании помощи Ливонии, что стало очевидным еще перед началом войны во время проведения Ганзейских дней. Во время войны (после лета 1559 года) Таллинн пытался препятствовать торговле между Россией и Ганзейскими городами в Нарве, даже вплоть до посылки своих каперов. Подобная политика обострила отношения до такой степени, что больше не могло идти речи об оказании помощи.

Таллинн в основном стал ориентироваться на Швецию. Швеция долгое время была одной из тех зарубежных держав, к которым обращались за помощью власти Ливонии. В 1558 году в городском магистрате существовала сильная прошведская фракция, поддерживаемая Хенриком Хорном, опекуном Юхана, герцога Финляндского и братом короля Швеции, Эриком XIV. Несмотря на это, в августе 1558 года предложение герцога Юхана сдать Таллинн шведским властям было отвергнуто городским советом, который все еще ориентировался на Данию.

Однако осенью 1560 года, ввиду успешной летней кампании русской армии, созрело решение в пользу Швеции. 26 марта 1561 года шведские послы во главе с Клаусом Хорном, сыном Кристьяна, который еще ранее поддерживал

прошведские настроения в Таллинне, прибыли из Швеции. 11 апреля большая делегация имела аудиенцию у Кеттлера, магистра Ордена. Его просили дать окончательный ответ, есть ли у него кто-то, за исключением польского гарнизона, кто может предложить ему реальную помощь. Если нет, то город Таллинн и земли Харью и Виру примут предложение Швеции.

Магистр Ордена не дал удовлетворительного ответа. На заседании городского магистрата 3 мая Клаус Хорн настаивал на полном подчинении, и 6 июня город присягнул на верность королю Швеции Эрику XIV. Двумя днями ранее то же самое сделало рыцарство.

Существование города предполагает необходимое наличие администрации, полиции, налогов и т.д. Короче говоря, ведение муниципальной политики и, следовательно, политики в целом.

В Средние века Тоомпеа делился на четыре административные единицы – Малая крепость, принадлежавшая ландесгерру, Большая крепость, находившаяся под юрисдикцией рыцарства, Домская церковь, включая епископский двор и дома Домского прихода, и Гильдия святой Марии.

Во время датского правления Малая крепость управлялась предводителем (лат. capitaneus), который непосредственно назначался королем Дании. Официальные лица более низкого звания назывались фогтами (advocatus), и обычно назначались из числа местной знати. Больше об их роли ничего не известно. Под властью ордена крепостью управлял комтур (commendator), а также, в течение короткого периода правления Ордена Меченосцев (1227–1238 гг. и 1346 г.) – магистр провинции (magister provincialis), выбираемый капитулом Тевтонского Ордена. Комтур крепости был командиром крепости и контролировал экономические и юридические вопросы, а также заменял предводителя в его отсутствие. Из рядов ордена назначался также так называемый Кумпан, который замещал управителя домов, затем – рыбный магистр, в чьи обязанности входила поставка продовольствия во время поста, Маршал (конюший), кравчий и др. Клерикальное братство проводило службы в маленькой крепостной часовне. Население крепости включало в себя

также так называемое мирское братство. Большинство его членов были рыцари ордена, которые вели полумонашенский образ жизни, и которые зачастую не имели благородного происхождения. К этой же категории принадлежали также некоторые знатные люди из двора комтура. Реально военный гарнизон формировался из так называемого братства конюших – наемников, которых рекрутировали в Германии, и руководимых фогтом, которого они сами выбирали. Наконец, крепость также населяли отставные чиновники Ордена, так называемые полусотрапезники, которые получали бесплатное питание и жилье, а также небольшое количество ремесленников, в основном – изготовителей всевозможного оружия (изготовители стрел, доспехов, огнестрельного оружия, кузнецы, парикмахеры, повара и т.д.). Не совсем ясно, сколько людей жило в цитадели. Для сравнения можно отметить, что гораздо более крупную цитадель Вильянди в 1554 году населяло только 194 человека.

Комтур Таллинна был важной фигурой и членом более узкого круга магистра Ордена. Достаточно часто комтур Таллинна даже избирался магистром Ордена. Это было политически выгодно для Таллинна, так как способствовало установлению более тесных связей с орденом. По мнению Пауля Йохансена, трудно точно описать отношения между городом и Орденом. Когда дело касалось Таллинна, магистр Ливонского Ордена до 1525 был лишь представителем Великого магистра Тевтонского Ордена, а с указанного года он становится также прямым сюзереном. По традиции, магистр Ордена вскоре после вступления в должность совершал с большой помпой визит в Таллинн. В честь его прибытия должны были звонить все церковные колокола, город празднично украшался и вооруженные горожане выстраивались вдоль следования кортежа. В процессии принимали участие и амнистированные уголовные преступники, если на это давал согласие магистрат. Утром первого дня визита бургомистры и члены магистрата собирались в крепости, где приносили клятву верности магистру ордена. Затем, в зале гильдий городской совет от имени магистра Ордена и города принимал клятву верности от граждан города. Днем магистр Ордена и его свита (комтуры, фогты

и представители рыцарства) устраивали прием с впечатляющим набором еды и питья. На нем представители города искали возможность вступать в переговоры с магистром Ордена.

Таллинн пользовался полной внутренней автономией. Его граждане не имели права обращаться к магистру Ордена по гражданским делам – это можно было сделать только в Любеке. Однако при решении более важных дел магистр Ордена мог употребить свое влияние. Например, город без согласия магистра не мог проявлять политической инициативы. Особенно важную роль магистр играл в случаях, когда он выступал посредником между городом и рыцарством, или урегулировал споры между различными гильдиями. С другой стороны, прочный союз Таллинна с другими местными городами давала ему возможность оказывать сильное давление на магистра Ордена в вопросах внутренней политики. В целом Таллинн, будучи членом Ганзейского союза, был относительно свободен от указаний Ордена.

Непосредственные экономические выгоды, полученные Орденом от владения Таллинном были незначительны. Например, в 16 веке город платил Ордену 80 рижских марок в год в качестве ренты за мельницу в Юлемисте, и около 10 рижских марок в качестве трети так называемых "кровных денег", выплачиваемых сюзерену. Портовые налоги полностью поступали городу, точнее говоря – Ганзейскому союзу – в виде так называемой фунтовой пошлины. Обычно не менее раза в год комтур Ордена приглашался в Городскую Ратушу, где его ждал хороший прием. По такому случаю в его честь часто устраивались театральные представления и маскарады. Каждого высокопоставленного чиновника Ордена ждал по прибытию в город торжественный прием. Его угощали вином и пивом, а его лошади получали овес. Наконец, экономические выгоды включали в себя обязательство Таллинна помогать Ордену в случае войны. Более того, городской совет добровольно предоставлял Ордену значительные суммы денег, амуницию, зерно и другие необходимые вещи. В любом случае, все эти обязательства были незначительны по сравнению с теми, что были возложены на Таллинн государственной властью во времена шведского правления.

Как уже отмечалось выше, Большая крепость была населена знатью, которая опасалась селиться в сельской местности среди завоеванного народа. Однако в конце 13 и начале 14 веков знать начала возводить укрепленные крепости по всей стране, и с этого времени их городские дома были заселены только во время войны и в так называемые "сессии", то есть в дни, определенные для получения платежей, в основном – в день святого Яна и в Михайлов день, когда также проводилось заседание ландтага. К 1259 году в Эстонии уже существовало хорошо организованное рыцарство, из рядов которого выбиралось 12 государственных советников. В 1252 и 1315 годах датские короли гарантировали своим вассалам право (так называемое мужское право или майорат), в соответствии с которым поместьям и домам знати гарантировался определенный порядок наследования. С 1397 года это право было расширено так называемой Юнегингенской жалованной грамотой, включившей в число наследников также женщин. К тому времени вассалы уже имели юридическую власть над крестьянами.

Что касается управления Большой крепостью, то об этом информация отсутствует. Мы только знаем, что вассалы были обязаны поддерживать в порядке стены и башни, и что постоянное присутствие хотя бы одного из членов земельного совета в крепости было обязательным, на случай возникновения проблем, которые требовали срочного решения.

Первые конфликты между рыцарями Харью и Виру и Нижним городом, как между двумя административными единицами, независимыми друг от друга, возникали по нескольким вопросам: общинная земля города, приоритет в юридических вопросах, классовые проблемы и экспортная торговля зерном. Примерно с 1480 года отношения между этими двумя сторонами ухудшились, в первую очередь из за крестьян, которые убегали от хозяев и находили убежище в городе. Это был вопрос, в котором ни одна из сторон не хотела уступать.Но когда дело касалось более общих проблем, город и рыцарство вновь действовали сообща. Так было

во время проведения заседаний Ливонского ландтага, но особенно во время переговоров, которые велись в связи с вопросом о подчинении Швеции, когда ни одна из сторон не могла ничего предпринять без согласия другой.

Большая крепость служила также резиденцией епископу. Ему был выделен особый участок, называвшийся Двором епископа (curia episkopalis). Фактическим основателем епископства в Таллинне был епископ Торкилл, датчанин из Рибе (1238–1260 гг.). Епископат не был основан на земельной собственности, как это было в Риге, Тарту и Сааремаа, а только на синодальных доходах (десятая часть поместной церковной десятины покрывала расходы на поездки), и на паре поместий (Кивилоо, Поркуни). Значительный доход поступал от Домской церкви, главной церкви страны.

Как формальный основатель епископства, король Дании настаивал на своем праве назначать епископа, хотя это нарушало канонические правила, согласно которым это право принадлежало исключительно папе. Эта проблема вскоре вызвала трудности, особенно после того, как королева Маргарет в 1277 году признала право выбора епископов за Домским приходом в Таллинне. Конфликты возникали на каждых новых выборах и продолжались даже после 1346 года, когда право назначения было передано Тевтонскому Ордену, который в целом преуспел в продвижении своих кандидатур. В более позднее время довольно часто случалось, что епископы избирались из числа граждан Таллинна, иногда – также из числа знати, которых обычно выбирал прямо Домский приход.

В Нижнем городе Таллинна епископы и каноники не имели большой власти. В качестве духовного судьи, епископ имел власть над священниками и монахами в городе, но в отношении самого города, а частично и в отношении монастырей, он вообще не имел никаких прав. Монастыри Таллинна были подчинены Цистерцианскому и Доминиканскому Орденам за границей, представители которых время от времени присылались в Таллинн. Однако епископ имел право вести службы в городских церквях, что он и делал с большой помпой раз в год. Он не имел большого влияния на избрание священников и выделение стипендий клирикам, только

провозглашая решения Городского магистрата и совершая необходимые процедуры посвящения. Такой широкой церковной автономией город пользовался благодаря Любекскому праву, приложение к которому, касающееся церковных вопросов, было разработано епископом Йоханнесом в 1284 году, после консультаций с городским магистратом Любека.

Конфликты с городом возникали в первую очередь по территориальным, а не по церковным вопросам. На основании одного довольно туманного документа, датированного 1241 годом, епископ настаивал на праве собственности на большую часть общинных земель города, и запрещал горожанам проход через так называемый Епископский выгон, который располагался в окрестностях нынешнего Балтийского вокзала.

До самого конца епископ Таллинна оставался в подчинении архиепископа Лунда. Со временем связи с Лундом ослабели, потому что епископы Таллинна принимали участие в провинциальных советах рижских епископов, однако отказывались посещать собрания в Лунде. Доминиканцы Таллинна были полностью отделены от церковного округа Дании, и по решению Великого собора в 1399 году были подчинены сначала Саксонии, затем какое-то время Голландии и, наконец, (с 1501 года), – Саксонской провинции ордена.

Должность епископа была пожизненной. В его подчинении состояли писарь и служка, последняя должность была отменена в 1523 году. Кроме того, некоторое количество слуг работали в мызах епископа.

Самая маленькая самоуправляемая единица Тоомпеа, гильдия св. Марии, была основана и получила епископальную конфирмацию в 1407 году. По мнению Пауля Йохансена, поначалу она носила церковный характер. Несколько лет гильдия не работала, однако около 1494 года она была основана вновь. После этого в 1508 году она получила землю под строительство в качестве дара от магистра ордена Волтера фон Плеттенберга. Гильдия св. Марии стала сословной организацией ремесленников и слуг знати Тоомпеа. Во главе ее стоял олдерман или магистр гильдии с двумя заместителями. Обязанности верховного магистра гильдии

Таллиннская Ратуша. Впервые упомянута в 1322 г. как консистория. В 1363 г. она была названа домом представлений (teatrum) и в 1372 г. – Ратушей (rathus). Первоначальная планировка ее помещений в основном сохранилась до наших дней, и детали ее интерьера и экстерьера относятся к 15 веку. Она построена из местного известняка. В настоящее время она используется как представительское здание Таллиннского Городского Собрания. Когда вы стоите на Ратушной площади, вы чувствуете, что вы в Европе. Ратуша – наиболее важная визитная карточка Старого Таллинна.
Фото – Э.Райкюла.

сначала исполнялись комтуром, позднее фогтом крепости, которому, начиная с 1540 года, каждый новый член гильдии был обязан платить 4 рижских марки, вдобавок к обычному взносу в пользу самой гильдии. Последний платеж назывался "гражданские деньги". Члены этой гильдии имели право заниматься ремеслами и варить пиво на Тоомпеа. В то же время им было разрешено в течение 4 лет подряд жить в сельской местности, не теряя при этом прав гражданина Тоомпеа. Граждане Тоомпеа населяли не только плато Тоомпеа, но также его окрестности, в первую очередь – Тынисмяги. Каждый год начальник крепости Тоомпеа получал подать, состоящую из гражданских денег, налогов от мясных лавок (на улице Люхике Ялг) и капустных огородов (на Тынисмяги), равно как и обычные налоги на землю и ренту.

Между гражданами Тоомпеа и Нижнего города существовали напряженные отношения, которые лучше всего проиллюстрировать следующим фактом. В то время как граждане Нижнего города были относительно свободны и имели доступ к безналоговым гаваням, граждане Тоомпеа пользовались преимуществами в отношении получения работы и контрактов на поставки от знати и Тевтонского ордена. Оптовая торговля (особенно торговля вином) для граждан Тоомпеа была запрещена, но, с другой стороны, допускались розничная торговля и ремесла.

Существующие противоречия лучше всего иллюстрирует следующий факт. На Тынисмяги была площадь, где мясники покупали скот у крестьян. Поначалу мясники Нижнего города и Тоомпеа использовали эту площадь совместно. Однако позднее площадь была поделена крепкой деревянной изгородью, так как шумные ссоры между мясниками этих двух административных единиц зачастую кончались убийствами. В 1514 году, к великому раздражению обитателей Тоомпеа, деревянная изгородь была заменена массивной каменной стеной, под предлогом того, что зимой бедняки разбирали изгородь на дрова.

Это только один из целой серии подобных случаев, которые показывают соперничество между гражданами Тоомпеа и Нижнего города.

В 1248 году административный орган Нижнего города стал называться магистратом (лат.consulatus). Как и в других городах, сначала его функции были довольно ограничены. В 1248, 1265 и 1273 годах, в соответствии с Любекским правом, он приобрел значительные привилегии, включая полную судебную власть над городом и его общинными землями. В 1265 году назначение фогта стало зависеть от согласия магистрата. Торговцы-оптовики, которые торговали с зарубежными странами, с самого начала сосредоточили в своих руках власть над городом. Ремесленники играли лишь подчиненную роль и не допускались в магистрат. Магистрат избирался из числа членов той организации, которая позже стала называться Купеческой или Большой гильдией, и состояла из 24 членов, включая 4 бюргермейстеров, иногда она состояла из 25–26 членов и 5 бюргермейстеров. Председательствующий бюргермейстер был представителем высшей власти в городе. Он избирался на один год и по истечении этого срока его заменял один из его четырех коллег. Когда по крайней мере два места становились вакантными, магистрат пополнял свой состав за счет кооптации. Новых кандидатов в члены магистрата представлял преседательствующий бюргермейстер, в то время как у гильдии не было права высказывать свою точку зрения. В ходе последующего голосования дело решалось большинством голосов. Затем так называемый буршпрак (устное изложение наиболее важных ордонансов на простом языке) с соблюдением необходимых церемоний оглашался из окна Ратуши, а имена избранных объявлялись ожидающей толпе. По этому случаю палач, следуя древнему обычаю, рубил доску около Ратуши, что должно было означать вступление результатов выборов в силу. В 13 и 14 веках обязанности члена магистрата выполнялись на альтернативной основе. Каждый год во второе воскресенье после Михайлова дня – как свидетельствуют списки членов городского магистрата, датированные 14 веком, – определенное количество членов магистрата, обычно половина (12 ратманов и 2 бюргермейстера), назначалось на следующий год заниматься делами коммунального хозяйства и экономики города, а также посещать заседания. Это был так называемый "заседающий" магистрат. На следующий год они уходили и освобождали место для другой половины, так называемого "старого" магистрата, который теперь становился "заседающим" магистратом. Попеременное участие в работе магистрата, как это ни странно, имело вполне очевидные практические причины. Должность члена городского магистрата была почетной, без всякого материального возмещения. Естественно, что члены магистрата должны были иметь время и возможности заниматься своей частной торговлей. Должность члена магистрата была пожизненной.

По всей видимости, такой способ ведения дел был принят по крайней мере до начала 15 века. Уже к 1457 году магистрат был постоянным органом и состоял только из 14 ратманов и 4 бюргермейстеров. Так как должность ратмана продолжала оставаться почетной, в магистрате могли заседать только состоятельные люди. Случалось, что лицо, которое избирали в члены магистрата, отказывалось занимать должность, и его сурово наказывали в соответствии с положениями устава. Что касается распределения обязанностей между членами магистрата, то заслуживающие доверия данные доступны только начиная с 16 века. Как свидетельствуют списки, датированные 1333-1376 годами, строго соблюдалось старшинство членов магистрата. Очевидно, высшими чиновниками в 14 веке были бюргермейстеры, судебные фогты и чеканщик монет, в то время как более молодые члены магистрата отвечали за казну и организацию банкетов. В 16 веке в число высших чиновников входили бюргермейстеры, казначей, судебные фогты, мельники и акцизные чиновники. Члены магистрата отвечали за сбор налогов, огораживание общинных земель, взимание штрафов (так называемые ведде – уличные суды), за леса и конюшни (конюшня в поместье Вяо), строительство и городские стены, за район Каламая, за "десятый пфеннинг" (налог на наследство) и пушечное дело, за казну, за праг (морской суд), за нарезку хлеба (контроль над булочниками), за маркировку соли, которая была одним из самых важных продуктов того времени, и наконец за "мастеров танцев" (танцоров на вечерах и свадьбах). Кроме того, в обязанности членов магистрата входило наблюдение за 12 цехами ремесленников

и рабочих, и за городскими воротами и башнями (обязанности хранителя ключей), равно как и руководство обороной и наблюдением, включая сигнальные огни. Члены магистрата были также облечены властью в отношении церквей и богаделен, а позднее и в отношении "церковной кружки". Заседания магистрата проводились два или три раза в неделю, обычно – по понедельникам, вторникам и пятницам, в Ратуше, в служебных помещениях или в каких-нибудь других зданиях, и даже в церквях.

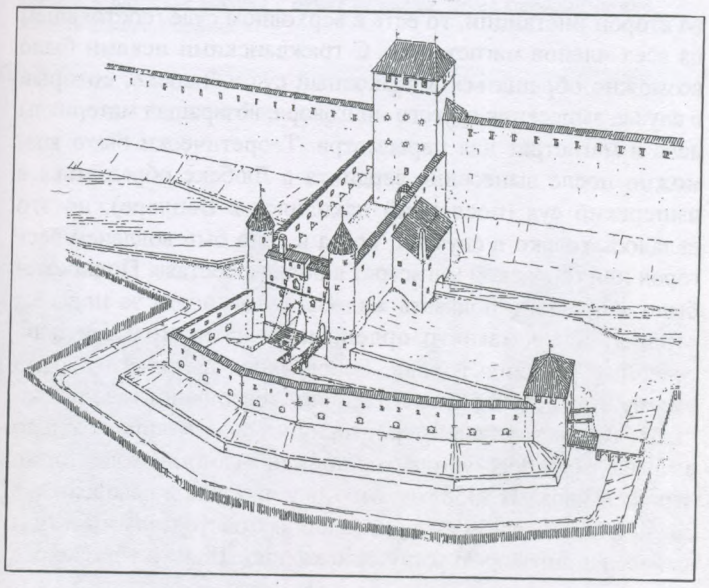
В те времена магистрат пользовался очень широкими властными полномочиями. Во-первых, и прежде всего, он олицетворял собой автономность города и имел право заключать политические и торговые договоры. Однако в этой сфере должны были быть приняты во внимание два фактора – согласие сюзерена, магистра Ордена, с одной стороны, и указания Ганзейского союза – с другой. В составе союза Ливонских городов, которая сформировалась приблизительно в середине 14 века, магистрат мог действовать абсолютно независимо, более того, он сформировал совместно с другими городами независимую партию в Ливонском парламенте. Очевидно, по политическим причинам стало необходимым, чтобы члены магистрата участвовали в его заседаниях, посылали туда делегатов и поддерживали необходимые связи.

Самым важным правом магистрата было право издавать законы. Хотя Любекское право оставалось в силе в качестве основы законодательства, существовала постоянная необходимость принимать новые законы для регулирования каждодневной жизни горожан. Раз в год публично читался бурспрак, и, хотя основное его содержание оставалось тем же, добавлялись новые части, включающие инструкции магистрата, которые входили таким образом в силу. Что касается самых важных распоряжений (в отношении пиров, свадеб, богослужений, правил обороны, конфискации предметов вызывающей роскоши и т. д.), то магистрат был обязан предварительно направить их для утверждения в гильдии, от чего зависило обнародование этих инструкций. Магистрат также утверждал размеры выплат работникам (в гавани и т.д.), цены на хлеб, размеры акцизов и другие подобные вещи.

Как уже отмечалось выше, городской магистрат имел

право как на первичную, так и верховную судебную власть в городе и на городских общинных землях, и даже право выносить смертные приговоры. Уголовные дела в первой инстанции велись судебными фогтами, чьи решения утверждались городским магистратом. Гражданские дела, относящиеся к менее значительным случаям, поначалу также находились в ведении фогтов, но начиная с 16 века – уже в ведении т.н. нижнего суда. Он состоял из трех членов магистрата, двух граждан-домовладельцев в качестве заместителей и судейского писца и являлся судом первой инстанции. Но иногда случалось, что некоторые дела, касающиеся более тяжелых нарушений, сразу рассматривались

Средневековая городская стена Нижнего города Таллинна окружала город уже в 13 веке и росла вместе с городом. Городская стена, которая сохранилась до наших дней, начиналась от монастыря Михкли (св.Михаила). На сегодняшний день сохранилось 1,85 км стены, 20 стенных башен, 2 средних ворот и части 2-х передних ворот. Фото (слева направо) – двор между башнями Саунаторн и Кулдъяла (Золотая нога), и башня Нуннадетагуне 14–16-х веков. Ворота 19 века, которые облегчили подъезд к Балтийскому вокзалу. Фото – Э.Райкюла.



Вируские ворота таллиннской городской стены (1471-73 гг.). Реконструкция Рейна Зобеля.

во второй инстанции, то есть в верховном суде (состоявшем из всех членов магистрата). С гражданскими исками было возможно обращаться в верховный суд в Любеке, который в случае вынесения другого приговора, возвращал материалы дела в магистрат для пересмотра. Теоретически было возможно после вынесения вердикта в Любеке обращаться в имперский суд (последний находился в Вецларе), но это делалось только в случаях, когда в дело был вовлечен весь город или городской магистрат в полном составе. Полностью было запрещено подавать жалобы куда-нибудь за пределы страны. Даже магистр ордена не мог прямо влиять на судебные решения города. Город часто пытался отдавать своему суду дела по преступлениям, совершенным за пределами административной территории города. Это происходило в случае, если преступник был пойман в самом городе (forum deprehensionis). В 1358 году это стало причиной недовольства среди финнов, в 1535 году в подобных обстоятельствах был вынесен приговор Йохану Юкскюллю. Власть городского

магистрата значительно расширялась также благодаря добровольному признанию его права на юрисдикцию со стороны граждан города. Согласно Паулю Йохансену, канцелярия магистрата являлась органом, обладающим нотариальными правами, где в главную или наследственную книгу вносились данные о недвижимости, в писцовую книгу – завещания и контракты, одновременно устное свидетельство члена магистрата в случае составления завещания или долговых обязательств имело официальную силу. Кроме того, член магистрата почти всегда присутствовал при заключении любых сделок.

Юридическая власть, воплощенная в городском магистрате, давала и некоторые дополнительные права, например право предоставления убежища. Имена тех, кто по каким-то юридическим делам или для заключения договора получили разрешение свободного въезда или выезда, или разрешение какое-то время (обычно один год) находиться в городе, заносились в специальные книги. Заключенные

Проход в Вируские ворота с двумя башнями, через который можно видеть башню Ратуши.

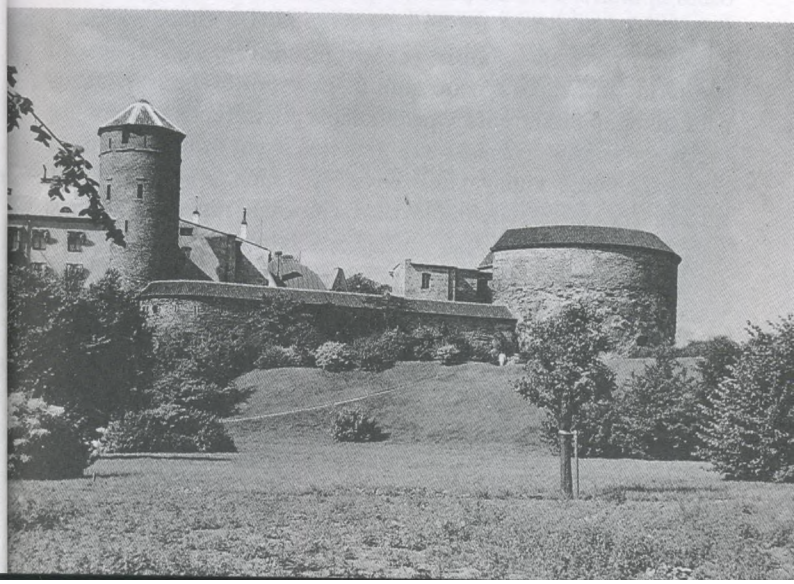
Вид на таллиннскую городскую стену с запада, со стороны парковой зоны. Слева направо – башни городской стены: Плате, Эппинг и Грусбек, все 14-16 века. Вдали видна церковь Олевисте.

отбывали свое наказание в нескольких тюрьмах, которые в основном находились в башнях городских стен и в так называемой тюрьме Бюттелей за Ратушей. Задача наблюдения за соблюдением правил была возложена на так называемую "веддехеррен", своего рода полицию или срочный суд, которому было предоставлено право назначать штрафы за нарушение правил торговли (в первую очередь – за незаконную скупку товаров с целью повышения цен), правил поведения (драки, пьянство и т.д.) и морали (незаконные дети).

Помимо внешней политики и юрисдикции, главной обязанностью городского магистрата, естественно, было управление муниципальными делами, включая движимую и недвижимую собственность города.

Пауль Йохансен утверждает, что Любекское право отдавало городской общине (лат.communitas) важную роль в делах, касающихся жизни города начиная с 13 века. Во время заседаний суда могли собираться общие собрания граждан города, то же самое происходило во время принятия решений, имеющих жизненно важное значение для города, в частности тех, которые касались войны и мира. Очевидно, что общие собрания граждан также происходили во времена больших бедствий, таких как пожары и вражеские нападения. Пределы власти городской общины выглядят довольно туманно, однако существуют признаки того, что в конце 13 века община уже оказывала определенное влияние на принятие решений. Но с течением времени власть городского магистрата постоянно росла, и в 15 веке (1441 год) он посчитал себя достаточно сильным, чтобы править неза-

Мы видим оборонительное сооружение "Толстая Маргарита", которое было частью комплекса Береговых ворот. Слева – башня Столтинг. Перед ней – бастион Малых Береговых ворот.



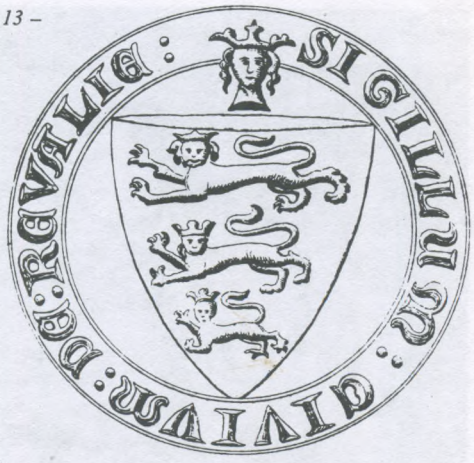
висимо, не обращая внимания на мнение общины. Однако жалобы, поступающие от общины, привели к вмешательству магистра Ордена и заставили городской магистрат отказаться от своих намерений.

Любой человек мог стать членом общины, если он мог заплатить магистрату вступительный взнос. В обязанности гражданина города входило несение караульной службы на крепостных валах и башнях, в особых случаях – трудовая повинность, обязанность идти на войну и нести общественную службу без вознаграждения и, наконец, – платить налоги. В обмен на это гражданин пользовался определенными привилегиями в городе и на общинной земле города. Он находился под исключительной юрисдикцией муниципального суда, чужие судьи не могли рассматривать его дело. Чтобы он мог обеспечить себя и свою семью, в том числе – чтобы он мог выплачивать так называемый гражданский сбор, ему было дано право заниматься торговлей и ремеслом. Он был освобожден от таможенных пошлин и, кроме того, мог свободно пользоваться пастбищами и лугами в пределах границ городской общинной земли, а также мог рубить дрова в лесах, принадлежащих городу, для домашнего потребления.

Мы точно не знаем, какие формы караульной службы были приняты в самые ранние времена. Начиная с 1550 года, город был разделен на четыре района. Во главе каждого района стоял начальник (квартермейстер), избираемый членами магистрата и общиной. Ему помогали так называемые брандмейстеры. Среди квартермейстеров некоторые были эстонцами. Начальники районов были ответственны за распределение караульной службы поровну между домохозяевами, за обеспечение всех граждан города военным снаряжением, а в случае пожаров – за поднятие тревоги и организацию спасательных работ. Один-два раза в год все граждане в полном вооружении, потрясая оружием и размахивая флагами, собирались вместе и занимали определенные заранее места на крепостном валу. Эта процедура была своего рода маневрами.

На сравнительно ранней ступени развития община Таллинна разделилась на отдельные сословные организации,

Герб Таллинна – конец 13 – начало 14 века.



которые позднее превратились в гильдии. Последние, будучи поначалу церковными по характеру, вскоре превратились в ассоциации по определенным профессиям. Детали, касающиеся основания гильдий, неизвестны. По своей сути гильдии Таллинна имели скандинавское происхождение и две старейшие из них, гильдии Канута и св. Олая, были названы по именам северных святых, что вероятно указывает на то, что они были основаны в относительно раннее время. Св. Кнуд (Канут) был любимым святым датчан, а св. Олай – шведов. Этот факт, вероятно, указывает на то, что гильдии первоначально основывались по национальному признаку. Тот факт, что обе гильдии имели собственные дома уже в первой половине 14 века, указывает на то, что их члены пользовались немалым влиянием в городе.

Имея в виду тот факт, что записи в книгах начинаются только с 1333 года, и что в течение следующих 20 лет можно проследить деятельность многих гильдий, мы можем заключить, что ремесленники начали организовываться в более узкие организации по своим специальностям в начале 14 века, а может быть даже в конце 13-го (как утверждает К. Каплински).

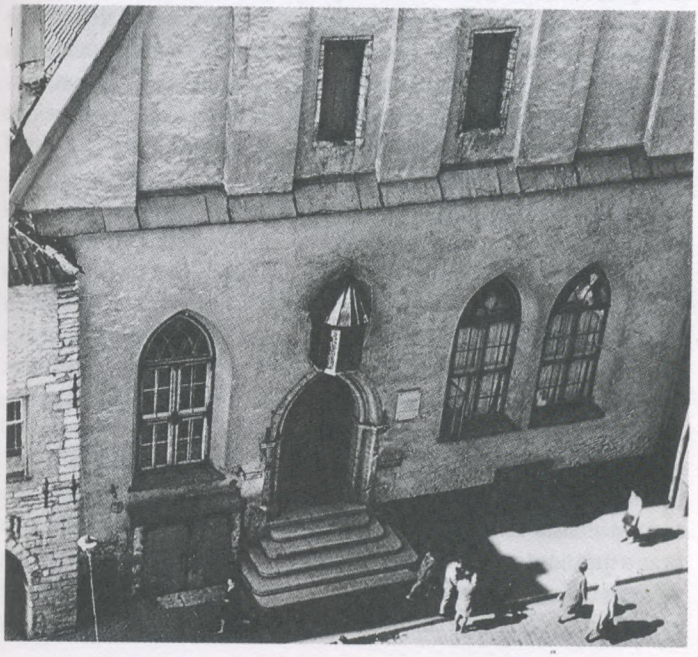
До 1325 или 1348 года купцы, как и ремесленники, принадлежали гильдии Канута. Но постепенно они начали

Рельеф с изображением св.Олая на здании гильдии св.Олая на улице Пикк. Фото – Э.Райкюла.

самоизолироваться, и присоединились к так называемой "детской" гильдии, позднее названной Купеческой или Большой гильдией, впервые упоминаемой в 1363 году. Менее чем через 10 лет (в 1370 году) эта гильдия уже владела собственным домом. Уход купцов привел к развитию ремесленных гильдий или ремесленных цехов, которые входили

как в гильдию Канута, так и в гильдию Олая. С течением времени конфликты между Большой гильдией и ремесленными, или малыми, гильдиями, все более обострялись. Большая гильдия, из членов которой состоял также городской магистрат, считала себя выше других и старалась показать это всеми возможными способами. Например, с 1423 года Большая гильдия отказала в членстве малым цехам. Та же тенденция отчетливо прослеживается в ее отношении к гильдиям Канута и св. Олая. Гильдия Канута объединяла наиболее почтенных ремесленников, в основном – немцев, с другой стороны, гильдия св. Олая – особенно после Реформации и распада гильдии Тела Господня – включала много представителей полукустарного производства: ломовых извозчиков, лодочников, носильщиков и т.д. Начиная с этого времени гильдия св. Олая стала терять свое сословное и социальное значение, в то время как гильдия Канута стала

Здание Большой гильдии на ул.Пикк в 1410 г.



Капитель здания Большой гильдии. Фото – Э.Райкюла.

восприниматься ремесленниками как их основная организация и единственный защитник их интересов. С течением времени более мелкие гильдии все чаще бывали представлены в городском магистрате и в Большой гильдии старейшинами гильдии Канута, и в конце концов представителей гильдии св. Олая перестали приглашать принимать участие в общих собраниях.

Таким же способом Большая гильдия пыталась верховодить в руководстве муниципальной общины, которая теперь состояла из трех гильдий. Борьбу Большой гильдии за власть хорошо показывает пример с так называемой Пивоваренной компанией. Весьма вероятно, что до 1403 года каждый гражданин имел право варить пиво и продавать его. Затем право варить пиво на продажу начало считаться привилегией почтенных семей города, и передаваться последующим поколениям по женской линии. Эти семьи организовали Пивоваренную компанию, которая также наблюдала за акцизными платежами. В результате право на пивоварение стало привилегией верхних социальных групп. Согласно изменениям, внесенным в статут компании, членство было ограничено для тех немецких купцов и ремесленников,

которые были женаты не на немках. После 1545 года в члены компании допускались только те, кто был женат на дочерях граждан Таллинна. Однако ремесленники, будучи более мобильными людьми, часто женились за пределами Таллинна. Вследствии этого число членов гильдий Канута и св. Олая, которые имели право варить пиво, быстро уменьшалось. Гильдии Канута удалось протолкнуть свое требование, чтобы по крайней мере один из асессоров компании, который хранил один из ключей от кассы компании, был членом ремесленной гильдии. Но уже в 1547 году ремесленники полностью лишились права варить пиво на продажу.

Еще одним яблоком раздора, которое осложняло отношения между Большой гильдией и другими гильдиями, было право на торговлю. Сначала ремесленники имели широкие права, когда дело касалось торговли. Они могли покупать соль и другие импортные продукты с кораблей совершенно свободно и в неограниченном количестве, а также могли совершенно свободно торговать зерном. Соль была самым востребованным товаром среди сельского населения, и ремесленники использовали ее для обмена на зерно и другие сырьевые материалы, необходимые для их торговли. Сильная конкуренция ремесленников особенно остро чувствовалась оптовыми торговцами после того как торговая контора в Новгороде была закрыта, и после того как ремесленники получили право торговать в балтийских городах. Однако коммерческая деятельность в это время была возможна только в пределах страны и в пределах городских стен. Оптовые купцы не без оснований подозревали, что ремесленники имели намерения прямо торговать с русскими купцами, прибывающими в Таллинн. Большая гильдия во всеоружии встретила эту угрозу. Городской магистрат неоднократно запрещал коммерческую деятельность ремесленников. Конфликт обострился до такой степени, что боялись прямого противостояния властям. Несмотря на скрытое сопротивление малых гильдий, борьба закончилась полной победой Большой гильдии, что неудивительно, поскольку Большая гильдия пользовалась поддержкой городского магистрата, который в основном состоял из купцов. На основе соглашения 1547 года, которое уже

упоминалось выше, ремесленникам запрещалось торговать солью, зерном и варить пиво на продажу. Обеим малым гильдиям было дозволено покупать в год только 50 ластов соли ежегодно для личного потребления. Большие праздники, такие как праздник Майского графа и Охота на попугая, праздновались всеми гражданами города вместе. Майский граф избирался из числа членов великой гильдии и он должен был быть достаточно богатым, чтобы обеспечить отдых для большого количества гостей. На Охотничий день и стар и млад должны были продемонстрировать свое умение в поражении мишени в виде попугая, насаженного на шест. Наиболее удачливые стрелки получали титул Короля охотников и награждались в качестве приза серебрянным блюдом. Затем следовал торжественный въезд в город, во время которого Король охотников держал в одной руке кубок, а в другой серебрянную птицу. Организовывались также турниры, но в них могли участвовать только члены Большой гильдии и Братства Черноголовых.

Братство Черноголовых было особой организацией,

Рельеф портала здания Братства Черноголовых на ул.Пикк. Фото – Э.Райкюла.

существовавшей только в Ливонии. Ее необычное название происходило от патрона этой организации – св. Маврикия Африканского. Первоначально она могла состоять только из крестоносцев, пилигримов и купцов, которые лишь на короткое время останавливались в Ливонии. Черноголовые, как молодые люди, привлекались к защите городов и их жителей от врагов. С течением времени Черноголовые заняли прочные социальные позиции: по большей части это были неженатые купцы-иностранцы, которые приносили военную и торговую славу городу. Когда город посещали знатные персоны, такие как магистры Ордена, Черноголовые выезжали верхом для их встречи и составляли почетный эскорт. В случае войны Черноголовые составляли конные отряды для преследования врага, в случае пожара они первыми прибывали для тушения огня, и т.д. Черноголовые Таллинна впервые были упомянуты в 1399 году. Их первый scraa (статут) датируется 1407 годом. Алтари Братства, один из которых сохранился до наших дней, находились в церкви святой Катерины в Доминиканском монастыре.

Как профессиональная организация, Братство Черноголовых может считаться ступенькой к Большой Гильдии, так как после женитьбы члены Братства вступали в Большую Гильдию. Сначала Черноголовые вынуждены были совещаться в снимаемых помещениях, но в 1531 году они купили у бюргермейстера Ханса Виандта здание, которое сохранилось до наших дней.

Наряду с тремя гильдиями, имевшими исключительно сословный характер, Черноголовые были не единственным братством в Таллинне. Существовал и целый ряд более мелких гильдий, но их деятельность носила больше религиозный характер. Старейшей и наиболее интересной в этом отношении, учитывая национальный состав ее членов, была гильдия Тела Господня, основанная, вероятно, в 1350-х годах. Подавляющее большинство членов гильдии были эстонцы, в основном извозчики, пивовары (здесь имеются ввиду практические пивовары, квалифицированные работники, а не собственники прав на пивоварение, которые эксплуатировали труд пивоваров), разносчики пива и носильщики. В нее также принимались женщины. Гильдия Тела Господня,

которая также носила религиозную окраску, была упразднена во время Реформации. Так называемой штаб-квартирой гильдии была церковь Нигулисте, где также хранился ларец с казной.

Еще одной из более маленьких гильдий была гильдия святой Гертруды, которая была расположена в часовне того же названия напротив Больших Береговых ворот.

Гильдия охватывала в основном местных, но также и иностранных моряков, которые временно пребывали в Таллинне. Мелкие городские чиновники составляли гильдию святого Виктора, а Братства святого Антония и святого Рохуса посвятили себя заботе о больных. В старых документах есть также ссылки на Братство Десяти Тысяч Рыцарей.

После завоевания Таллинна в 1219 году существовала острая нужда в рабочих руках. По-видимому, сначала большинство рабочих были выходцами из числа местного населения. Ремесленные цеха западноевропейского происхождения начали распространяться только тогда, когда этого потребовал рост населения. Регистровые книги, датированные 1333–1374 гг., упоминают о 60 ремесленных цехах. Согласно Вольдемару Миллеру, это не означает, что профессиональная дифференциация ремесленников в средние века уже имела место. Тот факт, что одно и то же лицо упоминается в связи с различными ремеслами, указывает на то, что профессиональной специализации еще не было. Новые члены посвящались в ремесло не мастерами той же гильдии, а городским магистратом. Также похоже, что слово мастер (лат. magister) еще не приобрело того значения, которое оно имело позднее.

Формирование ремесленных гильдий, которые в Таллинне назывались цехами, относится к концу 14 века. Это развитие было результатом быстрого экономического роста Таллинна после того, как в 1346 году городу были предоставлены права складочного пункта новгородской торговли, после чего здесь поселилось много купцов и ремесленников из других городов. Увеличивается значение роли немецких ремесленников, одновременно обостряются социальные противоречия между мастерами и подмастерьями. Становится очевидной нужда в создании постоянных профессиональных организаций.

Первыми получили право на scraa портные (1363–1375 гг.), ювелиры (1393 г.) и мясники (1394 г.). Первые два цеха состояли исключительно из немцев, в то время как среди мясников были также эстонцы.

Трудно точно выяснить, когда и в какой последовательности были основаны различные ремесленные гильдии. Помимо вышеуказанных цехов, начиная с 14–15 веков сохранились следующие статуты: каменщиков (1402 г.), кузнецов (1415 г.), сапожников (1416 г.), плотников (1420 г.), ломовых извозчиков (1435 г.), бондарей (1435 г.), пистемакеров (ремесленников эстонского происхождения), скобарей, изготовителей поясов, шорников (1435 г.), разносчиков пива (1456 г.), сучильщиков канатов (1462 г.) и пивоваров (1498 г.) Что касается некоторых других цехов (например, скорняки упоминаются уже в 1425 году), то мы знаем о существовании их ремесленных гильдий по крайней мере еще в 15 веке, но их статутов не сохранилось. Статут лодочников датируется 1506 годом (в исторических документах они упоминаются уже в 1371 году), статуты столяров, маляров и часовщиков – 1513 годом, в то же время некоторые цеха получили свои статуты только в 16-17 веках.

Следовательно, система ремесленных гильдий, характерная для средних веков, зародилась в Таллинне в 15-16 веках, и полностью оформилась в 17 веке. Растущие социальные противоречия обусловливали жесткую дифференциацию между различными цехами: одни цеха считались более высокими по статусу по сравнению с другими. Те, кто имел собственную ремесленную гильдию, в целом считались стоящими на более высокой ступеньке, но судя по всему, это не являлось единственным критерием. Так, ломовые извозчики имели свой цех начиная с 1435 года, но все равно считались стоящими на низшей ступеньке социальной лестницы. Точно так же, как, по неясным причинам, – ткачи, работавшие со льном. История средневекового ремесла в Таллинне изложена в исследовании Кюлликки Каплински.

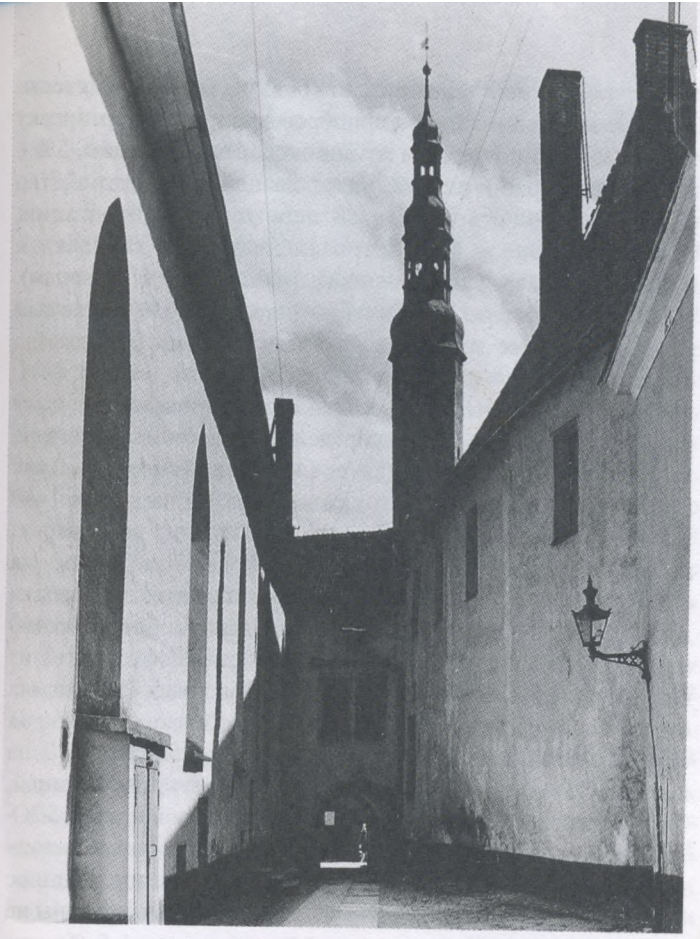
Некоторые изделия, производимые каменщиками Таллинна, завоевали широкий рынок: купели для крещения, камни для крылец, орнаментальные щиты, порталы и их детали. Например, в 1422 году изделия из известняка,

произведенные в Таллинне, экспортировались в Данциг для возведения церкви святой Марии, городских ворот и башен. Скульптурные камни из Таллинна также использовались при строительстве некоторых церковных и светских сооружений в Турку.

Таллиннские ремесленные гильдии охватывали не только ремесленные цеха. Помимо непосредственно ремесленников, в них входили также работники траспорта: каботажные шкиперы, лодочники, ломовые извозчики и т.д., равно как и рыночные торговцы и служащие магистрата. Поденщики и подмастерья вместе с транспортными работниками средневекового города стали основной частью наемных работников.

Русские, жившие в Таллинне, имели свой торговый двор, руководимый старейшиной. У них также была своя церковь. В соответствии с их традициями некоторые помещения, в которых торговцы хранили свой товар, находились под одной крышей с церковью.

Что касается доходных и расходных статей, то сохранившиеся материалы дают представление только о центральном финансовом институте Таллинна, а именно – казне. Тогда еще не существовало общего казначейства для всех муниципальных институтов. Различные ведомства оплачивали свои расходы сами и передавали остаток, вместе с годовым отчетом, в магистрат. Такого порядка придерживались судебные фогты, мастера монетного двора, мельники, акцизные чиновники, управляющие в мызах Вяо, Копли и Каламая, и другие. Соответственно, отчетность казны показывала годовую прибыль учреждений, но не их доходы и расходы. Существовали также разнообразные муниципальные и полумуниципальные институты, которые, хотя и представляли свои отчеты магистрату, но не передавали ему прибыль, а оставляли ее себе. К этой категории принадлежали все церковные и полуцерковные профессии, главы церквей св. Олая и св. Николая, начальники богаделен св. Яна и св. Духа и другие. Следовательно, невозможно сравнение бюджета, занесенного в казначейские книги, с бюджетом всех капиталов Таллинна. Если попытаться это делать, то необходимо добавить к бюджету казначейства все бюджеты других институтов – задача в настоящее время невыполнимая.



Биржевой проезд, который соединяет две главные средневековые улицы – Пикк и Лай. Фото – Э.Райкюла.

Древнейшая казначейская книга содержит отчет о расходах города на период с Михайлова дня 1372 г. до Михайлова дня 1373 г. Прибыль за этот период отмечена не полностью, упомянуты только некоторые источники доходов. В 1372–1373 гг. всего было потрачено 611 рижских марок: примерно 3% из них – на политические цели (представительские поездки, приемы), 14% – на содержание конюшен (сено, овес, доски, балки, железные и деревянные сосуды,

пиво), 13% – на военные цели (башни, городские стены, военные корабли), 7% – на приобретение и транспортировку камней, 6% – на зарплаты муниципальным служащим, 5% – на зарплаты рабочим, 3% ушло на церкви и устройство соборов в качестве вклада в церемонии конгрегации, такой же процент был потрачен на вино и сладости и в качестве платы ремесленникам (плотникам и кузнецам), только 1% – на пиры членов магистрата и еще 1% составляли различные менее значимые расходы, включая расходы на бумагу.

Стоит ли говорить, что не одна из вышеупомянутых сумм расходов, равно как и их распределение, не была характерна ни для предыдущих, ни для последующих годов, так как потребности были разными каждый год. Например, в 1450 году городские расходы возросли до 2595 рижских марок, превосходя расходы 1372–1373 годов более чем в 4 раза (на самом деле – в основном, благодаря падению стоимости денег). В 1450 году военный корабль был приобретен за 460 марок (18% бюджета), оставив только пол-процента из бюджета на другие военные нужды (башни, рвы). Оставшаяся сумма была распределена следующим образом: 15% – на содержание конюшен, 13% – на зарплату рабочим, 9% – на церкви, 7,5% – на приобретение и транспортировку камней, 7% – на жалование чиновникам, столько же – на пиры, 5% – на гашение извести, 4% – на зарплаты различным ремесленникам, 4% – на политические цели (приемы и т.д.), взнос Тевтонскому Ордену составил 4%, 2,5 % были потрачены на различные ремонтные работы, 2% – на вино, 1,5 % – на работы в порту.

Доходы возросли в 1450 году до 2575 марок, оставив все же дефицит в 20 марок. При более пристальном взгляде обнаруживается, что Таллинн не принадлежал к тем городам, главным источником доходов которых была земельная рента, как было доказано в случае с некоторыми средневековыми городами. В Таллинне земельная рента составляла только 2% от всех доходов. Основная часть доходов (26%) поступала от налогов на домовладельцев и ремесленников, мельницы давали 22%, печи для гашения извести – 21%, казна – 9%, палата мер и весов – 6%, продажа вина и сдача в ренту

винных погребов – 5%, 4% – мыза Вяо, 2% – различные штрафы, 1,5% – плата за складирование (из города Нарва), 1% – клеймение серебра, и 0,5% – другие источники.

Требования к муниципальной казне увеличивались год от года. В 1464 году при доходе в 4163 марки город израсходовал 5500, оставив дефицит в 1337 марки, несмотря на то, что муниципальные доходы увеличились благодаря акцизным налогам на пиво (3 киллинга с барреля) начиная с весенних праздников 1454 года. Уже в следующем 1454–1455 финансовом году доходы от акциза на пиво (20951 баррель) поднялись до 1746 марок. Начиная с 1461 года, муниципальные доходы увеличивались за счет акциза, наложенного на экспорт скульптурных камней и надгробий. Но несмотря на это, ни одного года не проходило без дефицита по той простой причине, что бюджета как такового не было. Почти каждый год практиковалось перенесение обязательств на следующий год, и они удовлетворялись только когда появлялись доходы.

В 16 веке бюджет города постоянно рос. В 1548 году расходы составили 20616 марок, оставив излишек в 3157 марок.

В военное время дефицит был значителен, доходя до 8043 марок в 1558 году, и даже до 12737 марок в 1559 году. Однако, в основном, бюджет увеличивался благодаря обесцениванию валюты. В 1558 году расходы возросли до 33275 марок, а доходы только до 24232 марок. Из-за войны в этом году нужно было срочно ремонтировать городские башни и стены, строить валы и копать траншеи. Что касается городских владений, то казна получала доходы только от мызы Вяо, так как другие мызы (Раэ, Иру, Каутьяла, Патика) принадлежали благотворительным заведениям, и поэтому были освобождены от обычных налогов. Как отмечалось выше, члены магистрата не получали денег за свою деятельность. Кроме почета и возможности иногда участвовать в пирушках, они пользовались еще рядом привилегий – им приплачивали вином, они бесплатно получали топливо и сено, а также некоторое количество гусей, овец и т.п. Получающих плату от города было немного. В их число входили городской писарь и его помощник (substitutus),

Акварель Михеля Виллера с изображением улицы Харью (1863 г.). На заднем плане – церковь немецких купцов Нигулисте. Харьюские ворота впервые упоминаются в 1361 г. В 1535 г. палач, между передними и главными воротами, обезглавил жестокого рийзипереского феодала Йохана фон Юкскюлля, который применил насилие к одному из своих крестьян. В левой части картины – нынешний бизнес-центр. Фото – А.Силласоо.

хранитель ключей (в Ратуше), командующий армией города, весовщик и его подчиненные (которые также отвечали за обслуживание и поддержания порядка во время общей трапезы), дворник на рынке, слуги и музыканты, повар, батраки, работавшие на общинной земле, председательствующие (в судах – люди, сведущие в законах), городской врач, хирург, аптекарь и акушерка. Это объясняет скромную долю, которую составляло жалованье муниципальных служащих в городском бюджете, тем более, что многие из них получали свое жалованье натурой.

В целом, однако, Таллинн занимал в средние века стабильные экономические позиции даже в годы войны, даже голод и чума не смогли им угрожать.

Таллиннский монетный двор находился рядом с церковью Нигулисте (церковью святого Николая) на месте сегодняшнего строения по адресу Нигулисте, 12. Монетный двор имел внутренний дворик, конюшни, дровяной сарай и рабочие помещения, за которые, по утверждению Ивара Леймуса, монетный двор платил арендную плату магистрату (в 1546 году – 16 марок, в 1567 году, из-за инфляции – уже 40 марок в год).

Согласно И. Леймусу, монетный двор был очень важным институтом города и имел специальный статус, можно даже сказать, что он пользовался экстерриториальностью. Все инциденты, которые происходили на территории монетного двора, за исключением тех, которые повлекли за собой серьезные увечья, в Таллинне рассматривались самим мастером монетного двора.

В Таллинне назначение мастера монетного двора входило в круг обязанностей мастеров-чеканщиков, в то время как в Риге это право закрепили за собой феодалы – магистр ордена и архиепископ.

Финансовая система города была весьма примитивна. Банков не было, деньги брали в ипотеку, в основном под 6%. Из-за примитивных методов торговли аккумуляция крупных капиталов в руках отдельных лиц была маловероятной. Согласно Г.Миквицу, таллиннские купцы Йох.Селхорст и Яспар Каппенберг владели не более чем 5000 гульденов каждый, что было относительно небольшой суммой, учитывая то, что например Ник. Брёмсе, самый богатый купец Любека, имел капитал в 30 000 гульденов, а процветающие купцы Франкфурта-на-Майне и Базеля имели в среднем капитал в 12 000 гульденов. Однако именно в это время наблюдается период экономического процветания в истории Таллинна. Первые письменные упоминания о чеканке монет в Таллинне относятся к 1265 году. Аркадий Молвыгин утверждает, что монеты чеканились еще раньше, вероятно, начиная с 50-х годов 13 века. По данным И.Леймуса, уже в 1220 году в Таллинне, как и во всей Ливонии, рижская марка весила приблизительно 208 граммов и использовалась в качестве базового веса монеты. В серебрянной марке было 4 фартинга, в фартинге - 4 лода, в лоде – 2 сетина. Система счета была достаточно сложной:

1 марка = 8 ёр = 24 эртуга или артига = 288 пфеннигов;

1 ёр = 3 артига = 36 пфеннигов;
1 артиг = 12 пфеннигов.

В Таллинне во второй половине 13 и начале 14 века чеканка монет возросла от 1 марки чисто серебряных пфеннигов до объема 6 марок и 2 ёров, то есть до 1 800 монет. В то время чеканились только брактеаты, то есть тонкие монеты с рисунком на одной стороне и номинальной стоимостью в пфенниг. По мнению Аркадия Молвыгина, до 1515 года монеты чеканились анонимно, то есть без имени и фамильного герба магистра Ордена. Это можно объяснить тем, что в отношении своей экономической политики Таллинн действовал относительно независимо от Ливонского Ордена. Вот почему магистр Ордена Волтер фон Плеттенберг, решив в 1515 году поместить свое имя и фамильный герб на более крупных монетах, которые чеканились в Таллинне, вынужден был в специальном послании убеждать магистрат в том, что никакого ограничения привилегий города из этого решения не следует.

Политическая и экономическая нестабильность в 50-е годы 16 века ввергла монетное дело Ливонии в анархию. Все попытки упорядочить его оказались безуспешными из-за полного распада Ливонской конфедерации в 1561 году.

Древнейший период торговли Таллинна с зарубежными странами (до 1346 года) был основан на принципе свободной торговли. Все купцы из Германии и Готланда могли свободно торговать в Таллинне. То же самое относилось и к русским, которые могли нагружать свои корабли товарами в Таллинне и плыть с ними на запад – на Готланд и в Любек. Любой, у кого были деньги, предпринимательская жилка и хорошие корабли, имел шанс на успех. Это особенно относилось к богатым иностранным купцам, в независимости от того, откуда они приезжали – из Вестфалии (Соэст, Дортмунд, Мюнстер), из Фризланда, Любека или Готланда. По сравнению с ними, местные купцы эстонского, немецкого или любого другого происхождения играли меньшую роль. Торговые привилегии и правила определялись сюзереном, а не молодым феодальным городом. В 1273 году король Дании даровал всем иностранцам, а в 1278 году – отдельно любекским купцам, освобождение от таможенных налогов, а также –

правовую защиту в Таллинне и в Эстонии. Вдобавок, в 1294 году им было гарантировано право пользоваться эстонскими дорогами (в первую очередь – торговым маршрутом из Таллинна в Нарву).

Следующий период в транзитной торговле между Западом и Востоком начался вместе с бурным развитием Таллинна, с ростом его богатства и населения. Этот период характеризуется попытками города приобрести определенные права в отношениях с иностранцами. Хотя мелкая торговля уже с 1279 года была привилегией граждан города, были сделаны попытки ввести правила, затрудняющие иностранцам торговлю с русскими через Таллинн. Эти попытки делались в контексте рыночного права, согласно которому Рига, Таллинн и Пярну считались конечными пунктами для немецких купцов, которые торговали с Востоком. Этот правовой акт был наконец признан в 1346 году немецкими городами, вовлеченными в торговлю на Балтике. Все товары должны были сгружаться в этих городах, взвешиваться, а затем вновь загружаться для транспортировки либо по сухопутным путям, либо на маленьких судах по воде. Не имело значения, достигал ли купец Новгорода по Неве и Волхову или через Нарву. Таким образом, контроль над торговлей с Россией оставался у Таллинна. Таллинну это было выгодно, так как теперь большинство иностранных купцов предпочитали продавать товар прямо жителям Таллинна, а не перегружать его. Хотя теперь последним нужно было самим доставлять товар в Россию, прибыль оставалась у них. После заключения так называемого Нибурского договора в Новгороде в 1392 году, города Ливонии приобрели важное значение в торговле. Нибурский договор положил конец длившейся 7 лет торговой войне между Новгородом и Ганзой. В 1397 году жители Таллинна принимали участие в завоевании Стокгольма, а в 1398 году Орден захватил Готланд и Висби. Поэтому сдача в постоянную аренду в 1402 году Готландского торгового центра в Новгороде Таллинну было вполне естественным процессом. В 1444-1448 годах ливонским городам удалось добиться полной монополии на торговлю с Новгородом. После того как Новгород был присоединен в 1478 году к Великому княже-

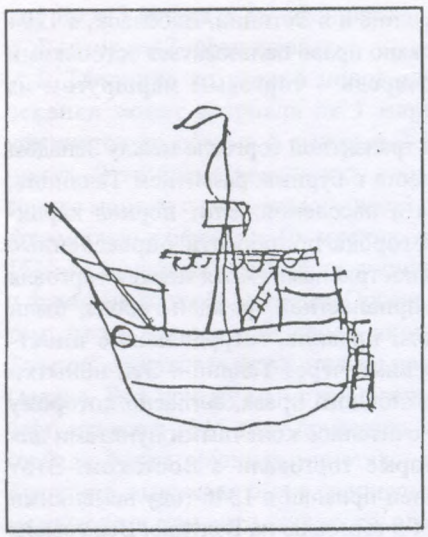


Рисунок из торговой книги Таллинна 1497 г. с изображением ганзейского корабля. Таллиннский городской архив.

ству Московскому, Таллинну пришлось иметь дело прямо с централизованным Русским государством. Таллиннские купцы были сильно озабочены конфликтом между Орденом и Россией в 1480–1481 годах. Для защиты интересов своих купцов Русское государство начало ограничивать значительные привилегии, которыми пользовалась Ганза в Новгороде. В 1488 году наместник великого князя ввел правило, по которому соль и мед разрешалось продавать только на вес. В 1494 году было аннулировано право ганзейских купцов "взбивать" воск и настаивать на дополнительных надбавках в торговле мехами. В том же году в Новгороде был закрыт Гостиный двор Ганзы. Основной причиной этому была попытка усиливающегося Российского государства подорвать могущество Ганзы в экономике северной России, создать более выгодные условия торговли для русских купцов и добиться выхода к Балтийскому морю для России. Дело с закрытием Гостиного двора Ганзы ускорилось в связи с конфликтами в самом Новгороде. Приближающаяся Русско-Ливонская война и полный запрет на торговлю имели катастрофические последствия для таллиннской торговли,

приведя к банкротству многих богатых купцов. Нарва занимала в торговых связях Таллинна особое место. До 15 века этот город не был полностью независим, будучи зависимым от Таллинна в административном, правовом смысле, а также в своей торговой политике. Таким образом, члены таллиннской Большой гильдии могли владеть свободной от налогов недвижимостью в Нарве. Таллинн ввел специальный налог за то, чтобы устье реки Нарва было открыто. В дальнейшем некоторые административные функции в Нарве осуществлялись прямо из Таллинна. Хотя Нарва неоднократно (в 1417, 1450, 1514 и последующих годах) пыталась освободиться от этой опеки, полностью ей это никогда не удавалось. Привилегии, которыми пользовались в Нарве таллиннские купцы, прежде всего объяснялись их желанием самостоятельно торговать с Новгородом. Одновременно Таллинн запрещал Нарве вступать в Ганзейский союз. Этой уникальной привилегированной позицией в отношении Нарвы Таллинн пользовался до начала Ливонской войны в 1558 году. Отношения между Таллинном и Нарвой в средние века были изучены Юри Кивимяэ. Купцы из Оулу, по сведениям финского историка Пентти Вирранкоски, имели собственную пивную в Таллинне, а граждане Порвоо собирались в зале Большой гильдии на улице Пикк (Длинная улица).

В списке долгов, принадлежавших Хельмиху Фике, 800 раз упоминается торговля с крестьянами из Ниланда, 70 записей касается Порвоо. Характерно, что товар перевозился из Порвоо в Таллинн, обратных сделок практически не наблюдается. Людей из Таллинна еще не замечалось среди граждан Порвоо. Но таллиннские купцы приезжали на ярмарки в Уусимаа. Таллиннский магистрат ревниво следил за тем, чтобы финские купцы торговали только в Таллинне, а не где то еще, например в Нарве. Купцы из Порвоо вели в Таллинне в основном натуральную торговлю. Деньги использовались редко. Граждане Порвоо платили маслом, рыбой, мехами, дровами, дегтем и т.д. Из долгового списка Фике мы видим, что зерно и соль давались также в долг, что надолго связывало жителей Порвоо с таллиннскими купцами. Как утверждает Гунвор Керкконен, зачастую жители Порвоо шли

в море, другими словами – в Таллинн, гонимые голодом. В фольклоре Уусимаа есть поговорка: "Не выбрасывай свой последний кусок хлеба, пока не увидишь Таллинн".

Из 500 путешествий жителей Уусимаа в Таллинн в начале 16 века 50, или 10%, были совершены из-за острой нужды в хлебе, особенно в период неблагоприятных климатических условий между Рождеством и Пасхой.

Также прослеживается связь между жителями Порвоо и Таллинном. Согласно Сеппо Суванто, церковь Порвоо, как и Домская церковь в Таллинне, была посвящена деве Марии. С 50-х по 70-е годы археологи обнаружили около этой церкви 11 фрагментов формы для отливки таллиннского происхождения, что еще раз доказывает наличие тесных экономических связей между двумя городами.

Политическая идея Густава Васа о развитии Стокгольма за счет других городов, вероятно, не касалась Турку. В конце 40-х годов 16 века Густав Вас хотел направлять финскую торговлю с зарубежными странами таким образом, чтобы она не касалась Таллинна, с целью создать лучшие условия для развития Стокгольма, Выборга и Порвоо. За 200 лет до этого Таллинн был позитивным фактором для основания Швецией Раасепора и Порвоо. Первым шагом Швеции, направленным против Таллинна, было предоставление в 1546 году прав города Порвоо. 21 мая 1534 года магистрат Порвоо написал письмо магистрату Таллинна, в котором излагалась история гражданина Порвоо Пявела, сына Клемента, который хотел получить наследство своей тети, которая умерла в Таллинне. Очевидно, у Пявела было много родственников в Таллинне, что доказывает увеличение интенсивности переселения из Порвоо в Таллинн.

Из книг, которые вел таллиннский купец Лютке фон Минден, мы узнаем, что с 1516 по 1527 год пастором Порвоо был свободный человек Эрик, сын Пера (Вильдеман), которого чаще называли Эрик Лилль. Он был не только пастором, но также вместе с купцом из Турку Хансом Кранком участвовал в заморской торговле с Таллинном, Ригой, Нарвой и Стокгольмом. Еще одним пастором–купцом был Якоб, который, согласно долговой книге Фике, привез в Таллинн масло, которое обменял на соль и красное вино.

Торговая политика Таллинна в отношении Финляндии была примерно такой же. Зафиксированные в торговых книгах таллиннского купца Хельмиха Фике (1507–1542 гг.) сведения указывают на то, что многочисленные малые суда прибывали в Таллинн из Финляндии и северной Швеции для покупки или бартерного обмена соли, тканей, ржи, солода, а также русских товаров. Обитатели прибрежных районов Финляндии (Койвисто и Улвала), по большей части крестьяне, не были заинтересованы в снабжении своих собственных городов (Турку, Порвоо, Выборг), товарами, которые они предпочитали доставлять через залив в Таллинн. Таким образом, торговля между Россией и Финляндией шла морским путем через Таллинн. Хотя Выборг, начиная уже с 1294 года, пытался заменить Таллинн в качестве центра торговли, это ему не удалось. Ганзейские города также отказались вести дела с русскими через Выборг. Даже попытки Густава Васа избавить южный берег Финляндии от влияния Таллинна, как центра торговли (ордонансы 1533 и 1547 гг.), и создать новый центр в Стокгольме или в каком-нибудь финском городе окончились провалом. Привилегии, которыми Таллинн пользовался в Финляндии, к тому времени были уже очень древними, будучи основаны на мирном договоре, подписанном 29 мая 1326 года, и на признании привилегий в 1336 году. Очевидно, Таллинн сумел удержать свои твердые позиции в торговле с Финляндией до конца правления Ордена и даже дольше.

Торговля со Швецией концентрировалась в основном в Стокгольме и его окрестностях. В мирное время из Таллинна в Стокгольм привозились в основном русские товары (пенька, лен и кожа). Однако и товары, которые шли с запада, доходили в Стокгольм через Таллинн, где их перегружали.

И все же, с точки зрения Таллинна, самым важным зарубежным партнером оставался Любек. С одной стороны, этот средневековый центр был портом назначения для товаров, идущих из Таллинна. С другой – это был важный центр транзитной торговли с Западом и Югом, и эта его функция была еще более важна. Рожь, меха, лен, сало и другие товары из Таллинна везли через Любек в основном в Нидерланды, в Брюгге и позднее в Антверпен, но также и

на юг – во Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг и даже в Лейпциг.

Однако, что касается торговли с Нидерландами, то здесь Таллинн играл активную роль только короткое время. Голландские моряки везли соль из района между устьями Луары и Гаронны и в основном обменивали ее на рожь. Что касается торговли внутри страны, то каждый купец в Таллинне имел своих покупателей, его, так сказать, друзей, которые могли покупать в кредит, с которыми была налажена активная торговля, и которые также помогали ему находить новых покупателей. Товарами, которые продавались знати, были в основном одежда, соль, мед, хмель, пряности, железо и т.д. Крестьяне покупали котлы, соль, хмель, рыбу, ножи, зеркала и другие товары. Торговый ареал таллиннских купцов охватывал главным образом земли Харью, Ярва, Ляэнэ и Виру, но распространялся также далее на юг до Каркси и даже за Тарту. Розничная торговля тканями находилась в руках процветавших "резчиков ткани", галантереей занимались галантерейщики или торговцы мелким товаром. Продукты питания в основном продавались на рынках. Важную роль в розничной торговле играли ремесленники, особенно так называемые пистемакеры эстонского происхождения.

В народной нижнегерманской песне 16 века Таллинн зовется "домом воска и льна", Висби – "домом смолы и дегтя", Рига – "домом пеньки и масла". Слова этой песни правдивы. Следующим по важности после зерна (10 000 ластов в 1550 году) были лен и воск (соответственно – 21% и 19% экспорта). Такие товары, как ворвань, свиное сало, пенька, кожа, лес, масло и меха, также экспортировались, но в меньшем объеме. Из полуфабрикатов за границу вывозились конопляные нити и обработанный камень. Таллинн получил широкую известность, как город экспортной торговли.

В структуре импорта первое место принадлежало соли, привозимой в основном из Франции и Португалии, однако столовая соль привозилась и из Германии (Люнебург). Объем импорта соли сильно колебался: в 1370–1380 гг. он едва достигал нескольких сотен ластов, по сравнению с 10 000 ластов в 1546–1556 гг., когда он составил почти треть всего импорта соли с Запада в регион Балтийского моря. В качестве сравнения можно указать на то, что в 1620–1629 гг. годовой объем импорта соли в Таллинн редко составлял 1500 ластов – явное указание на упадок таллиннской торговли в период правления Швеции. Следующим по значению товаром после соли были ткани (36% импорта), сельдь, хмель, серебро, медь и т.д.

В период с 1426 по 1436 год порт Таллинна в среднем принимал 57 больших кораблей с Запада ежегодно, из которых по крайней мере 19 везли соль. В 1487–1491 гг. в среднем около 70 ганзейских кораблей прибывали в Таллинн ежегодно. Иногда их было значительно больше. Например, в 1456 году пришло 93 корабля, в 1468 г. – 95 кораблей, 67 из которых везли соль. Следует напомнить, что в то время период навигации продолжался только с апреля до ноября.

Кораблям приходилось плыть вдоль берега, что занимало много времени и было опасно. По требованию голландских моряков городской магистрат устанавливал каждое лето 2 бакена на Бакенной мели (Миддельгрунд) между островами Пальяссаар и Найссаар, за которые моряки должны были платить пошлину, которая называлась "бакенными деньгами". В 1514–1526 гг., со значительными затратами города, был возведен маяк в Кыпу на о.Хийумаа, который стоит до сих пор. Благодаря этому маяку морской путь между Готландом, о.Хийумаа и Таллинном стал менее опасен. Теперь моряки предупреждались об угрозе обширной мели Хийу (Некмансгрунд). Ранее они предпочитали значительно более длинный маршрут с Готланда до Таллинна через Порккала. Для содержания маяка Кыпу на корабли была наложена пошлина (так называемые "маячные деньги").

Согласно Вильгельму Коппе, таллиннский экспорт-импорт в 1496–1497 гг. всего составлял 405 500 рижских марок.

Торговля была беспошлинной, платежи не требовал ни город, ни его сюзерен. Но города Ганзейского союза были обязаны платить специальный налог, из которого оплачивались расходы на войну, дипломатическую деятельность и некоторые другие нужды. Этот налог накладывался в соответствии с ценностью "пунт гроте" (голландская вал-

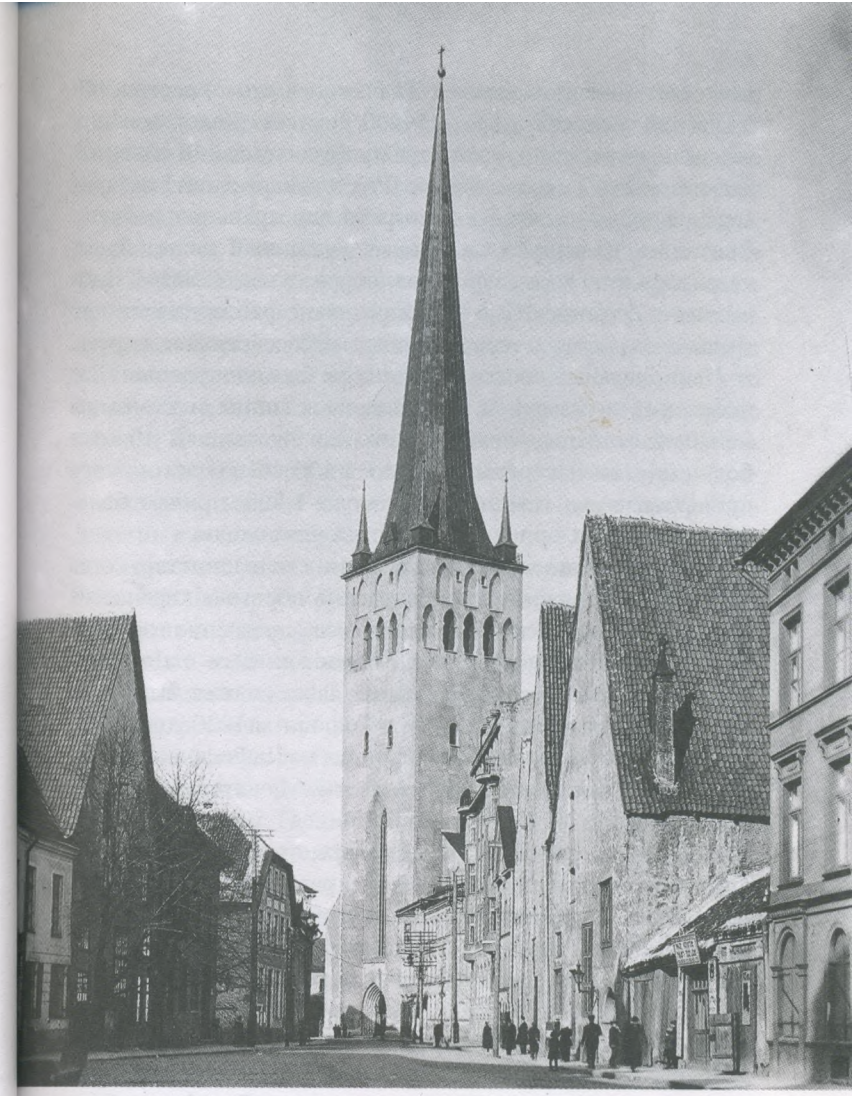
ютная единица), что и объясняет его название – фунтовый налог. Чтобы контролировать качество товара, город Таллинн нанимал сортировщика.

Достоверные данные о количестве жителей в средневековом Таллинне отсутствуют. Однако мы можем утверждать, что по европейским стандартам это был средний по размерам город. Мы знаем, что в те времена большим считался город, где жило более 10 000 жителей, в особенно крупных – более 20 000, в городах среднего размера – от 2 000 до 10 000, и в малых городах – от 500 до 2 000 человек.

Согласно списку налогов 1372 года, Пауль Йохансен определил численность таллиннского населения в 4 000 человек. Опираясь на тот же источник, Кюлликке Каплински насчитала 5 500 человек в 1374 году. Автор этой книги разделяет сомнения Юри Кивимяэ в отношении этой последней цифры. Она кажется слишком завышенной. Мы не можем забывать, что в 1351 году в Таллинне была эпидемия чумы, которая в те времена случалась регулярно. Таллинн пострадал от чумы так же в 1420, 1444, 1464, 1474, 1482, 1503 гг.

Значительный приток жителей наблюдался в конце 14 и начале 15 веков, а также в 30-х и 40-х годах 16 века. В 1409–1438 гг. количество принятых новых граждан было 511, с 1518 по 1543 год их было 575, в то время как в период с 1471 по 1500 год было только 225 приезжих. Список налогоплательщиков 1372 года содержит 650 хозяйств в центре города (исключая Тоомпеа). Исходя из предположения, что семья состояла в среднем из 5-ти человек, в общем это дает около 3 250 жителей. Число граждан было следующим: 240 в 1550 году, 294 в 1558 году, 280 в 1561 году, а в 1569 году было 352 гражданина, плативших налоги на недвижимость. Если к каждому гражданину прибавить еще 10 человек (члены семьи и слуги), то число обитателей Нижнего города Таллинна в 50-х годах 16 века составляло около 3 000 человек. Вместе с Тоомпеа и пригородами население могло составлять всего 5 000, в крайнем случае, как утверждает Пауль Йохансен, до 6 000 человек.

Для 1538 года Хайнц фон цур Мюлен предлагает в



Церковь Олевисте, построенная из таллиннского известняка, с тремя нефами и базиликой (13 или 14 век). Массивная Западная башня с палаточным куполом, достигающим 123,7 метров. Церковь, сохранившая свой вид позднего средневековья до наших дней, приобрела такую форму в 15 и 16 веках. В 1428 г. по соседству с церковью была основана городская школа, и в 1552 году – Городская библиотека. Фото из Таллиннского городского музея.

качестве общего населения Таллинна и его окрестностей цифру по меньшей мере в 5 400 человек. Для сравнения можно отметить, что в регистрах упоминается 340 объектов недвижимости в центре города. В их число не входят амбары, сараи, дровяные склады и погреба для хранения овощей. Считая по 10 человек на каждый указанный выше объект недвижимости, вновь получаем цифру около 3 500. Следовательно, средневековый Таллинн можно рассматривать как средний по размерам город, исходя из европейских стандартов.

Национальный состав Таллинна не был однородным. Его население в основном составляли эстонцы и немцы, в меньшей степени – шведы, финны и русские. В 16 веке большинство населения (около 2 400) были эстонского происхождения, немцев было около 1 500, причем большинство из них принадлежало к высшим слоям.

Хотя немцы по численности были в меньшинстве, когда дело касалось власти, то наблюдалась обратная картина. В их руках практически находилось все управление городом. Они владели крепостью на Тоомпеа вместе с Домской церковью. Вся полнота церковной власти также была в их руках. Первые немцы пришли в Таллинн в 1230 году через Готланд. Это были в основном купцы из Любека, но многие из них прибывали и из других мест – Мюнстера, Соеста и Дортмунда.

Среди граждан Таллинна, которые иммигрировали из Германии, нужно проводить ясное различие между ремесленниками и купцами, не только с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе, но также и по месту, откуда они пришли. Вероятно, большинство немецких ремесленников, иммигрировавших в 14 веке и позднее, прибыли из восточной Германии: из Мекленбурга, Бранденбурга, Померании и Пруссии. С другой стороны, купцы в основном презжали из Любека, а также из Вестфалии, Рура и Рейнской области. Среди иммигрантов изредка также встречались голландцы.

Что касается шведов, чье присутствие в Таллинне упоминается уже с 1226 года, то только малая их часть приехала из других мест Эстонии: с Хийумаа и с островов Пакри, Вормси и Ноароотси. Большинство шведов приехало из

Финляндии, в основном из поселений, расположенных на противоположном от Таллинна берегу залива, таких как Порвоо, Хельсинки и Расеборг. Их фамилии указывают на то, что финнов среди них было очень мало. Примерно такое же количество шведов приехало из Швеции: из Стокгольма, Норчёпинга, Евле и других мест. Особенно сильные связи со Швецией были у сапожников и медников (так как медное производство было очень развито в Швеции). Более того, церковный приход Олевисте в средние века включал в себя мыс острова Виймси и острова Аэгна и Найссаар, где в то время жило много шведов. После Реформации церковные службы для шведов велись в монастырской церкви на их родном языке. Большинство шведов были рыбаками, перекупщиками, многие из них становились наемными работниками, в основном – слугами.

У русских была своя церковь с примыкающими к ней складами. Интересы русских купцов в магистрате защищал старейшина, которого они выбирали сами. Более того, магистрат нанимал переводчика с русского языка для составления и перевода писем, написанных по-русски и для помощи русским купцам в правовых вопросах. Во время совершения торговых сделок с эстонцами русских и шведов сопровождали вооруженные посредники. Других иностранцев в средневековом Таллинне практически не встречалось. В конце концов, Таллинн был довольно далеко от транзитных путей международного значения.

С самого начала существования Таллинна как городского поселения, эстонцы входили в состав его постоянных жителей. Записи, датированные началом 14 века, говорят о том, что среди, например, рыночных торговцев были мастера эстонского орнамента. Когда эти люди начали изготовлять седла и сбрую, их стали называть пистемакерами. Соответственно, уже в те давние времена в Таллинне практиковался по крайней мере один вид ремесла чисто эстонского происхождения. Но люди эстонского происхождения в Таллинне 14 века занимались и многими другими ремеслами: они были мясниками, сапожниками, серебрянных дел мастерами, каменщиками и пивоварами. Стоит ли говорить о том, что все так называемые низшие, полупрофессиональные ассо-

циации ремесленником – извозчиков, лодочников, носильщиков, мостильщиков и т.д. – состояли почти исключительно из эстонцев, только с небольшими вкраплениями шведов и финнов. Также низшие муниципальные служащие, на которых зачастую лежала значительная ответственность, были в основном эстонцами. Это были сортировщики льна, городские пастухи, конюхи, сторожа городских владений и границ города, надсмотрщики на рынках, рыночные дворники, полицейские, чиновники полиции, палачи и их слуги, дозорные на башнях и ночные сторожа.

В те времена, как и позднее, некоторые эстонцы зарабатывали на жизнь мелкой торговлей. Другие были владельцами маленьких суденышек, возивших товар в Нарву, Финляндию и на острова. Их торговля ограничивалась прибрежными районами. Участие в крупных коммерческих сделках с другими странами до конца 14 века для эстонцев было полностью исключено по той простой причине, что в 1399 году все коммерческие сделки, кроме сделок с немцами, были запрещены. В 30-х годах 15 века вошел в силу указ, запрещавший давать эстонцам золото.

В отношении статуса эстонцев в Таллинне можно различить два периода. В течение первого из них эстонцы были вынуждены подчиняться некоторым мелким ограничениям. Ситуация резко изменилась после восстания Юрьевой ночи в 1343 году. Новые правила касались прежде всего городской недвижимости. Согласно средневековому праву, владельцы домов были действительными членами городского общества и его защитниками, и пользовались полными правами. Следовательно, очевидно, только наиболее достойные элементы этого общества получали право на владение недвижимостью в городе. Самые старые городские книги показывают, что в середине 14 века в Таллинне еще было какое-то количество эстонцев-домовладельцев. В 1340 году они платили за принадлежность к гражданам Таллинна столько же, сколько шведы и немцы (половину серебряной марки), и, судя по всему, даже имели право варить пиво на продажу. Они также имели, по крайней мере в принципе, право заниматься оптовой торговлей.

Эстонцы пользовались этой относительно выгодной

ситуацией до тех пор, пока гильдии оставались преимущественно религиозными организациями, и пока купеческие гильдии, по крайней мере в их позднейшей форме, еще не существовали. Однако, когда примерно в середине 14 века ремесленники начали создавать свои гильдии на базе отдельных ремесел, а купцы отделились и создали Большую гильдию, куда принимались только немцы, права на наследование и варку пива были значительно ограничены для тех крестьян, которые недавно переехали в город. Это означало начало второго периода в жизни эстонцев в Таллинне. Согласно новым правилам, право наследования имели только прямые потомки иммигрантов, но не их родственники, живущие в деревне. Новый порядок был направлен также на то, чтобы хозяин умершего, то есть феодал, не смог захватить наследство, расположенное в городе. Власти феодалов очень боялись и были сделаны серьезные попытки ограничить ее. Характерно, что в 1383 и 1384 годах эстонцев и феодалов обязали строить свои дома из камня, в соответствии с нормами эстонского наследного права. В противном случае городской магистрат мог оспорить право на владение недвижимостью. В начале 15 века плата за принадлежность к гражданам для эстонцев была поднята до 3-х марок, позднее она стала еще выше. Препятствия морального порядка были установлены в отношении женитьбы на эстонских девушках. В 1438 году членам Пивоваренной компании было запрещено жениться на эстонках.

В свою очередь эстонцы начали отделять себя от немцев. Вероятно, именно в это время (примерно в середине 14 века) была основана специальная гильдия для эстонцев, получившая название Гильдии Тела Господня. Многие эстонцы и шведы состояли в Гильдии Святого Олая, которую в народе называли Гильдией Олевисте. Постоянное разделение имело место также в церковной сфере. Эстонцы в основном принадлежали к приходам церквей Святого Духа и Каламая. В 15 веке специальные места для проповедников не немецкого происхождения были созданы также в других церквях: в 1474 году – в церкви Святого Николая, в 1500 г. – в церкви Святого Олая и примерно в то же время – в Доминиканской церкви Святой Катерины.

Несмотря на ограничения, которым подвергались эстонцы, в Таллинне их условия жизни были значительно лучше, чем в деревенской местности. Принцип "воздух города делает свободным" еще действовал. В соответствии с соглашением, заключенным между городом и вассалами Харью и Виру, феодалы могли требовать выдачи сбежавшего в город крестьянина только в течение года и одного дня. По истечении этого периода они теряли на него право, и крестьянин становился свободным человеком. Это правило относилось только к владельцам крепостных крестьян, в то время как наемные работники и безземельные крестьяне пользовались полной свободой передвижения. Чтобы ограничить растущее влияние эстонцев, хлынувших в город, городской совет и гильдии начали резко ограничивать их права. Эстонцам было отказано в праве на собственность, их торговля на рынке и улицах была обусловлена значительными ограничениями, оптовым торговцам было запрещено нанимать скупщиков эстонского происхождения, хотя, хорошо зная местные условия, они гораздо больше, чем немцы, подходили для такого рода работы. Золотых дел мастера, пекари и портные отказывали в работе, если кандидат не был немцем, так делали даже мясники. Однако все эти препятствия были недостаточно эффективны, чтобы полностью закрыть для эстонцев путь в высшее общество. Даже в этих условиях некоторое количество эстонцев присутствовало во всех ремесленных гильдиях, даже в тех из них, чьи уставы запрещали принимать эстонцев. Среди эстонцев были также домовладельцы.

Любой, кто хотел поселиться в Таллинне, не мог здесь жить, не зная эстонского языка. Известно, что даже иностранные моряки должны были немного знать эстонский язык, и что их часто посылали в Таллинн учить эстонский язык. Обучение часто проходило в эстонских семьях и обычно продолжалось 17 недель. Поэтому неудивительно, что немцы, жители Таллинна, как правило, понимали эстонский язык.

Понятно, что социальные требования, выдвинутые Реформацией, послужили только увеличению напряжения, существовавшему между двумя национальностями. То и дело некоторые эстонцы обзывали немцев плохими словами, в то

Северный неф церкви Святого Духа с галереей 15 века. Церковь расположена примерно в 200 метрах от городской Ратуши. Фото – Э.Райкюла.

время как немецкие купцы требовали, чтобы эстонских мелких торговцев, ремесленников и перекупщиков травили на рынке собаками и заменяли на "цивилизованных" торговцев из Германии. Возможно, эта напряженность еще более усилилась из-за того, что городской магистрат начал уделять большее внимание обеспечению эстонцев религиозной литературой на их родном языке, чтобы, с одной стороны, как-то достичь примирения с эстонской частью населения, а с другой стороны, попытаться повлиять на них с помощью печатного слова на понятном им языке. Пауль Йохансен утверждает, что первый катехизис на эстонском языке был напечатан в 1525 году – эстонец Ханс Суси был привлечен к переводу на эстонский язык Евангелий и псалмов. Магистр Ордена и отдельные рыцари, которые боялись возможного восстания эстонцев, неоднократно предупреждали об этом город. Однако эти страхи были абсолютно безосновательны. В то время еще не существовало чувства единения между эстонцами, которые жили в городе и в деревенской местности.

Вестибюль дома средневекового купца на ул.Лай (Широкая). Фото – Э.Райкюла.

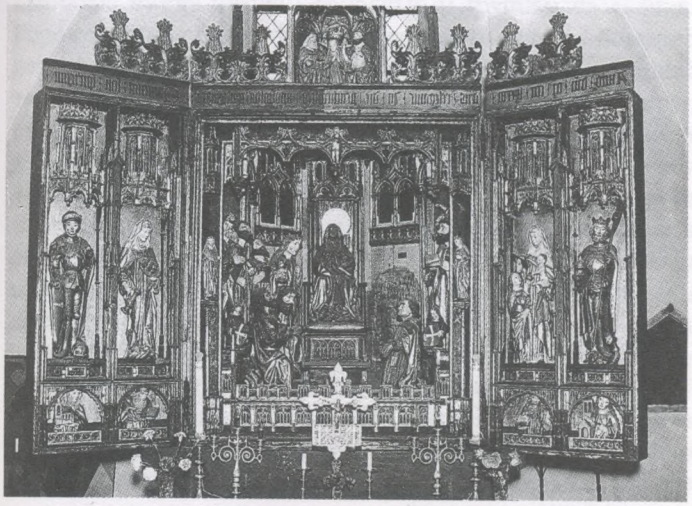
Население средневекового Таллинна было неоднородным как в национальном, так и в социальном смысле. Высший класс в основном состоял из немцев, низший – из эстонцев.

В феодальном Таллинне начала развиваться своеобразная городская культура, которая испытывала влияние как с Запада, так и с Востока, так как Таллинн был расположен на главном торговом пути, ведущем с Запада на Восток. Как гражданская, так и церковная архитектура придавала городу несомненную социальную значимость. Наиболее впечатляющим архитектурным достижением Нижнего города Таллинна была окружавшая город стена длиной 2,35 км, из

которых и поныне сохранилось 1,85 км. В начале 16 века в Таллинне было 46 крепостных башен, включая башни на Тоомпеа. Были основаны первые школы. Например, первое упоминание о школе Домского прихода относится к 1319 году. Библиотека церкви Святого Олая существовала уже в 16 веке.

Трое из хорошо известных в то время художников связаны со средневековой историей Таллинна: Херменн Роде, Бернт Нотке и Михель Ситтов. Одним из наиболее значительных образцов ганзейского искусства является главный алтарь церкви Нигулисте (1479–1481 гг.), автором которого является известный мастер из Любека Херменн Роде. Еще одним знаменитым любекским мастером был Бернт Нотке (вторая половина 16 – начало 17 века), из творчества которого сохранились фрагменты знаменитой "Пляски Смерти" (конец 15 века) и великолепная часть алтаря церкви Пюхавайму (1483 г.). Михель Ситтов (прибл.1469–1525) был известным придворным художником в Испании и Дании. Его лучшие работы –портреты английской королевы Екатерины Арагон-

Главный алтарь церкви Святого Духа с росписью и резьбой 1483 года. Автор – Бернт Нотке. Фото – Э.Райкюла.



ской и датского короля Кристиана II – до сих пор хранятся в музеях Европы. Только когда мы добавим к этим шедеврам Нотке чарующего Георгия Победоносца из церкви Святого Николаса в Стокгольме (1489 г.) и главный алтарь церкви Святого Яна в Люнебурге, расписанный Хинрихом Фунхофом (1483 г.), мы можем почувствовать единство и смысл ганзейского духа. Конечно, можно привести еще много аналогичных сравнений.

Прогресс наблюдался также в здравоохранении. Первое упоминание о лепрозории относится к 1237 году, а Ратушная аптека, работающая и по сей день, впервые упоминается в 1422 году.

В рассматриваемый период стиль жизни, характерный для феодального города, получил развитие в Таллинне. Он нашел свое выражение в строительстве города, его архитектуре, в том, как одевались и ели жители Таллинна, а также в образе их мышления.

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

После долгого обсуждения за и против городской магистрат и граждане Таллинна 6 июня 1561 года принесли клятву верности Эрику XIV, королю Швеции, который 8 августа того же года подтвердил все прежние привилегии города. Войдя в состав Шведского государства, Таллинн становится центром Эстляндии, состоявшей из земель Харью, Виру, Ярва и Ляэне. Таллинн играл значительную роль в Ливонской войне, в которой участвовали многие государства. В то же время Таллинн, став самой сильной крепостью шведской колониальной державы на Балтике, в значительной степени потерял свою роль центра торговли. Учитывая изменения, которые произошли в военной, политической и экономической ситуации, его роль в транзитной торговле с Россией уже не была такой важной, как ранее.

Ливонская война (1558–1583 гг.) принесла жителям Таллинна много испытаний. Наблюдался упадок торговли и ремесла, связь города с окрестными регионами была прервана. Война требовала огромных расходов и принесла крайнюю нужду низшим социальным группам населения. Город был вынужден нанимать солдат и платить большие деньги за обеспечение их амуницией и оружием. Еще одним тяжким бременем для населения были шведские солдаты, становившиеся на постой. Деморализованные наемники зачастую относились к жителям города, как враги, – например, в августе 1573 года шотландские наемники, не получив жалования, начали грабить гавань и окрестности города. На обитателей города были наложены военные налоги. Конец войны принес некоторое облегчение народу, особенно это касалось низших классов. Русские армии осаждали Таллинн дважды – в 1570–1571 гг. и в 1577 г. В осажденном городе постоянно вспыхивали эпидемии. Суровые условия, сложившиеся в Таллинне в конце Ливонской войны, были ярко описаны Балтазаром Руссовым: “И с бюргерами дело дошло до того, что большая часть из них пребывала без всякого

пропитания, они проели движимое имущество и были не в состоянии чего-либо купить с немецких кораблей, поэтому корабли с тем же грузом, с которым прибыли, должны были и уплыть к великому прискорбию таллиннских купцов. И вся торговля прекратилась в этом славном и богатом городе. Поэтому начеканенной монеты во время этой долгой войны оставалось все меньше, так что одна марка денег, стоившая в добрые времена девять любекских киллингов, теперь стоила лишь два, отчего и пострадали наследства многих малолетних детей, пособия бедных и сборы пасторов. Численность пасторов, учителей и учеников сократилась, а прекрасные дома бюргеров, стоившие в добрые времена две тысячи и более талеров, теперь стоили только черыреста или пятьсот. А поелику нищета и бедствия притеснили многих дворян и бюргеров, дети их вынуждены были искать пропитание вместе с крестьянами в разбое, и стали они столь смиренны, что эстонский крестьянин, которого они в добрые времена не сочли бы достойным чести сидеть или шагать рядом с ними, теперь был их главарем, под началом которого они либо верхом, либо пешком ходили на разбой. И некоторые девицы из дворян и бюргеров, из самых родовитых, по крайней бедности своей вынуждены были выходить замуж не только за всадников и гофлейтов, но и за еще менее благородных, что в добрые времена считалось бы наверное зазорным. Некоторые же барыни из дворян и бюргеров должны были заниматься черной работой, которой в добрые времена чурались бы даже их девки".

Передача власти герцогу Карлу имела серьезные последствия – вспыхнула война между Швецией и Польшей (1600–1629 гг.). 9 августа 1600 года герцог, во главе своей армии, лично появился на таллиннских улицах. Тяготы новой войны проявили себя немедленно. Вскоре после прибытия Карла Таллинн был вынужден просить герцога облегчить бремя постоя и ограничить бесчинства солдат. Город вновь был вынужден поставлять шведскому государству солдат, давать деньги и заниматься организацией транспортировки.

Продолжительная и ожесточенная война нанесла тяжелый удар экономике Таллинна. Чувство безразличия распространялось среди граждан города, и становилось все более

очевидно, что Таллинн начал отставать в своем развитии. Власть имущие в городе остались консерваторами, не способными сориентироваться в новой ситуации. Более того, торговые пути переместились на Атлантику, и Балтийское море начало терять свое былое значение. Заморская торговля начала заменяться торговлей заокеанской. Все более возрастала конкуренция со стороны Стокгольма, Хельсинки, Санкт-Петербурга, Нарвы и даже далекого Архангельска. Вся торговая политика изменилась до неузнаваемости. Период ганзейской торговли безвозвратно канул в прошлое.

Одновременно Таллинн был вовлечен в гораздо более насущный для него конфликт с центральными властями Швеции из-за защиты своих привилегий. Для этого были – основания – городской магистрат старался защитить местные интересы от эгоистической политики шведских центральных властей. С другой стороны очевидно, что в этом проявлялись и консервативные тенденции.

В начале 17 века ситуация в Таллинне сильно ухудшилась. В результате сильного неурожая 1601 года, разразился знаменитый голод 1602 года, что вынудило город импортировать зерно даже из Германии. Постепенно, по мере ухудшения ситуации, в город начали стекаться не только голодные крестьяне, но даже феодалы из деревенской местности. Ситуация еще более обострилась в связи с эпидемией чумы, которая достигла своего пика в Таллинне летом 1603 года.

Продолжались острые конфликты между шведским государством и таллиннским городским магистратом. Особенно жесткий конфликт по поводу привилегий города Таллинна возник после визита в Таллинн в январе 1626 года Густава II Адольфа. Король пожелал, чтобы магистрат дал согласие на введение небольшого таможенного налога. Это требование вызвало ожесточенное сопротивление магистрата, настаивающего на своих привилегиях. Король пригрозил открыть все порты для свободной торговли, так чтобы Таллинн мог "подохнуть при своих привилегиях". В конце концов магистрат был вынужден отказаться от своих угроз. Но снижения пошлины так и не произошло. Вместо этого новый налог, так называемая лицензия, был введен на все импортируемые

и экспортируемые товары в 1628 году. В 1629 году Эстляндский ландтаг решил согласиться на введение малой пошлины и пошлины на мельницы, в обмен на что он хотел отмены лицензии. По мнению Хельдура Палли, в мае 1630 года вопрос был решен в пользу города. Между тем, продолжались конфликты Таллинна с феодалами, самой болезненной проблемой были крестьяне, бежавшие в город из деревенской местности. Феодалы требовали их возвращения, но беглецы обеспечивали город дешевой рабочей силой. Еще одним яблоком раздора служил приоритет в торговле зерном. Кроме того, рыцарство претендовало на комплекс зданий монастыря св.Михаила. Однако по решению короля Густава II Адольфа здание монастыря было отдано гимназии, основанной в 1631 году.

К тому времени фортификационные сооружения Таллинна безнадежно устарели и более не отвечали требованиям военного искусства того времени. Были начаты обширные фортификационные работы, которые, однако, к 1710 году не были закончены. Город был вынужден брать на себя примерно половину всех расходов, а некоторые дома и сады в пригородах были разрушены с целью расширения укреплений. Обязанность участвовать в строительстве укреплений тяжелым бременем легла на жителей города.

К тому времени владения феодалов в окрестностях Таллинна уже давно привлекали внимание жителей города, хотя знать всеми силами пыталась предотвратить переход владений в руки горожан. В свою очередь городской магистрат проводил политику, препятствующую приобретению знатью недвижимости в городе. В 1662 году опекающее город правительство Карла XI вынесло соломоново решение: гарантировать исключительно знати привилегии в покупке поместий, но в то же время – запретить им покупать дома в городах. В данном случае исключение было сделано для Таллинна – ему было даровано право владеть и приобретать поместья в сельской местности.

Внутренняя жизнь города этого периода характеризовалась острыми противоречиями между социальными группами. Оскорбления со стороны власти, заседающей в Ратуше, вели к созданию единой оппозиции со стороны остального

Уже во второй половине 13 века на месте этих строений был расположен Цистерцианский монастырь св.Михаила. В 1631 г. монастырь был секуляризован. И в том же году некоторые помещения были переданы гимназии, основанной Густавом Адольфом. Сама церковь отошла шведскому гарнизону, а оставшиеся помещения – типографии гимназии. С этого года началась история книгопечатания в Таллинне. Фото – Э. Райкюла.

населения города. Особенно широко недовольство распространилось среди младших гильдий. В 1636 году им удалось обеспечить своим членам право варить пиво и перегонять спирт, а их старейшины получили разрешение участвовать в заседаниях магистрата. Старейшинам были даны так же ключи от муниципальной казны, которые ранее доверялись только бургомистру и старейшине Большой гильдии. В дальнейшем воины для городского ополчения рекрутировались в равной степени как из числа членов младших гильдий, так и из Большой гильдии.

В 1661 году крайне серьезный конфликт между городским магистратом и ремесленниками привел к беспорядкам, направленным против магистрата, который настаивал на изменениях в статутах ремесленных гильдий.

Сокращение владений Таллинна также давало серьезные поводы для недовольства. В 1689 году некоторые территории, ранее принадлежавшие городу, были переданы государству,

включая Копли, острова Найссаар и Аэгна, церковь св. Михаила и некоторые другие участки за городскими стенами. Реально Таллинн потерял только Найссаар, Аэгна и церковь св. Михаила.

Серьезные раны городу были нанесены Северной войной. В 1699 году шведское правительство наложило на Таллинн дополнительный налог для того, чтобы поддержать экономику государства во время войны. Когда 12 февраля 1700 года саксонские войска заняли Ригу, Таллинн стал одним из главных портов для приема вспомогательных войск и вооружений, присланных из Швеции. Город вновь подвергся бесчинствам солдат, вставших здесь на постой. Более того, город был вынужден платить тяжкий налог каждый год (за исключением 1701 года). Дополнительное бремя причинял транспортный налог.

В 1709 году русские армии подошли к Риге. На следующий год в Прибалтике разразилась эпидемия чумы. В августе 1710 года началась осада Таллинна, сделав жизнь невыносимой для жителей города, которые уже пострадали от перенаселенности, голода и жестокой эпидемии. 6 сентября командующий русской армией Рудольф Феликс Бауэр предложил Таллинну сдаться. Предложение было повторено 19 сентября. 24 сентября вице-губернатор Дитрих Паткуль созвал собрание представителей гарнизона, рыцарства и граждан города, на котором было решено сдаться русским войскам. Решение было утверждено собранием рыцарства, городским магистратом, гильдиями и военным советом. Переговоры между двумя сторонами, которые начались 26 сентября в Харку, завершились 29 сентября 1710 года подписанием акта о капитуляции, в соответстви с которым древние привилегии города были подтверждены русскими властями. Шведы планировали отбить Таллинн. Они не изменили этих планов до поражения в битве при Ханко 27 июля 1714 года. Например, еще 19 июня 1714 года 6 больших военных кораблей сумели прорваться к острову Пальяссаар, где они обратились в бегство от флота Петра Великого. Несмотря на поражение, в 1715 году 8 шведских кораблей вновь атаковали морскую базу Таллинна, но были отбиты сильным орудийным огнем.

Как и ранее, управление Нижнего города концентрировалось в руках городского магистрата. Как правило, в то время в Таллинне было 4 бургомистра, которые избирались из членов магистрата. Вошло в обычай, что один из бургомистров был сведущ в праве. Начиная с 1653 года такая практика была закреплена законом. Каждый бургомистр выполнял обязанности председателя 1 год. В конце 17 века был введен пост бургомистра юстиции. Он стал представителем короля в магистрате, а также – постоянным председателем на заседаниях магистрата. Во время шведского правления синдик, или советник юстиции, также становился членом магистрата – явный признак неподчинения давлению, которое оказывали шведские власти. Фактически, городской магистрат продолжал оставаться узкой и сплоченной группировкой, в основном занятой защитой интересов оптовых торговцев. Во время шведского правления Любекское право в Таллинне еще оставалось в силе, но оно было изменено и дополнено в 1586 году. В шведский период Таллинн потерял свое значение международного торгового центра и постепенно превратился в средний провинциальный город Швеции, торговые связи которого ограничивались его ближними окрестностями.

Этот упадок был предопределен завоеванием Новгорода Иваном III и закрытием торговой конторы Ганзы в Новгороде в 1494 году. Таллиннская транзитная торговля была также серьезно подорвана открытием в 1556 году нового торгового маршрута из Западной Европы в Архангельск. Однако торговые дворы русских экспортных товаров, когда-то расположенные в Новгороде, еще раньше указанных событий были перенесены в Таллинн и Тарту. Но если в прежние времена товары перевозились из Новгорода в Таллинн в основном ганзейскими и таллиннскими купцами, то позднее они были вынуждены играть гораздо более пассивную роль, а перевозкой товара в основном занимались русские.

Для того, чтобы вести торговлю с Востоком и Западом на протяжении длительного периода и держать транзитную торговлю в своих руках, Таллинну нужно было занимать чрезвычайно выгодную географическую позицию. Война, которая десятилетиями свирепствовала в Ливонии, ускорила

упадок значения Балтийского моря, если иметь в виду импортно-экспортную торговлю с Россией. Более того, старый соперник Таллинна – Нарва - превратилась в особенно опасного конкурента. Хотя гавань Нарвы была не такая удобная, как таллиннская, она располагалась гораздо ближе к внутренним районам России и имела преимущество из-за наличия речных путей. С 1558 по 1581 год Нарва входила в состав России, будучи единственным портом в Прибалтике, через который Россия могла относительно беспрепятственно вести торговлю с Западом на протяжении всей войны. Завоевание Нарвы шведами в 1582 году положило конец этому благоприятному состоянию дел. Но несмотря на это, Нарва сохранила все свои преимущества даже после перехода к шведам – транзитная торговля не вернулась в Таллинн.

Во времена шведского правления роль Таллинна в транзитной торговле таким образом была сведена к минимуму, возможно лишь за исключением торговли с Финляндией. В какой-то степени постоянно ухудшающееся положение дел компенсировалось тем, что Таллинн был включен в состав Шведского государства. Кроме того, король Эрик XIV гарантировал жителям Таллинна право свободно торговать с Финляндией и Швецией. Конечно возникает другой вопрос – до какой степени было возможно воспользоваться этим правом в военные времена.

Было очевидно, что Таллинн не достаточно силен для того, чтобы вновь захватить транзитную торговлю с Россией, поэтому он постепенно, но верно самоизолировался от Ганзы. Единственной надеждой была перспектива получить помощь от шведского королевского двора, к которому неоднократно обращался городской магистрат. Во время последовавших переговоров в центре внимания все время был вопрос о подавлении нарвской торговли. Пока Нарва была в руках русских, у шведского правительства трудно было добиться осознания необходимости такого шага. Но в дальнейшем случилось так, что даже после того как Нарва вновь была завоевана шведами, а времена стали менее беспокойными, Таллинн все равно не смог возродить свое былое значение.

Требование Таллинна силой установить прямой транзитный маршрут через Таллинн нашло благоприятный отклик у шведского королевского двора. Немедленно после перемирия, подписанного в Плюссе в 1583 году, Йохан III запретил купеческим судам заходить в Нарву, получив в обмен согласие Таллинна на введение новой пошлины (1584 г.). Когда Нарва была захвачена шведами, казалось, что уничтожить ее транзитную торговлю будет довольно просто. Но это оказалось для правительства тяжелым делом, потому что торговля сама предпочитала Нарву. Кроме того, Нарва пользовалась привилегиями, которые трудно было игнорировать. Запреты, введенные шведским правительством, не были достаточно эффективны, в частности потому, что правительству приходилось учитывать интересы иностранных купцов, также торговавших через Нарву. Таким образом, оказалось, что несмотря на многочисленные жалобы, подаваемые Таллинном, все попытки вытеснить Нарву потерпели неудачу. Уже в 1604 году Таллинн структурой своей внешней торговли весьма напоминал Пярну. Несмотря на большой общий товарооборот, он теперь был всего лишь импортно-экспортной гаванью, в основном местного значения.

С течением времени в транзитной торговле увеличивалось значение Нарвы и Канцев (Ниеншанц), так как в правительственных кругах Швеции росло убеждение, что искусственная поддержка таллиннской транзитной торговли может повредить деловой активности в Финском заливе и, следовательно, не соответствует стратегическим интересам Швеции. Правительство уже высказало городскому магистрату свою точку зрения на этот вопрос в решении, принятом в 1641 году. Как указывает Хельмут Пийримяэ, в 17 веке в балтийской торговле заявил о себе новый фактор – приход голландцев, которые оттеснили города Ганзы на второй план. Голландцы захватили ту часть балтийской торговли, которая ранее проходила через датские проливы (включая торговлю такими товарами как соль, лес, зерно, а позднее также и лен). То, что деятельность голландцев вызвала сопротивление, видно из попыток купцов Любека основать базу торговли в Таллинне для контроля над торговлей с Россией. В то время как преобладание голландцев во внешней торговле Таллинна было ограничено относительно более дешевыми товарами,

более ценный товар даже в 17 веке все еще находился в руках северогерманских городов. Что же касается собственного таллиннского купеческого флота, то попытки Густава II Адольфа сосредоточить торговлю с Россией в Таллинне вновь потерпели неудачу. В качестве складского пункта, Таллинн имел двух соперников – Нарву и Канцы. Когда речь шла о торговой политике, все три города рассматривались правительством, как один. С самого начала Таллинн пытался обеспечить своим гражданам значительные привилегии как в Нарве, так и в Канцах, хотя такие действия зачастую приводили к длительным судебным разбирательствам.

Застой и сокращение торговых связей Таллинна в первой половине 17 века частично объясняются новыми пошлинами, введенными по требованию короны, а частично – пассивностью Таллинна, которая была вызвана торговой экспансией Голландии.

В рассматриваемый период самым важным предметом таллиннского экспорта было местное зерно, достигавшее более 60% всего объема экспорта. Следом по значению шли пенька, солод, лес, молочные продукты, воск, кожа и меха. Три последних упомянутых продукта, равно как и восковые свечи, часто приходили из России.

В общем объеме Таллиннского экспорта первое место занимали Нидерланды, особенно Амстердам – в 20-е годы 17 века их доля составляла 60%, в 30-е – более 70%, а в 1682 году – уже 84,4% таллиннского экспорта (данные Х. Пийримяэ). В 17 веке одним из самых важных портов для таллиннского импорта также был Амстердам. Среди импортируемых товаров на первом месте также была соль, которую в основном везли из Португалиии и Франции, а также - из Любека и Амстердама.

Важным импортным товаром, помимо соли, были также различные сорта сельди. Металлические изделия импортировались из Швеции (из Стокгольма и других ее частей), дрова и лошади – из Финляндии. Голландия была страной, из которой, как и из Любека, Таллинн получал различные предметы роскоши, такие как различные типы шелка, готовой одежды, кружева, белье, тонкое сукно и украшения.

Указ, выпущенный Карлом XI в 1681 году, ограничил

импорт мануфактурных товаров. Король, желая добиться подъема местных ремесел, требовал, чтобы в продаже обязательно были простая грубая одежда и головные уборы местного производства. Похожие ограничения применялись также в отношении кожаной и меховой одежды, за исключением русских мехов.

Сладости и пряности чаще всего импортировались из Голландии. Например, кофе впервые появился в Таллинне в 1684 году. То есть он уже подавался в качестве экзотического напитка в домах местных богатых купцов всего лишь через год после появления в центральной Европе и Германии.

Чай появился в Таллинне значительно раньше. К концу шведского правления он уже получил широкое распространение и продавался в лавках. В наличии были также конфеты, цукаты, различные орехи, яблоки, пряности, фиги, изюм, сливы, горчица, сироп, сыр и другие деликатесные продукты. В списках импортных товаров часто встречаются табак, селитра, хмель и красители из Брауншвейга, Брабанта и Голландии. Наряду с бразильским деревом, оловом, скобяными товарами и огнестрельным оружием из Нюрнберга, порохом и другими товарами, импортировалось также стекло – сосуды для питья, бутылки, оконные стекла. Производство стекла на Хийумаа, обеспечивавшее Эстонию, и в частности Таллинн, дешевым стеклом и бутылками в середине 17 века, к концу 17 века было закрыто. Еще одним предметом импорта была бумага, как для городского магистрата, так и для граждан, а также для нужд печатной продукции, с тех пор как бумажная мельница, которая работала на озере Юлемисте в 17 веке, уже не удовлетворяла требования города. Она производила только низкосортную бумагу, которая, вероятно, продавалась в сельской местности, и иногда вывозилась в Швецию.

Интересным и довольно распространенным предметом импорта были голландские изразцы разнообразной формы и дизайна. Они обычно использовались для покрытия стен и печей. Некоторые изразцы сохранились в Таллинне. В основном они из Дельфта, Хаарлема, Утрехта и Роттердама. Черепица также привозилась в Таллинн из-за границы, в частности - из Любека. Импортировались также вина и пиво.

В те времена среди жителей Таллинна большой популярностью пользовались также голландские глиняные трубки с длинным чубуком. Их часто находят во время археологических раскопок. Значение собственно таллиннского торгового флота постоянно уменьшалось. В прошлом, когда купцы были более предприимчивы и инициативны, корабли под таллиннским флагом часто можно было встретить в иностранных портах. К началу 18 века количество кораблей значительно уменьшилось, пока наконец район их перевозок ни ограничился исключительно Балтийским морем. Примером могут служить следующие цифры: в 1680 году граждане Таллинна владели примерно 30-ю торговыми судами, в 1696 г. – 21, а к концу Северной войны их количество сократилось до одного. Вероятно к концу 17 века даже у Нарвы было больше торговых кораблей, чем у Таллинна.

В своих коммерческих сделках Таллинн был очень зависим от своего экономического окружения. Зерно привозили в Таллинн из северной Эстонии, с острова Сааремаа и частично – из северной Ливонии, откуда оно экспортировалось затем в Финляндию, Швецию и страны Западной Европы. Особое значение для Таллинна имел финский рынок.

Жизненно важным источником дохода совершенно обоснованно считалась прямая торговля с крестьянами. Соответственно, городской магистрат и граждане Таллинна делали все возможное для того, чтобы поддерживать торговые отношения с крестьянами в как можно более обширном регионе.

Что касается общего количества жителей Таллинна, то для периода с 1561 по 1710 год точные данные отсутствуют. В начале Ливонской войны число жителей составляло примерно 8 000 человек, ко времени Северной войны общее население вместе со шведским гарнизоном насчитывало 12 000–15 000 человек.

Таллиннские купцы и ремесленники боялись конкуренции и не принимали новых граждан города. Однако городской магистрат считал, что новые граждане необходимы для дальнейшего развития города. Такого же мнения придерживались центральные власти Швеции, которые в середине

17 века предприняли ряд мер для того, чтобы облегчить появление новых граждан в Таллинне. В 1648 году губернатор Эрик Оксенстиерна прибыл в Таллинн для заключения договора по данной проблеме. Количество новых граждан Таллинна начало расти. В период с 1624 по 1710 год в среднем 20 человек в год становились гражданами Таллинна. Больше всего увеличивалось количество граждан в 1684 г. (52 приезжих), в 1661 г. (44) и в 1686 г. (40). Рост был самым слабым в 1666 г. (12), 1704 г. (14), 1708 г. (9). С начала 1710 года до перехода города под контроль России только 5 новых граждан появилось в Таллинне. Таким образом, можно утверждать, что число граждан росло в 80-е и 90-е годы 17 века и уменьшалось во время Северной войны. Главным фактором, который способствовал увеличению количества граждан, было повышение статуса поденщиков и продавцов, которые становились ремесленниками-мастерами или купцами. Кроме того, люди прибывали в Таллинн из других эстонских городов, а также из Финляндии, Швеции, Германии и Голландии.

Способствовали росту Таллинна не только купцы и ремесленники, но также простолюдины, в первую очередь обитатели пригородов. Большинство граждан составляли немцы и выходцы из Скандинавии. Что касается предместий Таллинна, то их население в основном росло за счет притока эстонцев из сельских районов. В те времена число постоянных жителей предместий еще не превышало количества граждан. В предместьях жили многие эстонцы, а также немалое количество финнов, шведов, немцев, голландцев (моряков), русских и даже небольшое количество евреев. В Таллинн бежало много неженатых мужчин из Финляндии, с Аландских островов и из северной Швеции, особенно в неурожайные годы. Шведские власти неоднократно выпускали указы (например в 1689 и 1693 гг.), запрещавшие такого рода незаконную эмиграцию под страхом суровых наказаний. Однако эти запреты не смогли остановить процесс эмиграции. Определить точное количество населения Таллинна в конце шведского правления невозможно. Собрать по крупицам сведения о размере эстонских городов, их населении и материальном состоянии можно из данных, каса-

ющихся чрезвычайных контрибуций, введенных по всей стране шведским королем Карлом XII в 1699 году. Хотя города восточной Прибалтики не платили их в полном объеме, да и не могли этого сделать, денежные суммы, которые выкачивались из них, базировались на очень точной информации об их богатстве. Так, генерал-губернаторы Лифляндии и Эстляндии наложили на города следующие контрибуции: 100 000 талеров - на Ригу, 10 000 – на Таллинн, 1 200 - на Пярну, 1 085 – на Тоомпеа и Тынисмяги, 1 000 – на Тарту, 500 – на Раквере (из которых в действительности было выплачено только 350), 339 – на Хаапсалу (выплачено 218), 315 – на Пайде, 100 – на Цесис, 58 – на Лихула и по 50 – на Вальмиеру, Валгу и Вильянди. Эти данные указывают на оценку правительством богатства каждого города в конце мирного периода.

В Таллинне, исключая Тоомпеа и предместья, в 1687 году было около 500 жилых домов, а в 1696 г. – около 450 домов. В то же время в предместьях было от 200 до 250 жилых домов. В 1711 году в Таллинне было 369 каменных зданий, 74 деревянных здания и 47 общественных зданий (церкви и т.д.), всего 490 зданий. Таким образом, Таллинн был относительно крупным городом восточной Балтики.

В 1688 году население Таллинна уже превысило 10 000 человек. Однако из за голода, войны и чумы только 30% от этого населения выжило к 1718 году. Прошло почти столетие, прежде чем город восстановил цифры 1688 года.

Согласно Хайнцу фон цур Мюлену, социальная пирамида населения Таллинна в 1688 году была следующая: 1) высший класс (члены магистрата, пасторы, преподаватели, доктора, юристы, литераторы, офицеры, купцы Большой гильдии) – приблизительно 1 800 человек; 2) средний класс (ремесленники гильдии св. Канута, некоторые городские служащие) – приблизительно 2 700 человек; 3) низший средний класс (ремесленники более простых профессий, которые не принадлежали к гильдии св.Канута – плотники, каменщики, кучеры, лодочники) – около 2 000 человек; 4) низший класс (остальное население) – около 3 500 человек.

В Таллинне родилось 67% купцов и 11% ремесленников (эти цифры примерно совпадают с данными по другим

балтийским городам). 12% купцов и 9% ремесленников приехало из Любека. Важно отметить, что из-за движения ремесленников между различными странами, 19% таллиннских ремесленников прибыло из Германии, Тюрингии, Силезии и Лаузица, 13% – из Финляндии, Швеции и Дании, 11% – из Пруссии и Бранденбурга.

Национальный состав в 1688 году был следующий: примерно 45–50% – немцы, 10–15 % – шведы и 40% – эстонцы. В "Каламая" (Рыбный район) жило примерно 300 финнов. В национальном составе населения Таллинна присходили важные изменения. В течение следующего столетия доля эстонцев уменьшилась из за цепей крепостничества, которые были очень сильны в деревне. Большинство лично свободных эстонцев стали таковыми в городе. Многие свободные эстонцы приезжали в город в качестве слуг феодалов. Но в Таллинне жили также крепостные. Большинство эстонцев, русских, а также финнов были заняты на малооплачиваемых работах. Из них состоял также маргинальный слой городского общества (палач, проститутки, нищие и т.п.). Эстонский приход церкви Святого Духа был самой большой в Таллинне после разрушения церкви Каарли (церкви св. Карла) в 1710 году. Финско-шведская конгрегация все еще находилась в церкви Михкли (св. Михаила).

В 1696 году в Таллинне и его предместьях жило около 11 000 человек (не считая Тоомпеа, Тынисмяги и шведского гарнизона). В то время общее число таллиннского населения могло достигать 15 000 человек. В рассматриваемый период ремесло в Таллинне интенсивно развивалось, о чем свидетельствует большое количество ремесленных гильдий. Возникновение многочисленных новых ремесленных гильдий не означает, что соответствующие ремесла не существовали в Таллинне ранее. Отдельные мастера различных ремесел активно работали в Таллинне и раньше. Например, в статуте токарей говорится: "В этих отдаленных странах их число возросло, так как многие обосновались здесь на постоянное жительство, а другие решили заниматься тем же делом". Основание новых ремесленных гильдий в основном мотивировалось увеличением числа мастеров-ремесленников, не входивших в гильдии, которых называли зайцами.

Как и ранее, многие эстонцы даже и теперь оставались членами ремесленных гильдий, принадлежавших к гильдии св.Олая. Но постепенно все более заметной становится тенденция к вытеснению эстонцев из наиболее выгодных ремесел. Предварительным условием для принадлежности к ремесленной гильдии для всех претендентов было объявлено "благородное происхождение", то есть они не могли быть эстонцами. Хотя это условие не всегда строго соблюдалось, было очевидно, что дискриминация эстонцев усиливается. Даже в ремесленных гильдиях, где преобладали эстонцы, находили поводы для использования немецкого языка.

Характерной чертой городов этого региона во второй половине 16 века было чувство сильного социального недовольства, направленного против могущества городского магистрата. Эта тенденция прежде всего затронула ремесленные гильдии. В Таллинне также проявилась социальная конкуренция между гражданами и простонародьем. Споры начались по поводу права варить пиво и перегонять спирт и продолжились по поводу права ремесленников заниматься торговлей и покупать товар с иностранных судов. Первоначально пивоварение было привилегией членов Большой гильдии, однако теперь ремесленные гильдии настаивали на этом праве, и не только для личного потребления, но и на продажу. Этот спор закончился победой ремесленных гильдий.

Аргументы противоборствующих сторон обсуждались в судах всех уровней, дело даже часто доходило до короля. Так, Густав II Адольф должен был принять окончательное решение по одному делу о защите чести, которое длилось четверть века, и в котором фигурировали старейшина гильдии св. Канута А.Липхард и две свиньи, которых он приобрел не самым законным путем. Из за внутреннего конфликта в 1675 году король объединил на время гильдию св.Олая с гильдией св.Канута, а в 1699 году объединил их окончательно. Растущее влияние ремесленных гильдий по сравнению с Большой гильдией шло параллельно с увеличением их важности в городском магистрате. Лучше всего это видно на примере городских финансов. В то время таллиннская торговля и промышленность были в большей или меньшей

степени подвержены всем колебаниям общей экономической ситуации. Здесь также дела хуже всего шли в первые десятилетия 17 века. Доходы города уменьшились почти во всех сферах, в то же время чрезвычайные налоги, введенные шведским правительством, привели к большому напряжению в муниципальной казне. В результате, для покрытия городских расходов приходилось неоднократно вводить дополнительные налоги на собственность (в 1610, 1614 и др. годах). Такая практика вызывала недовольство налогоплательщиков. Мельников и акцизных чиновников обвиняли в неспособности в достаточной степени контролировать поступления и даже подозревали в хищениях. Аналогичные обвинения выдвигались в отношении Палаты мер и весов. Все это не могло не способствовать возникновению недоверия между городским магистратом и гражданами (гильдиями), что стало очевидно уже в 1604 году, когда городской магистрат пришел к выводу о необходимости составить новые подробные инструкции, касающиеся казначейства. Уже в 1612 году в них были внесены дополнения, и их довольно свободная интерпретация также вновь вызвала противоречия и споры. Изменения были внесены также в управление "церковной кружкой". Возможность сказать свое слово в финансовых делах значительно усилила позиции гильдий.

Количество школ в Таллинне увеличилось в 1631 году за счет основанной Густавом Адольфом гимназии. По утверждению Вольдемара Миллера, планы открытия новой школы относятся еще к 1624 году, когда король своим указом передал имущество монастыря святого Михаила на поддержку школы. Однако разногласия между городом и рыцарством отложили открытие школы до 1631 года.

Новая школа относилась к типу так называемых академических грамматических школ, в которых основной упор делался на изучении древних языков и риторики. Школяров, которые были разделены на четыре возрастные группы, учили четыре профессора и два учителя. Число учеников достигало 70, в основном это были дети граждан города. В 1651 году рыцарство отказалось от своих привилегий в отношении школы, которой с тех пор совместно руководили государство и город. Значение Таллинской школы грамматики в куль-

турной истории Эстонии неоспоримо, хотя только немногие из ее учеников были эстонцами. Еще одним важным культурным фактором была типография при этой школе, где, в частности, печатались и книги на эстонском языке. Первая напечатанная в Таллинне книга вышла в свет в 1634 году. Первой книгой, напечатанной в Таллинне на эстонском языке, стала вышедшая в 1637 году вторая часть "Домовой книги" Хейнриха Сталя. Не позднее 1689 года появилась первая таллиннская газета – Revalsche Post-Zeitung.

Оборонительная система города претерпела в период шведского правления большие изменения. Вместо стен и башен стали использоваться земляные укрепления – валы, равелины, рвы, многие из которых сохранились до наших дней.

Что касается территории, то Таллинн расширился за счет улицы Уус (Новая), которая появилась в 1653 году. Город получил от королевы Кристины часть сенокоса, которая до сих пор носит прекрасное имя – "Крийстине хейнамаа" (луг Кристины).

ОТ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ДО СЕРЕДИНЫ 19 ВЕКА

В годы Северной войны экономика Таллинна почти полностью лежала в руинах, контрибуции разрушили финансы города, жестокость солдат причиняла большой вред населению. Город потерял значительную часть своего населения, хотя чумные эпидемии уносили больше жизней, чем война. Целые кварталы зданий в предместьях были снесены из за необходимости строительства укреплений. Многие дома были подожжены защитниками города, чтобы предотвратить их использование осаждающими в качестве укрытия.

После вхождения Таллинна в состав Российской Империи в 1710 году, залечивание всех этих ран заняло долгое время. Главное препятствие на пути к росту и развитию заключалось в путах феодальных отношений и в провинциальном консерватизме, характерном для правящих сословий, состоявших из балтийских немцев. Состояние транспортных путей в 18 и первой половине 19 века, в частности преобладание речных путей, способствовали стремительному развитию Санкт-Петербурга, и попытки Таллинна направить значительные объемы транзитной торговли России через свой порт не имели особого успеха.

Вхождение Эстонии и Ливонии в состав России было официально закреплено Ништадтским миром, подписанным 30 августа 1721 года.

29 сентября 1710 года новая политическая эра началась в истории Таллинна. Она продолжалась более полутора веков. Множество характерных особенностей, общих для целого периода до 1877 и, частично, даже до 1889 года, позволяют нам рассматривать этот период, как единое целое. Система сословий, взятая из средних веков и мало изменившаяся в течение шведского периода, просуществовала все эти годы, за исключением короткого периода наместничества с 1785 по 1796 год. Городское право, разработанное не

позднее 1870 года, было введено в 1877 году. Институт магистрата был окончательно отменен в 1889 году, что позволило перейти на новые принципы управления городом. В то же время система гильдий и внеэкономического принуждения продолжали существовать.

Петр Великий посещал Таллинн 11 раз. Еще одним примечательным политическим событием был визит в Таллинн в июле 1746 года императрицы Елизаветы, когда был заключен союзный договор между Россией и Австрией, тот самый договор, который позднее привел к началу Семилетней войны.

Предместья Таллинна, которые были практически полностью уничтожены во время Северной войны, начали отстраиваться и расширяться в 18 веке. Новое предместье, так называемая Слобода, появилось в Кадриорге. Она была населена в основном русскими, которые обслуживали дворец Кадриорг и парк.

Наиболее трудной задачей, которая встала перед городским магистратом с приходом более мирных времен было восстановление финансов города, которые из-за Северной войны находились в состоянии хаоса. С целью избежать полной деградации финансовой системы, город был вынужден занимать деньги у богатых граждан, церквей и богаделен. Теперь пришло время платить долги. Помня об этом и используя указ Петра Великого от 16 августа 1710 года, в 13 главе акта о капитуляции город выторговал для себя право получать плату в 0,5 риксдалера за каждый импортируемый ласт соли и экспортируемый ласт зерна, а также 1 рундштюк за каждый импортируемый фунт табака. Еще одна выгода города состояла в том, что согласно 9 статье акта о капитуляции, город больше не должен был платить государству 2 000 талеров в год (налог, введенный шведами в 1698 году на акцизные пошлины). Однако самым большим облегчением для Таллинна было то, что город был освобожден от оплаты строительства укреплений, которое в конце шведского периода поглощало огромные суммы денег и стало причиной возрастающих долгов города. Хотя официально ежегодная контрибуция в 1 316 рублей не была отменена до 1757 года, таллиннский магистрат сумел уклоняться от платежей уже

Литография Л.Х.Петерсена – вид на Тоомпеа в 1870 г. На месте нынешней улицы Кеваде (Весенняя) была построена новая насыпная дорога Ханса Хейнриха Фалька, огибающая холм, на пари с городским главой Александром Вольдемаром фон Сальтза, который, в качестве проигравшей стороны, должен был построить дорогу вниз от Кик-инде-Кёк до Харьюских ворот.

начиная с окончания Северной войны. В этом отношении особо важным было то, что уже в 1731 году, не платя никакой компенсации государству, город добился права использовать поступления из самого богатого источника доходов – портовых пошлин, для оплаты своих долгов и покрытия других расходов. Ранее эти деньги должны были использоваться на строительство укреплений. Теперь город был обязан представлять государству только ежегодный отчет об использовании портовых пошлин. В 1742 году Сенат предложил, чтобы портовые пошлины вместе с обязательствами по строительству укреплений были бы переданы государству, обосновав это тем, что если город имел 75 000 талеров долга в 1731 году, то его пришлось бы выплачивать долго, так как доход города от торговых пошлин оценивался в 100 000 рублей, и более 6 000 рублей ежегодно предполагалось получать от акцизных налогов, не считая более мелких поступлений. С этого времени от Таллинна стали требовать более детальных отчетов о доходах.

Несмотря на продолжающуюся депрессию, императорская

комиссия по реституции могла доложить, что в 1710–1725 гг. Таллинн выплатил долгов на сумму 41 919 талеров, годовые доходы 1725 года превосходили расходы на 2 225 талеров. В 1733 году город смог приобрести 2 новых владения – Нехату и Койтярве. Первое – за 300 талеров и серебряный кувшин весом 100 лотов (около 1 270 грамм), второе – за 1 000 рублей. В то время талер стоил 80 копеек. Последнее владение из за его богатых лесов имело особое значение для города: острова Найссаар и Аэгна, которые ранее снабжали город древесиной, в период шведского правления были отобраны и не возвращались городу, хотя в акте капитуляции это оговаривалось и город постоянно напоминал об этом.

Во второй половине 18 века баланс городских доходов и расходов ухудшился. Помимо ежегодного налога на укрепления (1 316 рублей) город обязан был оплачивать часть строительства крепости на Тоомпеа в 1767–1773 гг. Однако самые тяжелые последствия для городских финансов имел указ императрицы от 21 октября 1782 года, который фиксировал годовую долю Таллинна в получении портовых пошлин в размере 16 000 рублей, исходя из средней цифры за последнее десятилетие. Эффект от этого указа полностью проявился только в следующем столетии.

Среднегодовой бюджет муниципальной казны за 1783 год, выведенный городским бухгалтером Й. Рюдениусом на базе реальных доходов и расходов за предыдущее десятилетие, сохранился до наших дней. Общий оборот достигал 25 876 рублей с остатком в 4 537 рублей (18%). Городской магистрат обратился к генерал-губернатору за разрешением использовать остаток для поднятия жалований членам магистрата и муниципальным служащим, так как размеры жалований были зафиксированы давно и более не соответствовали стоимости жизни, которая за это время значительно возросла. Помимо остатка, в муниципальной казне был резервный капитал в размере 8 758 рублей и 13 244 рублей в форме векселей и других долговых обязательств. В целом это составляло 22 002 рубля, что для муниципальной казны было совсем неплохо. Вероятно, то же самое относится к "церковной кружке", из которой оплачивались расходы на

церкви, школы, богадельни, тюрьмы и т.д., и основными источниками доходов которой с давних времен были пожертвования и недвижимость, которая состояла из нескольких мыз.

В 1783 году львиная доля доходов – 16 000 рублей (61,9%) – поступала в качестве компенсации от государства за таможенные пошлины, в первую очередь из бюджета государственной казны за предыдущий год. Затем шли доходы от акцизных пошлин – 4 503 рубля (13,6%), затем – доходы с ренты от трех муниципальных мыз – Вяо, Хааберсти и Копли, в сумме 1 205 рублей (4,2%), "складские деньги" из порта (736 рублей, 2,8%), процент с резервного капитала (598 рублей, 2,3%) и наконец – налоги на недвижимость (576 рублей, 2,2%). Уход за общественными зданиями, набережными, дорогами и т.д., жалование гласным думы, различные экстраординарные выплаты – всего 7 340 рублей – составляли значительную часть (28,4%) городских расходов в 1783 году. Вторую наиболее крупную группу выплат составляла плата членам городского магистрата, секретарям и муниципальным служащим в сумме 5 296 рублей (20,5%). Если жалование муниципальных служащих, которое выплачивалось из городской казны (исключая Городскую компанию), прибавить к указанной выше сумме, расходы по этой статье в совокупности составят 7 093 рубля (27,4% расходов). Остаток в 4 537 рублей составил 17,5% бюджета, денежное довольствие городских артиллеристов и пехоты добавляет еще 1 485 рублей (5,7%), ежегодная контрибуция с города в размере 1 316 рублей на возведение укреплений составляла 5,1% расходов и т.д.

12 октября 1713 года по приказу Петра I Великого в Таллинне началось строительство новой морской базы.

Финансовая ситуация стабилизировалась в 18 веке благодаря возросшим доходам, в первую очередь – от таможенных пошлин, а также – из за освобождения города от обременительных обязанностей по строительству укреплений. Вот почему город мог устраивать большие празднества по случаю прибытия императрицы и некоторых других важных персон. Более того, так как расходы на содержание гарнизона, освещение и содержание в порядке улиц и т.п. тяжелым бременем легли на плечи граждан города, муниципальная

казна покрывала только незначительную часть расходов на содержание общественных зданий.

Как и прежде, городской магистрат являлся органом власти правящего высшего класса, хотя на протяжении 18 века интересы немецких купцов и ремесленников в чем-то совпадали. Их политика по отношению к простолюдинам была единой.

Резкое изменение в системе налогообложения произошло начиная с 3 мая 1783 года, когда в Прибалтике была введена подушная подать – 1 рубль 20 копеек с каждого гражданина-налогоплательщика. За сбор этих денег отвечал городской магистрат.

Большие изменения произошли в Таллинне из за введения системы наместничества. К 1785 году, согласно Жалованной грамоте городом, патрицианский городской магистрат был заменен думой из 6 членов, а ограничения на торговлю и ремесла были отменены. Однако, подстрекаемый знатью царь Павел I ликвидировал систему наместничества в 1796 году.

Что касается внешней политики, то внимания заслуживает война со Швецией в 1788–1790 годах. Швеция хотела извлечь выгоды из Русско-турецкой войны и вынудить Россию отказаться от Прибалтики. Дыхание войны чувствовались даже в Таллинне, где активно проводились работы по ремонту и усилению береговых укреплений.

Несмотря на формальное восстановление после ликвидации системы наместничества старого порядка, были произведены некоторые жизненно важные реформы. В начале 19 столетия жалобы со стороны гильдии Канута привели к отнятию у городского магистрата права руководить процессом размещения войск на постой. Это право было передано специальной комиссии по расквартированию. В 1828 году, по инициативе генерал-губернатора Филиппо Паулуччи, расходы по расквартировке были распределены по всей Эстляндской губернии.

Крестьянские волнения 1805 года отразились и на Таллинне. В Таллинне прошел суд над участниками бунта в Коозе–Ууэмыйза, и в феврале-марте 1806 года признанные виновными крестьяне были подвергнуты телесным наказаниям у Ратуши.

Континентальная блокада, к которой Россия была вынуждена присоединиться в 1807 году, оказала неблагоприятное воздействие на экономическую жизнь. В 1809 году в Таллинн прибыл английский флот, но крупных военных столкновений здесь не было.

Во время Крымской войны Таллинн понес некоторые потери из за блокады англо-французскими морскими силами (1854-1855 гг.). Морские коммуникации были перерезаны, а наиболее состоятельные жители города бежали в деревню. По приказу командующего местными силами, предместья Таллинна, выходящие к морю, были разрушены. Крестьянские волнения 1858 года также повлияли на повседневную жизнь Таллинна. 21 июля 1858 года 51 крестьянин из Курисоо и Ания, которые приехали в Таллинн жаловаться губернатору провинции на тяжелую жизнь, были прогнаны сквозь строй на Русском рынке Таллинна. Это несправедливое наказание вызвало большое недовольство среди горожан.

Примерно в то же время в Таллинне появляется группа интеллектуалов, пропагандирующая демократические идеи, критикующая феодальную систему и выступавшая защитником крестьян в судебных делах. К этой группе принадлежали Николаус Фридрих Руссов, Йоханн Якоб Нокс, Василий Благовещенский и др.

Наиболее широко распространенным религиозным движением в Эстонии в 18 веке были гернгутеры, которые из всех городов Эстляндии наибольшее влияние имели в Таллинне. Этому способствовал визит в Таллинн в 1736 году графа фон Цинцендорфа, основателя знаменитого поселения Моравских Братьев в Херрнхуте.

Что касается административного управления, то после ликвидации наместничества, городской магистрат вернул себе былую власть, которая была ограничена в конце шведского правления. Был восстановлен пост синдика, однако посты главного секретаря и бургомистра права были отменены. Как и прежде, власть в магистрате принадлежала немцам. В период перехода под правление России, и даже после этого, ведущую роль в муниципальных делах играл бывший старейшина Большой гильдии бургомистр Йоханн Лантинг, который развил бурную деятельность и имел тесные отношения

с представителями царской администрации. Городской закон 1785 года привел лишь к временной потере власти немецкими оптовыми торговцами. Сопротивление реакционного городского магистрата Таллинна было окончательно сломлено только в 1787 году, когда в силу вошел новый муниципальный закон. В начале того же года приступили к выполнению своих обязанностей новые административные органы – шестигласная дума и общая градская дума из 6 членов. Из 32 членов мандатного органа 25 представляли ремесленные гильдии, то есть по одному из каждой гильдии. Помимо указанных органов, были образованы несколько новых государственных институтов. В течение периода наместничества, помимо уже существовавших почтовых и таможенных учреждений, государственная административная система в городах Прибалтики включала в себя следующие институты: полиция, суды, налоговые учреждения и учреждения, связанные с социальной помощью. Это привело к административной унификации городов Эстляндии и их более жесткому подчинению диктатуре знати, которая распространялась на всю Россию.

Несмотря на это, по закону от 1785 года Таллинн впервые в своей истории приобрел своего рода самоуправление, которое было основано на выборном праве, хотя и значительно ограниченном имущественным и сословным цензами. В течение периода наместничества любой свободный человек, не взирая на национальность, мог стать гражданином города, если он отвечал некоторым необходимым условиям.

Для того времени новый муниципальный закон был весьма прогрессивен. Он помог сломать феодальные оковы и способствовал развитию капиталистических отношений в промышленности и торговле, помогая молодой буржуазии принимать более активное участие в городской жизни.

Власть городского магистрата была окончательно сломлена только в 1877 году, хотя и до этого она была значительно ограничена некоторыми правовыми актами. Например, полицейская администрация была возрождена в городах в 1805 году, в то время как при старой системе полицейскими делами занимался городской магистрат и подотчетный ему суд. Управление Таллинном страдало от разделения местной

власти. Городской магистрат управлял Нижним городом, предместьями и всеми землями, относящимися к муниципальному административному округу. Тоомпеа и его окрестности управлялись комендантом крепости. Кроме того, знать имела собственное самоуправление на Тоомпеа – рыцарство, под юрисдикцией которого находились все жители благородного происхождения.

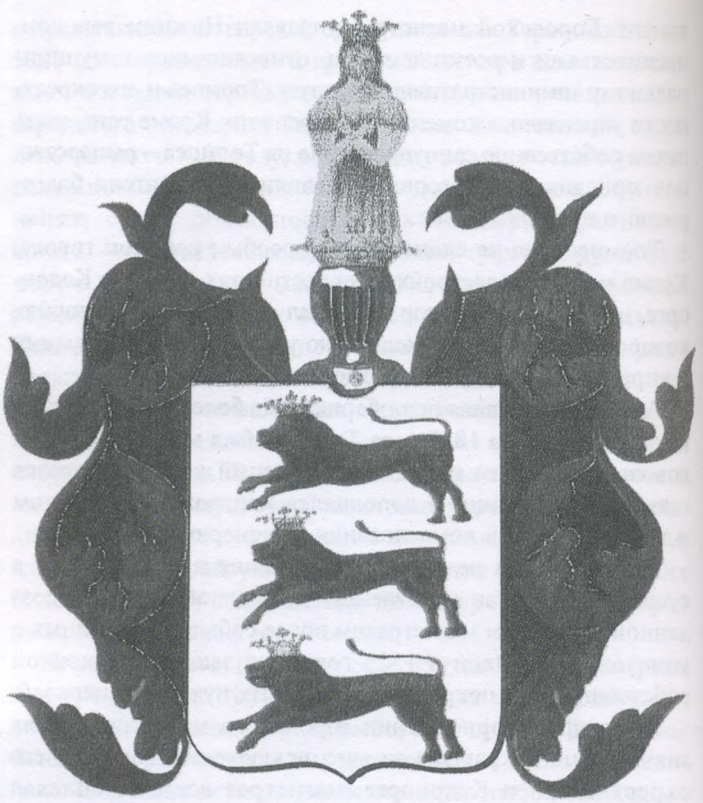
Тоомпеа был не единственным особым районом города. Купив места под застройку в окрестностях дворца в Кадриорге, императорский двор приобрел обширную территорию, которая отошла под юрисдикцию удельной администрации и управлялась смотрителем дворца или кастеляном.

Административная неразбериха еще более увеличивалась из-за того, что до 1857 года Таллинн был морской базой с довольно большим гарнизоном, который контролировался главнокомандующим и дополнялся контролем со стороны Адмиралтейства и командования инженерными войсками.

В финансовых делах децентрализация проявляла себя в существовании так называемой "церковной кружки", созданной городским магистратом после событий, связанных с уничтожением икон в 1525 году, для защиты церковной собственности и покрытия финансовых нужд всех церквей.

Хотя сфера юрисдикции городского магистрата была значительно сокращена за счет исключения Тоомпеа, его окрестностей и Кадриорга, магистрат все еще обладал значительной властью. В его ведениии находилась полиция, церкви, тюрьмы, налоговый комитет, пошлины с гавани и акцизы Нижнего города. В распоряжении магистрата были даже специальные городские военные части.

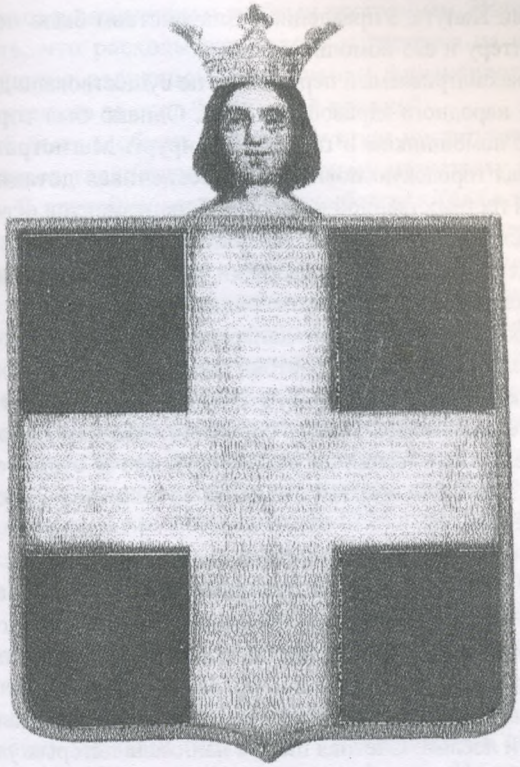
Отношения городского магистрата с портовыми и таможенными властями были довольно сложными. В прошлом город традиционно контролировал порт и его таможню через так называемую "палату фунта", часть доходов от которой передавалась сюзерену. В обмен город должен был обслуживать стены и бастионы порта. В 1742 году центральное правительство отстранило город от получения таможенных пошлин из порта, но, как и ранее, город был обязан сам содержать в хорошем состоянии его укрепления. Только начиная с 1782 года, 10% пошлин стали передаваться городу.



Большой герб Таллинна, 1841 г.

Еще одним яблоком раздора был акцизный налог, который собирался одновременно и муниципальной, и государственной комиссиями.

Внутреннее устройство городского самоуправления было уже примерно таким же, как и в последующие годы. Во главе городского магистрата стоял секретарь, который обычно исполнял также обязанности синдика. Его подчиненный, начальник канцелярии, был занят надзором за чиновниками. Вопросы экономики были доверены нотариусу, а письменная работа выполнялась писарем и его двумя помощниками.



Малый герб Таллинна, 1765 г.

Архивы находились в ведении архивиста и регистратора, городской бухгалтер делал выписки и готовил аудиторские отчеты. Кроме того, в штате был переводчик с русского языка, так как большинство дел в магистрате велись на немецком, и русский язык знали очень немногие. Весь штат, включая двух слуг, состоял из 12 человек. В то время в Таллинне не было отдельного финансового департамента. Все финасовые дела велись городским казначейством, которым руководили один бургомистр, два члена городского магистрата, два представителя Большой гильдии и три –

гильдии Канута. Управление казначейством было поручено бухгалтеру и его помощнику.

В рассматриваемый период еще не существовало департамента народного здравоохранения. Однако был городской врач с помощником и городской хирург. Магистрат также нанимал городскую повитуху и обеспечивал дотацию в 30 рублей государственной повитухе. Департаментов освещения и водоснабжения тоже еще не существовало. Нанимались 10 ночных сторожей для поддержки порядка по ночам, обеспечения освещения и предотвращения пожаров.

Функции строительного департамента выполнял совет по строительству, который состоял из двух членов и секретаря городского магистрата. Его главная задача состояла в разрешении споров между соседями. Мастер городского строительства отвечал за реконструкцию и строительство новых зданий, а карты и планы готовились городским землемером.

Два члена городской счетной палаты занимались управлением муниципальными зданиями и собирали арендную плату с магазинов и доходных домов. Счетной палате было также поручено наблюдение за городскими мельницами и водопроводом, за комитетом по весам и мерам, за сортировочными рыбным и льняным дворами, за муниципальными мызами и лесами. Счетная палата нанимала пятерых уличных фискалов, которые ходили по улицам, контролировали вес гирь и размеры и уплату ренты.

Городской лесник жил в Копли, смотрители вод – на озере Юлемисте и около ворот Карья, еще четверо сторожей наблюдали за парками. В 40-х годах 19 века город уже нанимал садовника. Рыночный надсмотрщик, которому помогали несколько дворников, был обязан поддерживать порядок на рынке. Ратуша охранялась хранителем ключей, который вместе с четырьмя слугами квартировал в маленьком домике, примыкающем к Ратуше.

Предшественником современного департамента образования можно считать школьный комитет, который состоял из одного члена магистрата, одного представителя церкви, старейшин Большой гильдии и гильдии Канута и двух школьных учителей. Комитет отвечал за все, что относилось

к классным помещениям и учебным программам. Интересно отметить, что расходы городского магистрата на нужды просвещения равнялись нулю, школы финансировались исключительно за счет "церковной кружки".

Такой была в общих чертах структура институтов, подчинявшихся таллиннскому городскому магистрату в этот период. В первой половине 19 века бюджет Таллинна был относительно скромным, что также подтверждается тем, что в городе не присходило особенных социально-экономических изменений. В то время, когда капиталистические отношения уже достаточно явно себя проявили, существовавшая в Таллинне средневековая административная система была достаточно устаревшей и препятствовала более быстрому развитию урбанистического общества. После присоединения территории Эстляндии к России в ней все еще оставалась в силе средневековая система гильдий со всеми ее правилами и привилегиями. В 1724 году контрольная комиссия из Петербурга подтвердила 7 привилегий гильдии Канута, гарантировав гильдиям право участвовать в управлении городом и запретив импорт тех промышленных и мануфактурных товаров, которые производились местными ремесленниками.

Ремесленные гильдии, входившие в гильдию Канута, назывались "малыми гильдиями". Их членами в основном были не немцы, а эстонцы, русские и финны. Их профессии требовали больших физических усилий и считались более грязной работой. Люди, которые нанимались малыми гильдиями, принадлежали к низшим социальным группам населения, не имевшим никаких прав.

К середине 18 века в Таллинне существовавало 28 ремесленных гильдий, почти все из них были основаны еще в средние века. Из более новых ремесленных гильдий можно отметить гильдии переплетчиков, изготовителей париков и кондитеров. Ремесленные гильдии в основном обслуживали местное население, лишь кожаные изделия и небольшие партии тканей отправлялись на внешние рынки.

Существовал ряд профессий, не охваченных ремесленными гильдиями, которые в отношении организации и внутреннего распорядка менее жестко регулировались. Их

деятельность проходила на основе обычного права и контролировалась городским магистратом. Немедленно вслед за введением в прибалтийских провинциях новых российских правил о ремесле в 1785 году, система ремесленных гильдий и привилегированное положение немецких мастеров гильдий в основных сферах ремесленного производства были отменены и в Таллинне. В дальнейшем каждый ремесленник имел право заниматься своим ремеслом, хотя у мастеров гильдий оставались привилегии при найме учеников и подмастерьев.

Летом 1718 года в Таллинне было 152 мастера-ремесленника, 100 подмастерьев и 63 ученика. К 90-м годам 18 века количество мастеров ремесленных гильдий в Нижнем городе выросло до 218-ти. Вкупе с 237 подмастерьями и всего 146 учениками число ремесленников, работавших в ремесленных гильдиях, составило 601. В количественном отношении список возглавляли мясники: 15 мастеров, 23 подмастерья и 24 ученика. Затем следовали портные – 12 мастеров, 23 подмастерья и 14 учеников. Что же касается профессионального мастерства, то снискали себе известность шорники, каретники, сапожники и портные.

Ремесленная гильдия Тоомпеа объединяла 55 мастеров 9-ти профессий. Количественно на первом месте были портные (13 мастеров), однако гораздо большей известностью пользовались оружейники. Нет данных о том, состояли ли таллиннские ремесленники в ремесленных гильдиях других городов. Мастера ремесленных гильдий немецкого происхождения надеялись на восстановление старого порядка. В определенной степени их надежды сбылись в 1796 году, когда гильдии Канута и ремесленным гильдиям были возвращены их старые привилегии. Но времена изменились, и больше не было возможности восстановить старую систему в полном объеме. Александр I, вступивший на трон в 1801 году, старался принимать во внимание сложившуюся ситуацию. Ремесленные гильдии сохранили свою систему приема, но, согласно уложению 1803 года, ремесленникам, которые не принадлежали ни к одной из ремесленных гильдий и не получали дополнительных доходов от наемной работы, было официально разрешено заниматься своим ремеслом. В 1863 году в Нижнем городе все еще было только 258 мастеров ремесленных гильдий, в то время как количество подмастерьев возросло до 306, а учеников – до 270, дав общую цифру 834 (по сравнению с 1006 в 1819 году).

Некоторые мастера-ремесленники превратились в предпринимателей-капиталистов. Одним из наиболее известных в Нижнем городе был шляпник Кристиан Ротерманн, который позднее стал знаменитым промышленником. Еще одним был столяр Ханс Фальк, впоследствии – старейшина Домской гильдии.

Отмена в 1866 году привилегий ремесленных гильдий

Красивейшее в Эстонии здание в стиле барокко, дворец в Кадриорге, возведено по приказу Петра I в 1718 году между Ласнамяэ и морем в качестве летней резиденции царской семьи. Дворец, вместе с окружающим его парком, получил название Кадриорг в честь супруги царя, Екатерины (нем. Katharinental, рус. Екатериналь). В первоначальном виде дворец и парк спроектировал в том же году итальянский архитектор Н.Мичетти. Строительством руководили А. Алимари, Г. Чиавери, Й. Каспари и М. Земцов. Дворец был в распоряжении губернатора Эстонии, позже – президента Эстонской Республики, и с 1946 года – Эстонского Художественного музея.

означала окончательную победу капиталистической системы товарного производства над старой феодальной системой ремесленных гильдий.

Первым большим промышленным предприятием, основанным в Таллинне, были мастерские Адмиралтейства, построенные по приказу Петра I, как часть новой морской базы (в настоящее время – торговый порт). Эти мастерские, которые в основном были закончены в 1732 году, давали работу около 250 работникам. Другими государственными предприятиями в Таллинне были канатная мануфактура и некоторые предприятия, связанные с армейскими поставками. Начиная с 1713 года государство использовало бывшую муниципальную печь для обжига кирпича в Копли, позднее собственная государственная печь была построена для Адмиралтейства в Каламая. Лесопилка Адмиралтейства была построена в 1716 году на старой мельнице Тийги на реке Хярьяпеа (напротив гостиницы "Олимпия").

В начале 19 столетия возросшая активность, которая была заметна в промышленном развитии Таллинна в последней четверти 18 века, была замедлена континентальной блокадой.

Выпущенный правительством в 1810 году манифест, призванный оживить промышленность, парализованную блокадой, несколько оживил экономическую жизнь Таллинна. В этих благоприятных условиях купец Й. Г. Клементс основал рафинадный сахарный завод на Пиритаской дороге в Марьямяги.

Во второй четверти 19 века промышленное развитие Таллинна оставалось достаточно стабильным, если не считать деятельности энергичного книготорговца Георга Эггерса. В 1833 году он купил недавно закрытую фабрику по производству ситца на дороге Кадака. Так как для такого рода бизнеса в Таллинне не было особых перспектив, Эггерс решил основать на ее базе другие, более выгодные производства. Одним из таких предприятий стала спичечная фабрика. Эггерс стал также инициатором производства в Таллинне химических товаров. В 1830 году он начал производить свинцовый ацетат, уксус и несколько видов красителей, которые шли на продажу в основном в Москву и Санкт-Петербург.

Строительство бумажной мельницы на Юлемисте привело к основанию в 1828 году, в непосредственной близости от нее, первого в Таллинне машиностроительного завода.

Тем не менее, в 18 и первой половине 19 века в Таллинне наблюдался достаточно скромный прогресс в индустриальном развитии. Это в основном объясняется неблагоприятной ситуацией во внешней торговле и недостатком подходящих коммуникаций для связи с внутренними районами России. Для улучшения ситуации на заседаниях городского магистрата в 18 веке даже обсуждались предложения прокопать канал от Таллинна к Чудскому озеру. Несмотря на все это, таллиннская промышленность отличалась с самого начала своим разнообразным характером.

После присоединения Эстонии к России остались в силе относительно большие привилегии, которых Таллинн добился на протяжении веков. Только члены гильдий имели право заниматься торговлей, и только малая часть жителей города принадлежала к гильдиям. Согласно стандартам коммерческого права, действовавшим в Таллинне в то время, существовали различия между торговлей, которой занимались, соответственно, купцы, ремесленники и деревенский люд.

Только членам Большой гильдии было дано право заниматься купеческой торговлей, устанавливать связи с отдаленными районами (как правило – зарубежнымми странами), и право заниматься как розничной, так и оптовой торговлей. Сфера деятельности членов Большой гильдии регулировалась правилами, разработанными как городским магистратом, так и самой гильдией, и основывалась на том принципе, что каждый член гильдии имел право на доход, достойный его положения. В силу этого, купец гильдии, как правило, мог заниматься только одним определенным видом торговли. Те, кто занимался торговлей с другими странами и оптовой торговлей, обычно считались купцами-оптовиками, те, кто занимался розничной торговлей, – владельцами магазинов.

Самыми известными немецкими купеческими фамилиями в Таллинне были: Оом, Клайхиллс, Бланкенхаген, Тирен и др.

Ремесленники могли торговать только на дому. Помимо общепринятых законов и правил, торговля на дому регу-

лировалась также инструкциями, составленными самими организациями ремесленников. Коммерческая деятельность членов ремесленных гильдий сводилась к продаже своей продукции и оптовой закупке необходимого сырья.

Что касается внутренней торговли, то она определялась правом крестьян и феодалов продавать свою сельхозпродукцию. В принципе, крестьяне могли продавать свои товары только в розницу на рынках и ярмарках, но им было также разрешено заниматься некоторыми видами оптовой торговли, продавая сельхозпродукты (зерно, лен, скот) купцам и ремесленникам. Согласно рыночным порядкам, действовавшим в Таллинне, рынок был единственным местом, где крестьяне могли свободно торговать с горожанами.

В 1770 году в Таллинне было зарегистрировано 68 русских купцов, которые делились на три группы. К первой группе принадлежали владельцы магазинов, расположенных внутри городских стен, имевшие право заниматься торговлей тканями. Вторую группу составляли рыночные торговцы, которые в основном продавали кожаные изделия и свечи на российский рынок. Третья группа включала в себя бакалейщиков предместий, которые продавали продукты питания и потребительские товары для каждодневных нужд. Помимо владельцев магазинов, в Таллинне в то время работали 15 русских ремесленников (4 мясника, 3 пекаря, 4 огородника), которые также активно занимались торговлей.

На развитие торговли оказало позитивное влияние объединение прибалтийских провинций с Россией в единую таможенную зону в 1782 году, в результате чего были отменены внутренние и местные пошлины. Импорт российских товаров в Эстонию возрос и даже процветающие немецкие купцы Таллинна начали торговать российскими промышленными товарами и мукой. На деревенских ярмарках расширили свою деятельность лоточники.

Окончательный удар по торговым привилегиям таллиннских купцов-оптовиков был нанесен Торговым Актом 1824 года, который разрешил любому заниматься предпринимательством. Развитие торговых и финансовых связей принесло с собой также изменения национального и социального порядка. Относительное значение немецких купцов

начинает значительно уменьшаться. В то время как число русских и эстонцев, занятых коммерцией, увеличивается.

Что касается участия в российской внешней торговле в первой половине 18 века, то Таллинн остается на втором плане. Его обогнала даже Нарва, не говоря уже о Пярну. В начале 18 века значительно меньшее количество кораблей выходило из Таллинна, чем входило в его гавань. Это объясняется недостатком в Таллинне товаров, подходящих для экспорта, что заставляло почти половину прибывающих сюда кораблей отплывать с пустыми руками и плыть дальше в Петербург, Нарву или какой-нибудь другой порт в поисках груза. Однако в конце 18 и в 19 веке ситуация изменилась на обратную. В первой половине 18 века Таллинн становится посредником между Востоком и Западом и, за исключением нескольких отрезков времени, остается таковым до Первой мировой войны. Основная часть импортируемых товаров состояла из предметов потребления для местных селян (железо, соль, сельдь, табак). По данным Саукса, эти наименования составляли до 60% всего объема импортируемых товаров, одна только соль составляла до 25%. В 18 веке соль импортировалась в объеме от 180 000 до 250 000 пудов ежегодно, а в первой половине 19 века даже немного больше.

Вслед за зерном, основными статьями экспорта были спирт из поместий, парусина, лен и русское полотно. В 18 веке объем льна, экспортируемый из Таллинна был относительно мал. Кроме того, он не произростал в Эстляндии, а привозился через Тарту из Пскова, Латвии и других мест. Во второй четверти 19 века экспорт льна значительно возрос (с 10 000 до 20 000 фунтов ежегодно).

Основная причина упадка таллиннской экспортной торговли была географическая, а именно – отсутствие подходящих водных коммуникаций с внутренними районами России (железных дорог тогда еще не было). Отсутствие водных путей вглубь страны было главной причиной, почему Рига опередила Таллинн. Но после открытия в 1870 году железнодорожного сообщения с Санкт-Петербургом ситуация резко изменилась, и экспортная торговля Таллинна возросла десятикратно.

В ноябре 1708 года в Таллинне был 9 801 гражданский

житель: 5 122 – в пределах городских стен и 4 679 – за их пределами. Однако, согласно регистрам, датированным примерно 1710 годом (за исключением Тоомпеа и его предместья Тынисмяги), только одна эпидемия чумы унесла 5 687 человек, сократив количество жителей до 1 962, из которых 975 принадлежали к низшим слоям. Число последних составляло 566 взрослых и 409 детей.

После того, как эпидемия утихла, начало расти количество свадеб. В период с 24 октября 1710 года по 10 февраля 1711 года в церквях Нижнего города сочетались браком 162 пары, более 60 из которых относились к эстонским конгрегациям. Очевидно, резкое увеличение числа свадеб объяснялось крупными наследствами, оставшимися после чумы. Приток новых граждан также помогал восстановить число горожан. Согласно регистру граждан, население Таллинна увеличилось в 1711 году за счет 50 приезжих, а к лету 1718 года в городе уже проживало около 4 000 человек. Увеличение уровня рождаемости также помогало компенсировать потери населения в прошлом. В 1754 году Таллинн имел население 6 521 человек, в 1763 году население уменьшилось до 5 638, а в 1772 году в городе проживало только 5 569 человек. Десятью годами позднее население возросло до более чем 10 000 жителей.

В начале этого столетия уровень рождаемости был довольно высок (585 новорожденных в 1700 году). Самое большое количество новорожденных было зарегистрировано в церкви Святого Духа, большая часть прихожан которой были эстонцами. Следующими по порядку убывания следовали шведская церковь св.Михаила, в которую ходили шведы и финны, немецкие церкви св.Николая и св.Олая (среди прихожан последней были также эстонцы) и исключительно немецкая Домская церковь. В уровне рождаемости различных национальных групп были видны определенные различия. Катастрофический спад рождаемости наблюдался в 1710 году в результате эпидемии чумы. После Северной войны уровень рождаемости начал опять медленно подниматься. Хотя в 40-х годах 18 века в Таллинне ежегодно регистрировалось около 400 новорожденных, а к концу столетия эта цифра составляла около 500, данные, относящиеся к началу этого

столетия оставались недоступными – об этом позаботилась ужасная эпидемия. Единственным приходом, в котором уровень рождаемости в конце столетия был выше, чем в начале, был приход эстонской церкви Святого Духа. Во всех немецких и шведско-финских приходах эти цифры были ниже. До великой чумы 1710 года уровень смертности среди населения Таллинна был относительно стабильным. Количество людей, умерших от чумы, было очень большим. Когда эпидемия окончилась, цифры смертности, естественно, начали уменьшаться – ужасный жнец уже собрал свой урожай. После окончания в 1721 году Северной войны, население Таллинна стало медленно расти, но то же самое наблюдается и с уровнем смертности. В целом уровень смертности был очень нестабилен и относительно высок. Антисанитарные жизненные условия становились дополнительной причиной смертности, особенно среди детей. Относительно высокий уровень рождаемости составлял контраст еще более высокому уровню смертности (прежде всего среди детей), так что годовой прирост был зачастую негативным.

Уровень смертности населения Таллинна начал уменьшаться на рубеже 18 и 19 веков, когда Рига и Таллинн стали первыми городами царской России, где в марте 1800 года начали применять метод вакцинации против оспы, открытый Эдвардом Дженнером.

К концу 18 века население Таллинна еще не достигло уровня 1710 года. Согласно книгам регистрации граждан, городской магистрат в 1710–1786 годах принял 1 194 новых гражданина (ежегодно в среднем – 15,7). 518 из них (43,4%) прибыли из Эстонии, 676 (56,6%) – из соседних стран (24 – из Латвии , 33 – из Финляндии, 41 – из Швеции, 490 – из Германии, 10 – из России). Наиболее значительными районами за пределами страны, откуда люди мигрировали в Таллинн, были бывшие ганзейские города Данциг и Любек. Приезжих из Швеции, Финляндии и России было значительно меньше. В целом доля приезжих из-за границы была довольно значительной, в то же время роль местных районов за пределами города в формировании корпуса граждан Таллинна была значительно скромнее. То же самое

касается и русских, так как большая часть демографического избытка северо-западной России поглощалась новой столицей – Санкт-Петербургом.

Существенные изменения произошли в национальном составе населения Таллинна. Доля эстонцев была довольно маленькой из за все еще существовавших сильных пут крепостничества. Как правило, Таллинн принимал только свободных эстонцев, и многие из них приезжали сюда как слуги феодалов. Но были также и некоторые крепостные, которые жили в городе. Как и ранее, эстонцам приходилось заниматься самой грязной работой, они были неквалифицированными наемными рабочими, извозчиками, лодочниками, рыбаками, плотниками, скорняками, каменщиками и сторожами. После разрушения в 1710 году старой церкви св.Карла, эстонский приход церкви Святого Духа был самым большим в Таллинне.

В те времена в Таллинне жило много русских, особенно в предместьях: в районе порта около церкви св.Симона, вдоль Компасной улицы (Новая Слобода) и в окрестностях Казанской церкви.

Преобладание немцев, которые продолжали населять Тоомпеа и Нижний город, оставалось заметным, как и ранее. Большинство финнов и шведов принадлежало к простому люду. В Таллинне также жило небольшое количество поляков, татар, евреев и цыган.

Общий рост населения Таллинна продолжался также в конце 18 и всю первую половину 19 века. За исключением определенных колебаний, население выросло примерно на 94% в период с 1782 по 1858 год, превосходя общий рост населения в провинции Эстляндия, который составлял 40%. В течение этого периода население Таллинна возросло с 10 653 до 20 680 человек.

Репродукция населения прежде всего зависит от экономических, санитарных и социально-политических условий. В первой половине 19 века, когда уровень рождаемости в других городах Эстонии был еще чрезвычайно высок, в Таллинне уже были видны признаки его упадка – с 52,5 промилле в 1834 году до 41,5 промилле в 1858 году. Пятью годами позднее этот индекс составлял только 28,8 промилле.

Количество бракосочетаний в 1795-1846 годах сильно колебалось, однако с 1838 года это количество в целом возрастало, за исключением небольших рецидивов падения. Рост количества бракосочетаний имеет прямую позитивную связь с увеличением населения. В 1831 и 1848 годах, когда в городе свирепствовали эпидемии холеры, количество свадеб не уменьшалось.

Эпидемия холеры 1831 года оказала гораздо большее влияние на уровень рождаемости, чем на количество бракосочетаний. Из-за эпидемии на следующий год наблюдалось значительное падение рождаемости. Такое же падение в 1849 году было менее значительным. Как правило, динамика бракосочетаний и рождений в Таллинне не совпадает с общими для Эстляндской губернии индексами. Резкое падение рождаемости в Таллинне в 1854–1855 годах было обусловлено Крымской войной. Во второй половине 50-х годов наблюдается временный подъем уровня рождаемости, который носит компенсационный характер.

В мирное время уровень смертности, существенный компонент роста населения, в основном зависит от благосостояния и санитарных условий, в которых живут люди. Чем более бедны люди, и чем в более антисанитарных условиях они живут, тем выше уровень смертности. В рассматриваемый период низшие слои жили в очень трудных условиях и уровень смертности как детей, так и взрослых, был очень высок. В 1860 году в Таллинне умерло 1 022 человека, 349 из них (34,14%) – дети до 5-ти лет.

Эпидемии, особенно холерные, которые свирепствовали в Таллинне в 1831 и 1848 годах, унесли много жизней. По сведениям Хейно Густавсона, в 1831 году даже возникла необходимость создать два временных холерных лазарета – один на Ласнамяги, а другой в границах города. 25 июля 1831 года эпидемия разразилась в предместьях и вызвала большую панику среди жителей. Она продолжалась до 5 сентября. За этот период в Таллинне заболело 500 человек, 305 из них умерло. Из 263 пациентов, которых лечили в военных госпиталях, умерло 160. Следовательно, эпидемия холеры 1831 года в Таллинне стала причиной смерти 485 человек (в Риге умерло 1 913). Необычайно свирепая эпидемия

дизентерии разразилась в Таллинне в 1837 году. Неизбежный спутник нищеты, туберкулез, также был причиной многих смертей.

Если бы количество жителей Таллинна в первой половине 19 века было основано исключительно на естественном приросте, то население бы убывало от года к году. Рост населения Таллинна в основном обеспечивался механическим приростом.

Перспективы увеличения населения Таллинна в первой половине 19 века были не очень большими. Окрестные сельские районы были бедны и не имели особых ресурсов, если говорить об экономическом развитии города. Функционально таллиннская экономика не могла обеспечить занятость для большого количества людей, доступных новых рабочих мест было очень немного. Промышленность и транспорт развивались медленно, и большинство приезжих из деревни вынуждены были искать работу в сфере ремесла или обслуживания. В действительности многие люди, поселившиеся в Таллинне, не жили здесь постоянно, а часто выезжали в более крупные города, в частности – в Санкт-Петербург.

Состав налогоплательщиков в Таллинне по-видимому увеличивался в основном за счет крестьян, приезжавших из эстляндской провинции. Хотя крепостничество было отменено в Эстляндской губернии крестьянским законом в 1816 году, а в Лифляндской губернии – законом 1819 года, крестьяне еще не пользовались полной свободой передвижения. В 1835 году среди таллиннских налогоплательщиков было зарегистрировано 207 новых (91 мужчина и 116 женщин), из которых 114 были лично свободными. Шестью годами позднее, число прибывших поднялось до 116, 55 из которых приехали из Эстляндской губернии – для того времени значительная цифра. В начале 30-х годов 19 века уровень смертности в городах был высоким и постоянно требовались новые рабочие руки. Похожее явление в то время наблюдается и в Хельсинки. Насколько мы знаем, сообщество налогоплательщиков в Таллинне увеличилось в 1857 году только на 76 человек, а в 1864 г. – на 107, из которых соответственно 50 и 77 были крестьяне, выходцы

К.Буддеус. Сахарный завод (пастель). В 17 веке здесь было известное летнее имение олдермана Кристиана фон Герденила, купленное в 1811 г. таллиннским купцом Клементсом, который потом построил здесь первый сахарный завод. Фото – Аво Силласоо.

из Эстляндской губернии. Иммигрантами были в основном женщины, что еще больше усилило феминизацию структуры населения Таллинна. Этому способствовал также рекрутский набор: например, в 1812-1815 годах в Таллинне был взят в рекруты 71 человек.

В рассматриваемый период иммиграция в Таллинн носила в основном вынужденный характер. Ареал демографической урбанизации ограничивался Эстляндской губернией, хотя встречались и приезжие из более отдаленных мест.

В 18 веке немцы составляли самую большую группу населения Таллинна. В 1820 году они составляли 42,9% (5 540 человек) населения. Немцы были также самой процветающей группой городской общины, включая знать, большинство граждан и мастеров-ремесленников. В основном, они занимались торговлей и ремеслом, но большинство городских и государственных служащих также выходили из их рядов.

В численном отношении второе место принадлежало эстонцам, которые составляли рабочий люд Таллинна 4 486 человек (34,8%). Большинство из них работали в качестве домашних слуг (особенно женщины), и покупались или брались в аренду феодалами.

Русские, которые в основном занимались торговлей, составляли 17,9% городского населения (2 304 человека). Некоторые из них работали на мануфактурах.

Одновременно с другими структуными изменениями происходили сдвиги в социальном составе населения Таллинна. Начинают формироваться основные классы капиталистического общества: буржуазия, рабочий класс и мелкобуржуазные средние слои.

В 1796 году в Нижнем городе жило 6 588 человек: 685 крепостных (10,4%), 1 840 свободных простолюдинов (27,4%), 1 515 граждан (23%), 875 оптовых торговцев (13,3%) и 1 673 человека, освобожденных от податей (25,4%). Следовательно, жившие в Нижнем городе простолюдины (крепостные и лично свободные), которые в дальнейшем оформились в рабочий класс, составляли 38%. Граждане, купцы и люди, освобожденные от податей, позднее оформились в буржуазию, хотя некоторые из них, естественно, оказались в мелкобуржуазных средних слоях.

Процент оптовых торговцев в данный период оставался почти неизменным, колеблясь между 3,1% в первой четверти 19 века и 4% во второй четверти того же века. К 40-м – 50-м годам 19 века социальный состав городского населения Эстонии претерпел значительные изменения.

Условно можно говорить о том, что знать, священнослужители, почетные граждане (промышленники, оптовые торговцы и муниципальные служащие, которые были освобождены от налогов), а также богатые купцы, составлявшие около 20% населения Таллинна, сформировали основу развивающегося верхнего слоя буржуазии. Однако нельзя забывать, что значительная часть этой группы опустилась в ряды мелкой буржуазии. Около 50% населения составляли мещане и ремесленники. Эту группу людей нельзя полностью идентифицировать ни с верхними слоями буржуазии, ни с мелкой буржуазией, хотя, по нашему мнению, большинство из них позднее оказалось в составе мелкобуржуазных средних слоев. Процент крестьян и прочих категорий населения составлял около 27%. Очевидно, эта группа служила одним из основных источников формирования рабочего класса. В первой половине 19 века, когда капитализм еще находился на стадии медленного развития, решительных изменений в социальном составе городского населения еще не наблюдалось. Перелом был впереди.

Генезис верхних слоев буржуазии Таллинна начался в среде оптовых торговцев, мастеров-ремесленников и знати. Уже в первой половине 19 века граждане феодального города начали превращаться в буржуазию капиталистической городской общины. Формирование таллиннской буржуазии происходило двумя путями: оптовый торговец добивался прямого контроля над производством (типичный пример – Георг Арнольд Эггерс), или феодальный ремесленник превращался во владельца капиталистической фабрики (Ханс Хейнрих Фальк).

По своей внутренней структуре буржуазия была неоднородна, но ее объединяли общие классовые интересы. В отношении эволюции эстонской городской буржуазии нужно иметь в виду два нюанса. Во-первых, период первоначального накопления в Эстонии по сравнению с Западной Европой был очень коротким и охватывал в основном первую половину 19 века. Во-вторых, необходимо учитывать сильное влияние, оказываемое феодальной системой.

Согласно весьма приблизительным данным, число рабочих в Таллинне составляло около 40-50% населения города, причем доля фабричных рабочих была еще очень небольшой (500 человек в 1871 году). Развитие капиталистической промышленности задерживалось той формой административного управления, которая существовала в Прибалтике, и последствиями крепостничества. Капиталистическая индустриализация стала развиваться быстрыми темпами в Таллинне только после открытия в 1870 году Балтийской железной дороги (Палдиски – Таллинн – Санкт-Петербург). Основным источником формирования рабочего класса Таллинна была иммиграция. Пролетариат в промышленности формировался не только за счет эстонцев, но и за счет русских и представителей других национальностей.

Согласно Акту капитуляции 29 сентября 1710 года, Таллинну было возвращено право собственности на муниципальные территории, конфискованные в свое время шведскими властями.

После заключения Ништадтского мирного договора, городской магистрат Таллинна передал 23 сентября 1721 года командующему гарнизоном Таллинна генерал-майору В. Делдену прошение о возвращениии городу островов Пальяссаар, Аэгна и Найссаар. Однако комиссия по реституции, работавшая с 1725 по 1728 год решила вернуть только Пальяссаар, а просьбы относительно двух других островов были отклонены. Это решение было подтверждено указом Сената от 15 октября 1742 года, и, начиная с этой даты, Найссаар и Аэгна более не находились под юрисдикцией Таллинна в качестве общинной земли.

Муниципальный бюджет был расстроен Северной войной. Городской магистрат пытался исправить ситуацию, беря в долг у наиболее богатых граждан и у церквей. Экономическое положение города значительно облегчалось тем, что больше не нужно было возводить укрепления – обязанность, которая в конце шведского периода легла тяжелым бременем на горожан. В 1731 году Таллинну было разрешено использовать деньги, полученные от портовых налогов для выплаты городских долгов. В 1710–1725 годах Таллинн выплатил долгов на сумму около 42 000 талеров. В 1725 году город уже мог составить позитивный баланс (плюс 2 200 талеров), и была куплена земельная собственность в Нехату и Койтярве. Но во второй половине 18 века финансовая ситуация вновь стала ухудшаться, так как в 1782 году центральное правительство России ограничило ежегодную городскую долю от портовых налогов 16 000 рублями. Несмотря на это, общая финансовая ситуация оставалась удовлетворительной.

В бюджете 1849 года на первом месте среди статей расходов стояла сумма 18 500 рублей на оплату городских чиновников. Большие суммы тратились также на содержание судов.

В городской администрации самое высокое жалование получал бургомистр юстиции – 600 рублей ежегодно плюс 120 фунтов ржи. Чиновникам платили не каждый месяц, а поквартально, и существовал обычай в конце каждого квартала устраивать пиры.

Следующими в бюджете шли расходы на социальные

Вид на Тоомпеа из Нижнего города, с церкви Олевисте.

нужды – 9 700 рублей. Еще одной статьей, требовавшей больших расходов, была ямская станция (1 650 рублей). Город был обязан нести расходы по содержанию государственной курьерской службы на территории от Йыеляхтме на востоке до Сауе на юго-западе.

Что касается доходов, то наиболее существенную их часть составляла замельная рента. Арендная плата, получаемая от городской недвижимости и мельниц, приносила сумму примерно в 12 600 рублей. Очевидно, фискальная экономика Таллинна все еще была феодальной по своему характеру. Расходы магистрата покрывались за счет его собственных замельных владений, а также - за счет доходов с недвижимости, торговли, промышленности, акцизов и т.п. – всего около 7 700 рублей, что составляло немного больше половины получаемого от земельной ренты. В качестве компенсации за доходы, которые город мог бы получать за счет порта, теперь переданного государству, последнее гарантировало Таллинну ежегодную сумму в размере 8 500 рублей, выделенных от получаемых таможенных пошлин. С целью

покрытия дефицита бюджет был дополнен 4 400 рублями из резервного фонда казны. Маленький размер бюджета (33 300 рублей) служит еще одним доказательством слабого экономического потенциала Таллинна в середине 19 века. Включая "церковную кружку" (12 000 рублей), муниципальный балансовый отчет за 1849 год показывает сумму в 45 300 рублей.

Общее состояние перемен, которое привнесла Северная война, способствовало обострению сущесвующих социальных антогонизмов. В этом смысле не сушествовало тесного сотрудничества между знатью, купцами и ремесленниками. Простолюдины – наемные работники и слуги, которые почти все были эстонцами или русскими, жили своей собственной жизнью.

По данным Вольдемара Миллера и Кийра Роберта, в 1784 году в Таллинне было 7 школ. Город содержал гимназию с 5 классами, 4 профессорами, 3 учителями и 98 учениками; начальную школу с 3 классами, 3 учителями и 81 учеником; школу для девочек с 2 классами, 2 учителями и 60 ученицами. Кроме того, существовали 4 церковно-приходские школы, где преподавали чтение, чистописание и основы Закона Божьего: школа, которую держал Томас Палли, приходской секретарь шведской церкви (36 учеников); школа Якоба Ниеманна в церкви Святого Духа (56 учеников); школа приходского секретаря Табака (богадельня св.Яна с 32 учениками) и школа Юргенсона, секретаря госпиталя св.Яна с 23 учениками (11 мальчиков, 12 девочек). В шведской школе начальное образование давалось на шведском и немецком языках, в школе госпиталя св.Яна – на немецком и эстонском, в двух других – только на эстонском. Лишь секретарь шведской церкви получал небольшое дополнительное содержание за свою работу в качестве директора школы, прочие не получали за это ничего, помимо платы за свою основную работу. В школах бралась оплата за обучение, но за самых бедных учеников платили благотворительные организации.

В 1856 году в городе проживало около 20 000 человек, 3 000 из которых – дети школьного воозраста (от 7 до 17 лет). В том же году количество всех школ составило 35 (1 537 учеников), из которых 8 были публичными школами,

7 поддерживались различными организациями, институтами и ассоциациями, а 20 были частными. Государство заботилось только об образовании мальчиков, оставляя публичные школы для девочек на попечении города.

С целью сделать научную литературу доступной для всех интересующихся, в 1825 году группа литераторов Таллинна основала Главную публичную библиотеку Эстонии, которая, начиная с 1830 года, когда публичные провинциальные библиотеки основывались по всей России, служила таковой в Таллинне. В 1831 году библиотека получила коллекцию книг 16 века из церкви Олевисте, после того, как помещения церкви были повреждены огнем в 1820 году. В 1842 году Главная публичная библиотека Эстонии была передана Эстонскому Литературному обществу, основанному в том же году.

В первые десятилетия 18 столетия последствия Северной войны еще давали себя знать в торговле недвижимостью. Многие дома, покинутые горожанами, бежавшими куда глаза глядят, разрушались без ремонта. Только в третьем десятилетии этого века появились признаки оживления торговли домами в старой части города. Предместья также начали приобретать новый облик. Расширение порта, строительство здания Адмиралтейства, верфи военных кораблей, военных поселений и православных церквей (Казанская церковь и другие) соединили районы Копли и Каламая, а также предместья, протянувшиеся вдоль Нарвской, Тартуской и Пярнуской дорог с новыми кварталами, рассыпавшимися вокруг Старого города.

Постепенно Старый город и новые предместья начали образовывать единое целое. В предместьях наличие огородов и условий для содержания домашних животных способствовало строительству небольших одноэтажных домов с трубами, которые выстраивались вдоль улиц.

В последние десятилетия 18 века, особенно с введением наместничества, в архитектуре Таллинна начинает проявлять себя классический стиль, который своими гармоничными формами повторяет модели стиля французской Директории.

По мнению Хельми Юпрус, первая половина 19 века – эра классического стиля в архитектуре – была для Таллинна периодом поиска собственной традиции. В переходный

период, когда торжествовал классицизм, старый облик города несомненно изменялся также радикально, как и позднее, во второй половине этого века.

Несмотря на то, что история Таллинна первой половины 19 века не очень хорошо исследована историками, мы все же можем отметить значительные изменения в образовании и культурной жизни города. Что касается образования, то, вслед за гимназией Густава Адольфа, в 1631 году появились начальная школа, которая в 1805 году стала окружной школой, Домская школа, которая в 1768 году была реорганизована в Рыцарскую Академию и другие учреждения образования. В 1772 году жителям Таллинна была предложена еженедельная газета Revalsche Wöchentliche Nachrichten, которая выпускалась до 1852 года. Ее наследницей стала газета "Эстляндские губернские ведомости". В 1860 году таллиннские жители были довольны, получив свою первую ежедневную газету – Revalsche Zeitung. Расширялись издательские возможности Талллинна. К типографии Линдфорса в 1802 году добавилась типография Й. Х. Гресселя, а в 1852 году – типография Й. Келхена. В 1825 году была основана городская библиотека. Любительский театр – Revaler Liebhaber-Teater – был основан в 1784 году. В его основании активную роль играл известный во всем мире немецкий драматург Август фон Коцебу (1761–1819), и театр продолжал свою деятельность и в 19 веке.

В 18–19 веках Таллинн посещали многие знаменитые деятели русской культуры. В 1789 году здесь побывал писатель и крупный историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Описание Таллинна того времени можно найти в его "Письмах русского путешественника". Жена Н. М. Карамзина Екатерина Андреевна (в девичестве – Колыванская) была уроженкой Таллинна, и часто проводила в Эстонии лето.

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) в 40-х годах 19 века неоднократно бывал в Таллинне. Он останавливался в доме № 10 по улице Уус (сохранился до наших дней), у своего брата Михаила Михайловича, писателя, переводчика и журналиста, служившего в это время в Таллинне в инженерной команде.

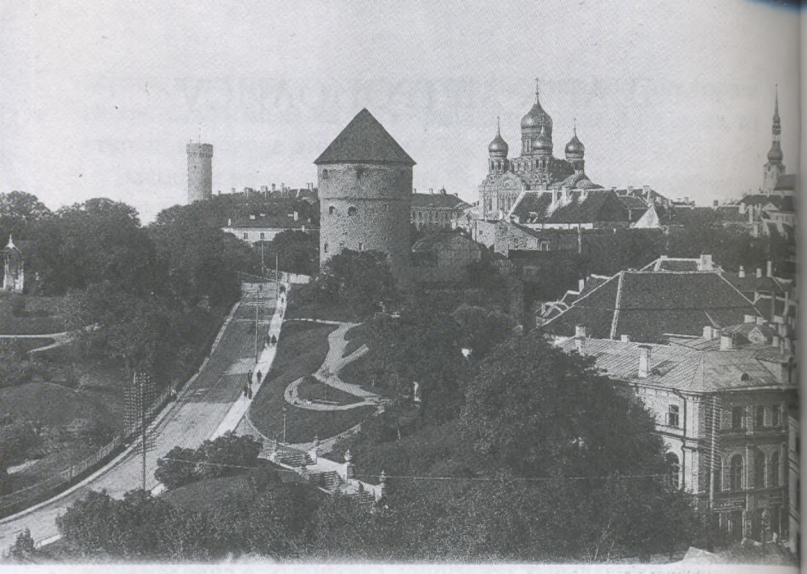
ШАГ К МЕТРОПОЛИСУ

В ноябре 1899 года известный эстонский писатель Эдуард Вильде писал в газете "Эстонский почтальон": "Таллинн становится метрополисом, Таллинн поднимается в число самых важных промышленных городов России, Таллинн станет вторым Манчестером! Ура!".

Таллинн все же не стал Манчестером, но его социально-экономический статус к концу столетия сильно изменился. Во второй половине 19 века он стал индустриальным центром. Противоречия, унаследованные индустриальной системой, все еще отягощали Таллинн из-за сохранения сильных феодальных тенденций, связанных, в силу местных особенностей, с конфликтами на национальной почве. Переход к новому социально-экономическому порядку вызвал большой подъем в развитии Таллинна. Провинциальный город превращался в индустриальный центр. В связи с быстрым развитием производства и транспорта, сконцентрированная в Таллинне торговля выросла в крупномасштабную капиталистическую коммерческую деятельность. Коренные изменения произошли в социальной жизни Таллинна. Кроме того, Таллинн становится вторым после Тарту наиболее важным центром образования и культуры Эстонии.

В середине 19 века условия для развития крупной индустрии в Таллинне были еще довольно неблагоприятны из-за отсутствия железнодорожного сообщения с внутренними районами России. Самое большое индустриальное предприятие города – мастерские Адмиралтейства в порту – было основано для текущего и капитального ремонта эскадры парусников, которая базировалась в Таллинне. По мере уменьшения значения парусного флота, уменьшалась нужда в мастерских Адмиралтейства для морских паровых судов, которые базировались в Кронштадте.

Бумажная мельница, построенная на берегу озера Юлемисте, все еще страдала от трудностей, связанных с нехват-



Подъем по Комендантской дороге на Тоомпеа. Справа – высокая оборонительная башня Кик-ин-де-Кёк и старые городские дома; выше – Длинный Герман (слева), православный кафедральный Собор Александра Невского и Домская церковь. Фото из Таллиннкого городского музея.

кой воды. Местная спичечная фабрика была закрыта в 1849 году, так как, согласно новым акцизным правилам, производство спичек было ограничено Санкт-Петербургом и Москвой. Единственная в Таллинне машиностроительная фабрика в Юхкентале работала не на полную мощность, так как импорт железа и железных заготовок по морю был запрещен. До середины прошлого столетия в промышленном развитии Таллинна не происходило значительных изменений. Новые ветры в крупной индустрии начали дуть только во второй половине столетия.

Быстрое расширение внутреннего рынка России стало исходной точкой развития, которое ускорилось благодаря интенсивному строительству железных дорог. Еще одним моментом, оказавшим влияние на быстрое развитие таллиннской промышленности, была государственная политика в отношении налогов. Третья четверть 19 века характеризовалась введением безналоговой торговли, что способствовало росту промышленности, которая использовала импортное сырье.

В 1861 году мастерская Виганда, двумя годами ранее основанная в Раквере, была переведена в Таллинн. Постепенно эта мастерская выросла в большое производство – машиностроительный завод "Ильмарине". 1870 год отмечен основанием центральных мастерских Балтийской железной дороги.

Пятью годами позднее котельная мастерская Фр.Крулля из Нарвы была переведена в Таллинн, где в течение следующих десятилетий превратилась в еще один машиностроительный завод (Таллиннский Машиностроительный до 1990 г.).

Был поднят вопрос о реконструкции мастерских Адмиралтейства и превращении их в современную верфь. Старейший таллиннский машиностроительный завод (на улице Масина) расширил свою деятельность; в 1881 году была основана фабрика Лаусманна на улице Тёэстузе, и т.д. Таллинн превращался в центр металлообработки и машиностроения. В Средние века водяные мельницы, расположенные на реке Хярьяпеа и на городском рву, наряду с ремесленным производством имели жизненно важное значение для города. Первая паровая мельница была заложена в 1861 году на территории фабрики Кристиана Ротерманна, производившей крахмал и спирт, в помещениях бывшего сахарного завода.

Первая паровая лесопилка была основана в 1876 году, а первое механизированное предприятие по производству пиломатериалов – в 1883 году. Последнее предприятие позднее выросло в фанерно-мебельную фабрику А. М. Лютера, продукция которой распространялась в Европе.

Ближе к концу столетия Таллинн несомненно становится центром индустриального развития Эстонии, превращаясь из центра ремесел в индустриальный город. За 10 лет количество фабричных рабочих увеличилось более чем в 5 раз.

Промышленному росту города способствовало основание в Таллинне вагоностроительных мастерских "Двигатель". Первый камень в фундамент завода был заложен на Ласна-

мяги летом 1898 года. Чтобы иметь достаточное пространство для будущего укрупнения производства, строительства цехов и складских помещений, была выбрана территория около 80-ти гектаров к востоку от озера Юлемисте. Завод начал давать продукцию уже на следующий год. К 1901 году количество рабочих возросло почти до 3 000 человек.

В 1899 году на другом конце города, на дороге, ведущей к полуострову Копли, началось строительство еще одного крупного предприятия – Балтийской Хлопчатобумажной мануфактуры, которую в народе называли "ситцевой фабрикой".

Вдобавок к двум вышеназванным большим предприятиям, на рубеже веков были основаны еще несколько новых фабрик, а также расширены уже существовавшие. Одним из таких предприятий был электротехнический завод "Вольта", основанный в 1899 году. В том же году администрацией машиностроительного завода Фр.Крулля было образовано акционерное общество, которое начало строительство нового большого предприятия на шоссе Копли. Для расширения деятельности фанерно-мебельной фабрики А. М. Лютера

Рабочие Таллиннского машиностроительного завода в начале нынешнего века.

были основаны две родственные корпорации: механическая деревообрабатывающая компания А. М. Лютера в Таллинне и Венеста Лтд. в Лондоне. Последняя отвечала за продажу продукции фабрики в Англии и за пределами Европы.

В 1850 году в Таллинне было только 500 фабричных рабочих. К концу столетия их число возросло до 8 000, а в первый год нового века их уже было около 10 000. К 1901 году таллиннская крупная промышленность (предприятия с числом рабочих 20 и более) почти сравнялась с Нарвой в отношении количества рабочих. Что касается среднего промышленного производства (5-19 работников), то здесь по числу промышленных рабочих Таллинн уже превосходил Нарву. Ядром таллиннского рабочего класса были рабочие, занятые в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

Большие изменения Таллинну принесло начало второго десятилетия 20 века, в основном в связи с гонкой вооружений, в которой участвовали великие державы. Сделки, заключенные компанией Шнайдера, привели к созданию русско-балтийской компании судостроения и механических работ. Сделки французского судостроителя из Гавра А. Норманда с компанией "Беккер и Ко" из Лиепаи привели к перемене владельца и переводу центра производства в Таллинн. Основание третьей судоверфи в Таллинне было связано со строительством военных кораблей. Когда завод Л.Нобеля и ассоциация фабрик Г. А. Лесснера из Санкт-Петербурга получили заказ на строительство подводных лодок, то в Таллинне в 1913 году было основано объединенное отраслевое предприятие – акционерное общество Ноблесснер, которое построили возле моря, недалеко от завода "Вольта".

В первом десятилетии 20 века по развитию крупной индустрии Таллинн уступал в Эстонии только Нарве, а во время Первой мировой войны он восстановил свою лидирующую позицию.

Первая мировая война ускорила естественный процесс упадка ремесел. В 1914 году количество ремесленников упало на одну треть по сравнению с предыдущим годом.

После открытия в 1870 году Балтийской железной дороги Таллинн превратился в крупнейший центр внутреннего

рынка Эстонии и важный порт экспортной торговли Российской империи. В 1870–1880 годах оборот внешней торговли Таллиннского порта вырос почти в 50 раз. Благодаря ледоколам, в начале 20 столетия торговые корабли могли приходить в Таллинн круглый год.

В 60-х годах 19 века управление и контроль за экономической жизнью Таллинна были поручены комиссии по коммерции при городском магистрате. Однако уже в 1872 году было основано Таллиннское Биржевое Общество с Биржевым комитетом в качестве исполнительного органа. Членам Биржевого Общества мог стать любой купец первой или второй гильдии. (В данном случае гильдии не рассматривались, как ассоциации, теперь купцы были разделены на три категории, называемые гильдиями, в соответствии с размером своего капитала. Наиболее процветающие купцы принадлежали к первой гильдии.) Это общество было несомненно оформлено по примеру Биржевого Общества, которое с 1816 года действовало в Риге. В период с 1880 по 1913 год коммерческая сеть Таллинна быстро расширялась одновременно с индустриальным развитием и ростом населения. Феликс Саукс говорит о почти 150% расширении. В первом десятилетии 20 века Таллинн стал самым важным центром местного рынка.

В 1900–1913 годах общий объем импорта Таллинна возрос почти в 10 раз. Импорт руды и кокса, необходимых для производства железных и стальных заготовок, возрос более чем втрое. В тоже время экспорт составлял от половины до одной трети от объема импорта. Самой важной статьей экспорта была мука (в среднем 60%), которую везли в больших количествах в Финляндию, особенно начиная с 90-х годов 19 века. Другие жизненно важные статьи экспорта включали в себя соль, спирт, бумагу и кильку.

Начиная с 1870 года, возрастающее влияние на местную таллиннскую торговлю оказывает фактор наличия железнодорожного транспорта. Объем перевозок по железной дороге превышал объем прибрежной морской торговли на 150-200%. После окончания строительства Балтийской железной дороги население Таллинна начало быстро расти, рост достиг своего пика в 1871–1881 годах со средним годовым уровнем

роста в 5,7%. В 80-е годы 19 века уровень роста населения замедлился (только 1,9% в 1881–1897 гг.), но затем вновь увеличился, достигнув своего пика в январе 1914 года, дав в 1913 году средний уровень 12,9%. Рост числа жителей в 1916 году объясняется наплывом военных беженцев в Таллинн. С ноября 1871 года по 1 января 1917 года население Таллинна увеличилось примерно в 5 раз. Но в результате прихода в феврале 1918 года немецких оккупационных войск, произошло очередное значительное уменьшение населения, которое достигло уровня 1917 года только в конце 1939 года. В абсолютных цифрах население Таллинна возросло в 1871–1917 годах на 130 031 человека, в то время как естественный прирост составил только 18 920 человек. Очевидно, главную причину концентрации людей в Таллинне нужно искать в факторе миграции.

Приток людей из деревни в Таллинн в частности отмечается в период экономического бума 70-х годов 19 века, в то время как глубокий кризис, разразившийся в начале 80-х годов того же века ограничил приток. В 80-х годах 19 века население Таллинна росло в основном благодаря натуральному приросту. Но во второй половине 90-х годов в результате промышленного развития вновь возрос приток людей, который был особенно высок непосредственно перед и во время Первой мировой войны. В этот период (за исключением 1914 года) в Таллинн ежегодно прибывало 10 000–15 000 человек, так как для строительства больших судоверфей и возведения современного форта постоянно требовались рабочие руки.

Депопуляция деревни и рост городов были продолжены указами о паспортах 1863 и 1897 годов и улучшениями, призошедшими в транспортной системе Эстонии, в частности – строительством и расширением сети железных дорог во второй половине 19 века.

Большинство приезжих, принятых Таллинном в 70-х и 80-х годах 19 века, прибыли из Харьюмаа, в основном из приходов Хагери, Кейла, Нисси, Козе и Йыэляхтме. В начале 70-х годов 19 века много людей приезжало также из Куллamаа, наиболее густонаселенного прихода Ляэнэмаа, но имммигранты приезжали также из Ярвамаа и Вирумаа.

В отношении количества населения Таллинн был всего лишь городом среднего размера, но с точки зрения национального состава он имел вполне международное лицо с характерными чертами, присущими его истории, географическому положению и коммерческой деятельности. Например, в 1871 году в Таллинне жили люди 30-ти национальностей, хотя эстонцы были в большинстве. Перед первой мировой войной эстонцы составляли более 70% населения Таллинна, но во время войны доля эстонцев вновь упала, достигая к 1917 году не более 60%, хотя в абсолютных цифрах количество эстонцев увеличилось с 83 133 в 1913 году до 90 000 в 1917 году. Причина такого падения относительного процента эстонцев можно обнаружить в строительстве больших судоверфей, на которые привлекалось много квалифицированных рабочих из внутренних областей России. Еще одним фактором был поток военных беженце, особенно из Латвии. В 1917 году число беженцев достигало 10 000, большинство из них – латыши. Количество русских возрастало в целом пропорционально общему росту населения, за исключением уже упомянутого резкого роста в годы первой мировой войны (25,6% населения в 1917 году). Параллельно с увеличением количества эстонцев и русских начинается уменьшение доли немцев – в 1917 году лишь 8,3% жителей были немецкого происхождения.

Большие изменения имели место также в социальном облике населения Таллинна. Главным источником рекрутирования в ряды рабочего класса Таллинна были наиболее развитые люди из деревни, которые переехали в город. Количество рабочих из других источников, таких как семьи разорившихся ремесленников и рабочих, было незначительным. Ремесло в Эстонии было развито в меньшей степени, чем, например, во внутренних губерниях России, и промышленность начала развиваться в большом объеме только после открытия Балтийской железной дороги. Большинство рабочего класса Таллинна состояло из горожан первого поколения.

В 1871 году в Таллинне было около 9 800 человек, которые зарабатывали на жизнь продажей своей рабочей силы и составляли почти 34% населения города. Однако в

Таллине капитализм еще проходил начальные стадии своего развития: фабричные и строительные рабочие составляли пока только 15,4% рабочего класса, в то время как процент слуг был еще очень высок (почти 36%). Большинство слуг были эстонцами, а 16,4% рабочих представляли из себя неквалифицированную рабочую силу и полностью зависели от случайных заработков. В начале 70-х годов 19 века было еще относительно мало рабочих, занятых в транспорте и связи (3,5%). 10,3% рабочих Таллинна поддерживали свое существование ремеслом и надомничеством.

По сравнению с 1871 годом количество промышленных рабочих к 1917 году увеличилось в шесть раз. Рост был особенно заметен во второй половине 80-х годов 19 века. В 1897 году в Таллинне было уже 4 000 промышленных рабочих по сравнению с 1 004 в 1879 году, то есть рост составил 400% за 18 лет. Хотя Нарва сохранила свои лидирующие позиции в качестве индустриального центра почти до конца столетия (там работало более половины всех промышленных рабочих Эстонии), последнее десятилетие века свидетельствует о быстром росте значения Таллинна. В 1879 году только 10% промышленных рабочих Эстонии нашли работу в Таллинне, а уже в 1894 году их количество выросло до 16,6%.

В последней четверти 19 века Таллин становится центром машиностроительного производства, которое в этот период получает быстрое развитие в Эстонии. Именно поэтому подавляющее большинство промышленных рабочих в Таллинне были заняты в металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях промышленности.

Следующий период увеличения значения рабочего класса в развитии Таллинна начался перед началом Первой мировой войны. В 1913 году в Таллинне было около 16 300 фабричных рабочих, а максимальное их количество приходится на 1914 год – 18 600, что составляло, соответственно, 38,9% и 40,4% от общего количества рабочих в Эстонии. Что касается количества рабочих, занятых в промышленности, то Таллинн среди эстонских городов был вне конкуренции. Из 30 000 фабричных рабочих, занятых на производстве в Таллинне в 1917 году, около 25 700 (85,6%) работали на

предприятиях с более чем 500 работниками, а около 23 000 (76,7%) – на фабриках, где работало более 1 000 человек. Эти цифры показывают чрезвычайно высокий уровень концентрации фабричных рабочих в Таллинне. Соответствующие цифры в Петрограде в начале 1917 года составляли 77,8% и 67,9%. Во время Первой мировой войны примерно 100 000 – 110 000 человек или 63-69% населения Таллинна составляли рабочие и члены их семей, причем 30 000 (30%) из них были фабричными рабочими.

Генезис буржуазии можно объяснить в первую очередь постепенной трансформацией местной мелкой буржуазии, домовладельцев и мастеров-ремесленников периода феодализма. Дополнительной характерной чертой Таллинна было большое количество российских чиновников и военных, которые приобретали здесь дома или небольшие предприятия, а после выхода в отставку сливались с местной буржуазией. Что касается буржуазии балтийских немцев, то она в основном формировалась из богатых бюргеров и местной немецкой знати (фамилии Тизенхаузенов, Унгерн-Штейнбергов, цур Мюленов и др.). В 1871 году таллинская знать насчитывала 1 626 человек и составляла 4,95% гражданского населения. Из них 1 297 (81,23%) были немцы. Большинство знати (794 человека) жили в самом сердце Нижнего города, а 306 – на Тоомпеа. К 1897 году удельный вес наследственной знати в населении упал до 3,8% .

В 1871 году буржуазия Таллинна состояла примерно из 900 человек (3,1% населения). 67,1% из них были немцы, 26% – русские и только 4,1% – эстонцы.

На конец века буржуазия насчитывала 5 400 человек или 9,2% таллиннского населения. Эстонцы, принадлежавшие к этой категории, в основном были домовладельцами или торговцами, промышленность и банковское дело еще были им недоступны.

Во время Первой мировой войны около 7 500 человек буржуа составляли 4,7% населения Таллинна.

Мастера-ремесленники и мелкие лавочники феодального города были одним из главных источников формирования среднего класса Таллинна. Еще одним источником были зажиточные слои крестьянства, которые в ходе процесса урбанизации оседали в Таллинне, где они постепенно приобретали небольшую недвижимость, магазин или маленькое предприятие. Третьим источником формирования мелкой буржуазии была "рабочая аристократия". В некоторой степени ряды мелкой буржуазии пополнялись также за счет отдельных представителей балтийской немецкой знати и других представителей высших сословий.

В годы Первой мировой войны средний класс Таллинна состоял примерно из 41 500 человек (26,1% гражданского населения города). По сравнению с 1897 годом средний класс увеличился на 150% – явный признак усиления мелкобуржуазной природы городской общины.

Вступление в силу городского закона 1870 года отменило управление городом на основе сословных привилегий феодального типа, характерных для средних веков. Новый муниципальный закон сделал управленческие функции

На выборах городской Думы в 1904 году блок эстонской и русской буржуазии добился большого перевеса, и немцы, господствовавшие на протяжении веков в Таллинне, потерпели полное политическое поражение. Блок эстонско-русской коалиции получил в новой городской Думе 43 места, из них 38 принадлежало эстонцам, и 5 – русским. Выборы состоялись в старом пожарном депо, неподалеку от нынешней гостиницы "Виру".

гораздо ближе к народу, и это, безусловно, был шаг вперед по сравнению со старой системой. Теперь муниципальные власти состояли из городской думы и управы. Новый городской закон, который вошел в силу 26 марта 1877 года, вводил посты городского головы, его заместителя и секретаря. Согласно этому закону таллиннская городская дума состояла из 72 членов. Решения думы имели силу, если на заседании присутствовало по меньшей мере 24 депутата, в особо важных вопросах необходимо было присутствие не менее половины членов думы. Высшим исполнительным органом муниципалитета была управа: городской голова, секретарь и 4 члена. Старый магистрат, или городской совет, теперь занимался только юридическими вопросами. Власть муниципалитета распространялась на экономическую и социальную сферы, он также занимался некоторыми вопросами культуры. Городской совет был окончательно ликвидирован в ходе судебной реформы 1889 года. С этого времени юридическими вопросами занимался новый гражданский суд Таллинна и Хаапсалу, который занимался делами в Харью и Ляэнемаа (включая города), окружной суд Таллинна, занимающийся делами по всей Эстляндской губернии и городу Нарва, и, наконец, 3 мировых судьи судов низших инстанций, расположенных в Таллинне. Еще одним важным изменением была ликвидация административного деления города на две половины, которое практиковалось в период феодализма: в 1889 году Тоомпеа был окончательно объединен с Нижним городом.

В ходе реформы полиции 1888 года существовавшие полицейские подразделения были превращены в городское полицейское управление, возглавляемое начальником полиции. Он имел в подчинении околоточных и их помощников, городовых и урядников. Управление полиции находилось в прямом подчинении губернатора провинции.

Поначалу муниципальная управа состояла из 4, а позднее – из 6 членов. Ей были подчинены все другие исполнительные органы города, включая раличные департаменты, комиссии, попечительские советы, начальники и чиновники различных институций, равно как и все предприятия и недвижимость, принадлежавшие городу. Управа направляла деятельность

департаментов и других учреждений с помощью своих членов и подтверждала решение исполнительных комиссий.

Муниципальное казначейство, учрежденное в 1878 году для улучшения управления городской экономикой, было независимым департаментом. Постоянные комиссии при управе занимались следующими вопросими: экономика, строительство дорог, социальная сфера, жилищное хозяйство, пожарная служба, бульвары (все эти сферы – начиная с 1878 года), народное здравоохранение, освещение и водоснабжение (с 1879 года), бойни (1893 г.), юридические вопросы и вопросы образования (соответственно 1909 и 1910 гг.). В добавление к этим комиссиям существовало несколько подготовительных комитетов.

На муниципальных выборах 1904 года эстонская буржуазия, в союзе с русскими партнерами, впервые за всю историю Таллинна одержала победу. В 1904–1917 гг. эстонской буржуазии принадлежало большинство подряд в 4-х депутатских составах Ратуши. Руководители города эстонского происхождения отличались большим вниманием к нуждам народа и к таким вопросам, как городская экономика, народное здравоохранение и образование.

Историческая победа над немцами на выборах 1904 года была победой всей нации. Тогда много говорилось и писалось о новом пути, об интересах народа и т.д. Но денег для улучшений в сферах образования и здравоохранения тратилось явно недостаточно, земля продавалась по заниженным ценам членам различных партий точно также, как и при старом руководстве города, процветали спекулятивные сделки с предприятиями и недвижимостью с целью личного обогащения.

Победа, которой эстонская буржуазия совместно с русскими достигла в муниципальных властях Таллинна в начале нынешнего столетия, стала первой победой эстонцев. Затем, в 1906 году мэром города стал В.Лендер, а в 1913 году – Яан Поска.

За весь этот период города занимал территорию в 5 850 гектаров, что было вполне достаточно для быстрого развития. За пределами административных границ города были только зоны отдыха, такие как Нымме и Пирита. В 1913 году в

Нымме было уже 6 каменных и 450 деревянных домов, летом там жили 6 000 человек. А зимой – 1 500. В Пирита были построены 1 каменный и 16 деревянных домов, и постоянно проживало 40 человек. В середине 19 века Таллинн стал популярным курортом, однако во второй половине этого века, в связи с ростом капиталистической промышленности, его популярность начинает падать.

После Крымской войны в 1857 году Таллинн был исключен из списка крепостей. 11 января 1858 года его земляные укрепления были переданы гражданскому губернатору Эстляндии, который в марте того же года разделил их территорию между представителями магистрата и самоуправлением Тоомпеа (Домской гильдией), в соответствии с границами общинной земли, зафиксированными в 1348 году, и позднее подтвержденными.

Вполне естественно, что вызванный развитием капитализма рост населения привел к расширению предместий, которые к тому времени уже охватывали территорию, превосходящую средневековый Старый город более чем в 20 раз.

В последней четверти 19 и начале 20 века появился целый ряд новых предместий. В народе они получили довольно оригинальные названия: район в окрестностях улиц Веэренни и Татари назывался Кививылласте (Каменные Виселицы), так как когда-то городские виселицы делались из камня; район возле улицы Лийвалайа назывался Юхкенталь; название Уусмааильма (Новый Мир) было дано району, протянувшемуся вдоль Пярнуского шоссе от улицы Вяйке Амеэрика до угла улицы Лыуна; район Кассисаба (Кошачий Хвост) с 1877 года расширялся в южном направлении; Сибулакюла (Луковая Деревня) – район между улицами Лембиту и Иманта, включая улицу Ыуна; Китсекюла (Козья Деревня) – часть Пярнуского шоссе по другую сторону железной дороги, до улицы Сеэби, в окрестностях станции узкоколейной дороги; Кельмикюла (Деревня Бродяг) – район, связывающий Тоомпуйестеэ, Палдиское шоссе и улицу Техника; район Сикупилли (Волынка) на Ласнамяги, включающий в себя улицы Катусепапи, Кивимурру, Палласти, Маяка и Киллустику; и т.д.

Новые общественные здания были возведены в центре города, например, в 1873 году – пожарное депо на рынке Вене (Русский), где в 1904 году состоялись исторические муниципальные выборы. В 1873 году был открыт железнодорожный вокзал, а 10-ю годами позже – Реальнам мужская гимназия на бульваре Эстония. Бульвар носит это название и поныне. Быстрое падение стоимости денег, ставшее в основном следствием войн, оказало серьезное влияние на городскую экономику Таллинна в первой четверти 19 века. В 1801 году доходы муниципальной казны составляли 39 665 рублей ассигнациями, а доходы "церковной кружки" – 9 140 рублей ассигнациями, то есть всего – 48 805, в то время как расходы составили соответственно 39 410 и 9 140 рублей ассигнациями, всего – 48 550, остаток составлял 255 рублей ассигнациями. Однако уже к 1810 году дефицит муниципальной казны составил 26 609 рублей ассигнациями, а к концу 1819 года он возрос до 99 352 рублей ассигнациями. Общие долговые обязательства муниципальной казны и "церковной кружки" составили всего 137 146 рублей. Эти цифры дают представление о проблемах, с которыми сталкивался город в конце 20-х годов 19 века. Однако со временем были найдены пути достижения относительного баланса муниципального бюджета. Если исключить изменения в доходах от пошлин, которые остались в прошлом, структура муниципального бюджета была очень похожа на бюджет предыдущего столетия, когда недвижимость обеспечивала городу главный источник доходов (мызы, мельницы, налоги на недвижимость и т.д.). Открытие Балтийской железной дороги в 1870 году способствовало крупным изменениям, и бюджет начал быстро расти, достигнув в 1877 году 260 000 рублей (включая обе казны). В 1877–1915 гг. бюджет Таллинна увеличился в 10 раз, то есть в два раза больше, чем население.

В Таллинне, как и во всех городах царской России, доходы были недостаточны для покрытия постоянно растущих расходов, и со времени введения муниципального закона дефицит становится обычным явлением. К концу 1914 года дефицит увеличился по сравнению в 1878 годом на 41 863 рубля. Чтобы остановить его дальнейший рост, было решено

Кафедральный собор Александра Невского на Вышгороде был торжественно освящен в апреле 1900 г. Фото из Таллиннского городского музея.

покрыть его за счет городских капиталов. После проведения этих операций капиталы города к концу 1915 года составили 1 542 620 рублей.

Оживление промышленности, проявившее себя в Эстонии, и особенно в Таллинне, в конце 19 века объективно способствовало росту рабочего движения.

Революционное движение рабочих Таллинна достигло своей кульминации в последние месяцы 1905 года. 14 октября

1905 года таллиннский пролетариат присоединился к всероссийской общей политической стачке.

16 октября, дождливым воскресеньем, тысячи рабочих вместе со своими женами и детьми собрались на лугу Лаусманна, чтобы обсудить, какие дальнейшие шаги следует предпринять после того, как их требования были отвергнуты губернатором. Было решено вновь предъявить те же требования и не расходиться до получения ответа. В ожидании ответа от властей тысячи людей собрались на Новом рынке в центре города, где митинг был продолжен. Уже темнело, когда на рынок прибыла военная часть и по команде офицера открыла огонь по безоружным мужчинам и женщинам. Более 90 людей было убито и более 200 ранено.

Бойня, устроенная властями, вызвала гнев и протесты среди рабочего люда. Похороны жертв 20 октября, в которых приняли участие почти 40 000 человек, превратились в мощную политическую демонстрацию протеста. Демонстранты пронесли 57 гробов от Нового рынка на кладбище.

Недостаточно организованные и плохо вооруженные рабочие и крестьяне оказались неспособными оказать сопротивление карательным частям регулярных войск. Поражение вооруженного выступления в декабре 1905 года означало начало спада революционной волны. Но непримиримые революционеры продолжали борьбу. Одним из наиболее серьезных столкновений стал бунт летом 1906 года на борту учебного крейсера "Память Азова".

Во второй половине 19 – начале 20 века зримый прогресс наблюдался в развитии образования. Постоянный рост количества школ, возрастающая доля публичных школ и отмена платы за образование в городских начальных школах сделали начальное образование все более доступным даже для самых бедных социальных групп, так что была достигнута почти всеобщая грамотность населения. Помимо общеобразовательных школ, появилось много специальных, прежде всего – ремесленных и коммерческих школ. С начала 20 века количество учеников-эстонцев в средних школах постоянно росло. Более того, эстонский язык начали включать в обязательную программу обучения.

Предместья продолжали расти хаотично, в основном – на

свободных землях. Поначалу предместья появлялись вдоль главных транспортных артерий, позднее они стали охватывать огороды, сады, луга и пустоши, расположенные между главными дорогами. Из за хаотичного развития города многие фабрики и складские помещения были втиснуты между городом и морем, тем самым лишая жилые районы выхода к морю. С течением времени кварталы, выстроившиеся вдоль главных транспортных артерий, превратились в большие пригородные районы, соперничавшие с расширяющимися промышленными территориями. Эти районы состояли почти исключительно из жилых домов, небольшие вкрапления из фабрик и школьных зданий не влияли на основную композицию этих районов. Попытки создать здесь местные административные и коммерческие центры никогда не имели успеха, за исключением Нымме, где небольшой такой центр появился близ железнодорожной станции. Что касается остального Таллинна, то деловая жизнь продолжала концентрироваться в Старом городе.

Интенсивный рост промышленности в начале 20 века привел к резкому росту строительной активности, которая оставила заметные следы на внешнем облике города. Стандартный двухэтажный дом с одно- и двухкомнатными квартирами под гудроновой крышей становится преобладающим типом жилого строения. Линии таких домов, разделенных пожарными стенами, выстраивались вдоль улиц предместий. Этот ритм нарушался только немногими домами с более претенциозным дизайном, украшенными угловыми закрытыми балконами, фронтонами резного дерева и флюгерами.

Вслед за новыми жилыми кварталами на бульваре Эстония в 1904 году был построен Эстонский Земельный банк, а в 1908 г. – Банк Эстонии; в 1910 году на Пярнуском шоссе – Немецкий театр; в 1913 г. – электростанция, театр Эстония, городская аптека и Городской банк.

Февральская революция 12 марта 1917 года, одержавшая победу в Петрограде, столице царской России, быстро распространялась по всей России. В Эстонии вторая революция началась 14 марта 1917 года с политических акций на больших промышленных предприятиях (мастерские

Из числа зданий, построенных в стиле югенд, обращает на себя внимание театр и концертный зал "Эстония", строительство которого было начато по инициативе Эстонского Общества, и завершено в 1913 году. Финские архитекторы А. Линдгрен и В.Лынн.

Беккера, Руссо-балтийская и Петровская, бывшая Нобле сснер, судоверфи, вагоностроительные мастерские "Двигатель", Балтийская хлопковая мануфактура и др.). Уже на следующий день, 15 марта 1917 года, революция победила.

1 июля 1917 года в Таллинне собрался Временный губернский совет Эстляндской губернии или, другими словами, эстонский временный парламент (Ээсти Маапяэв). Разделение политических партий было определено уже во время выборов 1905 года. Наиболее важными для развития Эстонии партиями уже в первые годы независимости стали национальная партия Яана Тыниссона, партия селян Константина Пятса и партия умеренных социал-демократов, основанная патриархом эстонской социал-демократии Михкелем Мартна. 5 ноября власть перешла в руки Эстонского военно-революционного комитета. Немного позднее, 28 ноября, Маапяэв провозгласил себя высшим носителем государственной власти. За день до вступления в Таллинн германских оккупационных войск, 24 февраля 1918 года, Комитет

Эстонская Республика была провозглашена 24 февраля 1918 года в Эстляндском отделении Государственного банка России на бульваре Эстония, 13. Здание было построено в 1904 году. Фото – Т. Веэрмяэ.

спасения Эстонии (Константин Пятс, Константин Коник и Юри Вильмс) в здании Банка Эстонии в Таллинне официально провозгласил независимость Эстонии. Таллинн стал столицей Эстонской Республики.

ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Несколько месяцев немецкой оккупации (февраль 1918 г. – ноябрь 1918 г.) полностью разрушили крупное промышленное производство. Примерно такая же ситуация складывалась и во время Освободительной войны. По данным Карма, в 1919 году около 4 500 рабочих, то есть около 15% от зарегистрированной в годы войны цифры, работали на крупных промышленных предприятиях Таллинна. Наибольшее количество из них было занято в главных железнодорожных мастерских (765), следом шли Балтийская хлопковая мануфактура (640), целлулозный завод (540), Петровские судоверфи (Ноблесснер) и портовые мастерские (вместе – 460), "Двигатель" (390) и Русско-балтийские судоверфи (240). Заводы "Беккер" и "Вольта" были полностью остановлены. Работа крупной промышленности Таллинна была связана со всероссийским рынком.

Вторая половина 30-х годов 20 века характеризуется расширением внутреннего рынка, что способствовало оживлению таллиннской промышленности. В то же время возросла конкуренция между промышленным и ремесленным производством, что выразилось в концентрации производства. Техническая база многих предприятий была устаревшей и непригодной для современного производства. В 1922 году рабочий класс Таллинна, включая членов семей, насчитывал 74 000 человек; в 1920 году фабричных рабочих было только 7 470 (включая членов семей). К началу 1939 года их количество возросло до 24 557 человек.

Несмотря на уменьшение числа ремесленников в некоторых отраслях производства, можно утверждать, что общее количество ремесленников (за исключением извозчиков) в 1937 году было таким же, как в 1913 г. В первую очередь это объясняется большими изменениями, произошедшими в структуре ремесленников. В частности, производство одежды приобрело дополнительные перспективы. Но в конце 30-х годов даже в этой отрасли индустриальное производство

быстро наращивало преимущества в конкурентной борьбе. В начале 20 столетия таллиннцы уже привыкли как к паровозам, так и к вагонам на конной тяге (конка). В 20-е годы происходило дальнейшее улучшение и расширение железнодорожного сообщения. Что касается трамвайных путей, то моторные вагоны появились в 1921 году, а первые электрические трамваи появились в 1925 году.

Из-за быстрого развития города-спутника Таллинна – Нымме – встал вопрос об улучшении железнодорожного сообщения между Таллинном и Пяэскюла. Проблема была решена электрификацией этой линии, прокладкой еще одного рельсового пути и строительством нескольких новых станций по маршруту Таллинн-Пяэскюла (1926–1933 гг.).

Первый трехколесный автомобиль появился в Таллинне в 1901 году, а первый четырехколесный, похожий на карету, таллиннцы впервые увидели в 1902 году. Позднее стали также применяться удобные автобусы шведского производства.

Первое в Эстонии общество воздухоплавания, Компания воздухоплавания (1921–1929 гг.), было частным концерном, но строительство первого частного аэродрома в Таллинне было завершено только во второй половине 30-х годов. Государство участвовало в компании Эстонские Авиалинии, АГО, основанной в 1938 году.

В годы Первой мировой войны и последовавшей за ней Освободительной войны торговля в Таллинне отличалась постоянным дефицитом товаров, что приводило к разгулу спекуляции и контрабанды. Контрабандный алкоголь везли в основном в Финляндию и, в меньшей степени, в Россию. Зачастую тот же самый контрабандный спирт возвращался обратно в Эстонию. Таллинн оставался наиболее важным экономическим центром Эстонии, оставляя все остальные города далеко позади. Он также был транспортным центром всей страны, а также – наиболее важным торговым портом и индустриальным центром. В 1936 году доля Таллинна в общем обороте эстонского морского транспорта достигала 90%, каботажных перевозок – 27%, и морских пассажирских перевозок – 96%. 55% всех товаров, перевозимых каботажными судами, направлялись в Таллинн (в основном это были дрова). Что касается оборота эстонской внешней торговли,

Ледокол "Суур Тылль" (фин. – "Väinämöinen", 1918–1922 гг.). Ледокол сыграл большую роль в войне за независимость в Финляндии и Эстонии. Корабль имел счастливую судьбу. В конце концов Эстонский морской музей возвратил его из России в Таллинн. В 1993 и 1998 годах "Суур Тылль" побывал с визитами в Котка и Хельсинки. Осенью 1997 года на нем начались реставрационные работы. Есть надежда, что скоро он будет открыт для посетителей в качестве музея.
В Финляндии существует специальный фонд, созданный для реставрации этого корабля. Фонд носит имя генерала от инфантерии Адольфа Эрнрута.

то через таллиннский порт, который был свободен ото льда практически круглый год, по количеству проходило 80% товаров, а по стоимости – 90%. Транзитная торговля с Советским Союзом также шла через Таллинн.

Накануне Первой мировой войны в Таллинне проживало почти 160 000 человек, многие из которых были рабочими на судоверфях или строителями морского форта, недавно прибывшими в Таллинн. По мере приближения линии фронта, многие предприятия и жители эвакуировались, и уже начиная с 1917 года население Таллинна начало уменьшаться. В 1917–1919 гг. гражданское население Таллинна уменьшилось на 56 333 человека, то есть более чем на треть.

Дом по адресу Лай, 38 до и после реконструкции в 1938 году. Фотографии из Эстонского Исторического музея.

Отделение эстонской экономики от экономики царской России лишило большие промышленные предприятия Эстонии рынков сбыта и источников сырья и горючего. Вскоре Таллинн и остальные индустриальные центры начали ориентироваться на западные рынки.

Вид с востока, с бывшей рыночной площади, на Старый Таллинн в конце 20-х годов 20 века. Рядом с конными повозками мы видим примитивные автобусы и электрический трамвай. Фото из Таллиннского городского музея.

После 1920 года население Таллинна вновь стало расти. С 1920 по 1924 год средний годовой прирост был даже необычно высок для Эстонии. Причин было две: во-первых – к 1921 году закончилась демобилизация, и во-вторых – возвращение в Таллинн значительного количества репатриантов, так называемых оптантов, из России.

Во второй половине 20-х годов вновь наметилась тенденция к уменьшению населения Таллинна. Хотя промышленное производство росло, предвоенный уровень промышленности оставался недостигнутым. Производство в основном покрывало нужды местного рынка. Быстро росла безработица. Городская управа пыталась смягчить тяжелые последствия безработицы организацией общественных работ.

В годы экономического кризиса рост населения был медленным. Оно начало расти только во второй половине 30-х годов, когда промышленное производство начало подавать признаки оживления. Однако начиная с 1938 года

количество таллиннских жителей вновь уменьшилось, так как 5 200 немцев из города и 1 100 из Нымме покинули страну. Эмиграция эстонцев также возросла, большинство эмигрантов составляли моряки, квалифицированные рабочие и чиновники. Еще одна группа людей, покидавших страну, состояла из граждан Латвии, Финлянди, Дании, Швеции и других зарубежных стран.

Хотя Нымме в то время был административно отделен от Таллинна, в действительности он представлял из себя одно из предместий. Быстрому росту Нымме способствовало несколько факторов: из этого района нетрудно было попасть в столицу, коммуникации были хорошими, а места под застройку-сравнительно дешевыми. Климат в Нымме был тоже более здоровый, чем в Таллинне. В 1918 году в Нымме было 500 жилых домов, в 1922 г. – 773, в 1923 г. – 823, в 1928 г. – 1 957, в 1934 г. – 2 862 и в 1938 г. – 3 350.

Новый рынок был расположен между Театром "Эстония" и бывшей улицей Яана (Пярнуское шоссе). Справа от здания рынка видны дома Старого города. Мы также можем видеть типичный фанерный чемоданчик, который использовался для похода на рынок, в сауну и для путешествий, изготовленный на заводе А. М. Лютера. Фото начала 1930-х гг. Фото из Таллиннского городского музея.

В 1918 году население Нымме насчитывало почти 4 000 человек, а к 1940 г. – уже почти 22 000. Оно превзошло население большинства старых городов, и в 1939 году Нымме занимал 4-е место после Таллинна, Тарту и Нарвы. Помимо своих постоянных жителей, Нымме каждое лето принимал большое количество отдыхающих (561 в 1921 г., 1 320 в 1925 г., 1 476 в 1929 г.). Нымме обеспечивал домами продавцов, торговцев, людей свободных профессий и рабочих, так как рента здесь была ниже, чем в Таллинне.

Количество людей, живущих в центре города, продолжало уменьшаться как в абсолютных, так и в относительных цифрах, в то время как население предместий росло. Самый большой рост наблюдался в Китсекюла, затем следовали Лиллекюла, Пельгулинн, Кадриорг и Пирита. В конце 19 и особенно в начале 20 века районы Садама и Копли выглядели привлекательно для все растущего населения благодаря строительству здесь больших судоверфей. Теперь, в условиях независимой Эстонии, рост населения в этих районах прекратился.

Параллельно с ростом населания уровень рождаемости в Таллинне стабильно падал. Низкий уровень рождаемости в 1918–1920 гг. можно объяснить войной.

Уровень смертности падал заметно медленнее, оставаясь в целом на уровне, существовавшем до 1917 года. Социальные условия, существовавшие в Таллинне в то время лучше всего иллюстрирует тот факт, что причиной каждой шестой смерти из зарегистрированных в 1921–1930 гг. (304 случая) был туберкулез или, как говорили в народе, "квартирная болезнь". Хотя естественный рост населения Таллинна в 1871–1917 гг. был стабильно позитивным, он оставался таким только первые 6 лет периода независимости. Некоторые ученые даже называли эстонские города "могильщиками нации". В этом отношении необходимо также иметь в виду национальное воспитание и менталитет, сформированный историческим развитием – осторожное и консервативное отношение к жизни в Эстонии, которая в целом была мелкобуржуазной страной.

Рост населения во всех эстонских городах происходил в основном за счет миграции или иммиграции. Миграция была

по большей части неорганизованной. То же самое относится к одной из разновидностей миграции – урбанизации.

Если мы посмотрим на происхождение людей, живших в Таллинне в 1922 году, мы получим следующую картину: согласно статистическим данным всеобщей переписи 1922 года, 31% из 122 419 жителей Таллинна были местными уроженцами; 15% родились в Харьюмаа; 9% – в Ляэнемаа; 8% - в Вирумаа,; 6% – в Ярвамаа; 5% – в Тартумаа; 4% – в Вильяндимаа; 1% – в Вырумаа; 1% – в Валгамаа; менее 1 процента – в городах и местечках Харьюмаа, в Печорском районе и в прочих городах. 9% родились в Советской России; 2% – в Латвии; еще 2% – в прочих местах, место рождения остальных было неизвестно. Короче говоря, 16% жителей Таллинна приехали из Харьюмаа; 40% – из других эстонских сельских районов; 8% - из других эстонских городов и 12% – из-за пределов Эстонии.

По сравнению со второй половиной 19 века в формировании населения столицы возросла доля Вирумаа, что можно объяснить выходом Эстонии из состава России. Перед достижением независимости многие эмигрировали из Вирумаа через Нарву в Санкт-Петербург. Ляэнемаа и Ярвамаа так же, как и ранее, продолжали снабжать Таллинн приезжими.

В этот период времени крупные изменения произошли также в национальном составе жителей Таллинна. В 1922 году 83,8% жителей города составляли эстонцы, из групп неэстонского населения можно выделить русских (6,2%), немцев (5,6%), евреев (1,6%), шведов (0,7%) и латышей (0,6%). По сравнению с предыдущими переписями очевидно постоянное и значительное увеличение числа жителей эстонского происхождения, в то время как абсолютное и относительное количество немцев и, в меньшей степени – евреев, значительно уменьшилось. В действительности такие изменения в пользу эстонцев происходили даже более быстро, чем показывают эти цифры, так как фиксирование национальности в ранних переписях было довольно неточным.

Количество жителей русского происхождения росло как в абслютных, так и в относительных цифрах. Резкий рост в 1918–1922 гг. объясняется прибытием оптантов. В то же

Развитие Таллинна в 1930-х гг. отражено также в зданиях на площади Вабадузе. Слева – отель высшего класса "Палас", в середине – кинотеатр "Глория", и справа – здание Эстонского страхового общества. Конечная остановка одной из линий электрических трамваев в то время была на площади Вабадузе. Фото из Таллиннского городского музея.

время, абсолютное и относительное число немцев продолжает падать в течение всего периода независимости. К лету 1940 года, уже в период советской оккупации, многовековое немецкое господство над Таллинном подошло к концу в результате так называемого Umsiedlung, процесса переселения немцев из Прибалтики в нацистскую Германию. Это еще больше подняло процент других национальностей. Что касается таллиннского города-спутника Нымме, то динамика изменения национальнго состава его населения более или менее совпадала с изменениями в национальном составе городского населения столицы. Хотя в период существования первой Эстонской Республики абсолютное большинство общего увеличения городского населения Эстонии поглощалось Таллинном, уровень 1917 года к 1940 году еще не был достигнут (он был превзойден в 1938 году, но только, если включать Нымме).

Но если взять за исходную точку данные на 1 января 1912

года, когда экстраординарная ситуация, связанная с войной, еще не являлась влиятельным фактором увеличения населения, можно обнаружить, что в период с 1912 по 1938 год население Таллинна выросло с 104 452 до 144 794, то есть на 40 342 человека. В 1922 году жители Таллинна составляли 10,9% всего населения Эстонии и 38,2% городского населения. Соответствующие цифры для 1939 года были 12,6% и 38,5%. Процесс урбанизации в первой Эстонской Республике в целом проходил достаточно медленно.

Значительное количество эмигрантов из России способствовало возникновению многочисленных русских общественных организаций. В Таллинне уже с 1918 года работали Русское общественное собрание, Русский семейный кружок и Русское общество вспомоществования. Попытка объединения всех русских организаций была предпринята созданием Временного русского совета. В 1920-1921 в Таллинн из Советской России бежали видные политические деятели (эсеры и меньшевики) – В. Чернов, Л. Мартов и Р. Абрамович (последний жил в Таллинне продолжительное время).

В 20-е годы в Таллинне были созданы Союз русских просветительных и благотворительных обществ, общество "Витязь" (созданное как спортивное, оно затем значительно расширило сферу своей деятельности), Русское студенческое христианское движение (в его деятельности принимал участие знаменитый философ Н. А. Бердяев). Воспитанниками Таллинской русской городской гимназии были многие известные впоследствии люди – историк Н.Е. Андреев, философ С. А. Левицкий, поэт и литературовед Ю. П. Иваск.

Из за отсутствия в Эстонии единой системы народного здравоохранения, здравоохранение в Таллинне находилось в ведении нескольких институций: государства, города, больничной кассы, обслуживающей в основном промышленных рабочих, и различных благотворительных организаций и частных лиц. Медицинская помощь оказывалась в больницах, поликлиниках и консультационных центрах. Больницы содержались за счет государства, города или частных организаций. Самую большую больницу Таллинна – Таллиннскую Центральную больницу поддерживал город. Эта больница была важным медицинским учреждением для всего

Севера Эстонии. В начале 20-х годов она могла принять 200 пациентов. А к концу 30-х годов количество больничных коек увеличилось до 300.

Пациент должен был сам платить за больничное обслуживание в размерах, определявшихся организацией или лицом, которые владели больницей. В случае Центральной больницы плату определяла управа.

Городской Совет в качестве представительного собрания таллиннского самоуправления был уполномочен, в соответствии с законодательством, исполнять свои обязанности в течение трех лет. Однако в 1932 году продолжительность этого срока была увеличена до 4 лет. Министр внутренних дел отвечал за легитимность действий, предпринимаемых муниципальным самоуправлением. Он имел право приостанавливать решения думы и в течение двух недель подавать протесты в административный суд. Таким образом, правительство имело возможность в любой момент вмешиваться в дела городской думы и оказывать влияние на ее решения.

Эти законные установления регулировали работу таллиннского городского самоуправления вплоть до 1 мая 1938 года, когда вошел в силу новый муниципальный закон. Введение нового закона было мотивировано стремлением свести все нормы, регулирующие деятельность муниципального самоуправления, в один законодательный акт. Но в новом законе содержались также некоторые значительные изменения.

Ранее муниципальное самоуправление состояло из городской думы, управы и различных исполнительных органов, приданных последней (различные комиссии и предприятия). В соответствии с новым законом, Таллиннское самоуправление включало в себя Городской Совет, верховного городского голову, правительство города и аудиторскую комиссию. Формально Городской Совет оставался представительным собранием самоуправления, и срок его работы был продлен до 5-ти лет. Перед каждыми новыми выборами министр внутренних дел был обязан определить количество кандидатов в депутаты в соответствии с количеством жителей на тот момент. На заседаниях Совета председательствовал верховный городской голова, только в исключительных

случаях его мог заменять городской голова. Верховный городской голова назначался президентом на срок 6 лет. Он избирался из числа лиц не моложе 30-ти лет.

Кроме верховного городского головы, правительство города состояло из 3-5 членов, включая городского голову (ранее – помощника городского головы). Теперь высшим органом самоуправления был не Городской Совет, а правительство города и в первую очередь – верховный городской голова, который являлся также высшим официальным представителем центральной государственной власти в столице. Он определял главные направления, по которым развивалось самоуправление Таллинна в соответствии с указаниями, полученными от правительства.

Таллиннский Городской Совет ежегодно проводил около 15 заседений, на которых рассматривалось от 300 до 400 вопросов. В 30-х годах 9 комиссий, подчиненных правительству города, отвечали за финансы, строительство, образование, социальные вопросы, народное здравоохранение, экономику, предприятия, юридические и правовые вопросы. 15–16 октября 1939 года состоялись выборы в соответствии с новым муниципальным законом 1938 года.

Административное деление Таллинна оставалось практически тем же, каким оно было подтверждено губернатором Эстляндии 1 января 1916 года. Старый центр города составлял довольно малую часть общинной земли города (2,1%). Большую часть территории города занимали предместья, самое большое из которых протянулось вдоль Тартуского шоссе.

Во второй половине 19 века и в первые 30 лет 20 века территория Таллинна простиралась на площади почти 6 000 гектаров, а в 1940 году – уже почти 9 000 гектаров. Районы озера Юлемисте и Нымме были также включены в административную территорию Таллинна.

В 1939 году только 20,72% городских общественных земель были заняты строениями, дворами и садами, процент сельскохозяйственных угодий доходил до 34,85% и территории, отданные под различные другие цели, составляли 55,43%.

В то время не происходило больших изменений в исполь-

зовании земель за пределами территорий, отведенных под строительство домов, за исключением водных источников. Водная территория города увеличилась, когда город получил во владение все озеро Юлемисте. Что касается реки Хярьяпеа, то ее направили по подземному руслу, и она вскоре высохла. Очевидно, в городе не было недостатка в местах для застройки, поэтому в отношении средней высоты своих зданий Таллинн был городом с относительно низким профилем. Более высокие, в некоторых случаях даже 8-9-этажные здания, строились только в районе площади Свободы. Но большей частью город состоял почти исключительно из 1–2-этажных домов.

Среднее количество этажей в районах индивидуальной застройки города было следующим: районы Копли, Пальяссаар, Садам и район за Каламая – 1,4; Каламая – 1,8; Пельгулинн – 1,6; Лиллекюла, Кристийне, Тонди – 1,3; Старый город – 2,5; район под Тоомпеа – 1,8; район вокруг Нарвского и Тартуского шоссе – 1,7; Кадриорог – 1,6; Сикупилли и Ласнамяги – 1,1; Юхкенталь – 1,4; и район Пярнуского шоссе – 1,5.

Из этих цифр видно, что различие между средним количеством этажей в различных районах было небольшим. Районы с более высоким индексом (более 2,0) включали в себя, помимо центра, только некоторые новые районы городского развития, такие как юго-западный сектор района Каламая между улицами Гиргензони и Копли, новые окрестности района Пельгулинн, выстроившиеся вдоль железной дороги, и удлиненный сектор близ так называемых "полицейских огородов" между Нарвским и Тартуским шоссе. Самые низкие дома были в районах Сикупилли и Ласнамяги.

На окраинах появляются плотно застроенные районы предместий: Пирита, Ласнамяги, Юлемисте, Ярве, Тонди, Лиллекюла, Пельгулинн и Копли. Сеть таллиннских улиц определялась рельефом местности. С возвышенности Тоомпеа улицы разбегались по осевой в нескольких направлениях; в Ласнамяги они проходили параллельно известняковой скале (улицы Куристику, Мяэкалда, Ласнамяэ и Киллустику). Большинство улиц в районах Сикупилли и Кадриорг пересекались с высоким известняковым эскарпом (улицы Вейзенберги, Кёлери, Вейдеменни, Койдула, Вильмси, Асундусе, Маяка, Кивимурру и Катусепапи).

Угол Пярнуского шоссе и улицы Роозикрантси в конце 1930-х гг., когда зеленые и красные автобусы шведской фирмы "Scania Vabis" уже курсировали в городе. Фото из Таллиннского городского музея.

Такие улицы, как Вяйке Амеэрика, Лийвалайа и Лийвамяэ формировались песчаными дюнами озера Юлемисте и песчаной зоной, протянувшейся у их начала, в то время как улицы в районах Пельгулинн, Кассисаба и Порикюла протянулись параллельно ширококолейной железной дороге или перпендикулярно ей.

Тоомпеа и старый Нижний город представляют из себя неправильную сеть улиц, типичную для старых городских центров Северной и Западной Европы. Как правило, улицы здесь узкие и продуваемые ветрами.

Функционально центр разделялся на коммерческий и жилой районы. Исключительно коммерческие районы включали в себя здания вдоль главных транспортных артерий, таких как улица Виру, Ратушная площадь, улицы Харью и Пикк. Улица Карья превратилась в район больших магазинов и банков, улицы Нунне, Вене и Уус имели уже меньшее коммерческое значение. Такие улицы, как Лай, Рюйтли,

Олевимяги, Сулевимяги были почти стопроцентно жилыми районами. Что касается Тоомпеа, то это было место расположения множества дипломатических и правительственных учреждений, равно как и жилой район. Таллинн превратился в город, в котором внешний вид отдельных районов характеризовался ярко выраженными социальными различиями. Большинство жилых доходных домов были построены частными лицами. Следом шли строительные общества, самоуправления, государство и другие организации.

По соседству с жилыми районами было возведено много красивых общественных зданий. Например, в 1922 году – здание Государственного собрания на месте бывшего Орденского замка на Тоомпеа (архитекторы Е.Хаберманн и Х. Йохансон); в 1924 году – Эстонский кредитный банк на улице Суур-Карья; в 1934 году – здание в стиле функционализма на площади Свободы (Е.-Й. Куусик, А. Соанс). В Кадриорге на Зеленом Лугу был построен современный стадион, который до сих пор остается одним из любимых мест таллиннских жителей. В годы независимости возрос уровень духовной и материальной культуры жителей Таллинна. Улучшилась городская среда и образ жизни в городе.

Таллиннский порт в 1930-х гг. Фото из Таллиннского городского музея.

Знаменитый отель "Кулд Лыви" (Золотой Лев) открылся на ул.Харью уже в 1818 году. В 1934 году он был перестроен в функциональном стиле. Отель был разрушен во время бомбардировки Таллинна 9 марта 1944 года. Фото из Эстонского исторического музея.

В течение короткого первого периода независимости Таллинн развивался чрезвычайно быстро. Безусловные улучшения произошли в таких сферах, как транспорт, социальное обеспечение, образование и здравоохранение. Было построено много фешенебельных зданий. Были созданы и начали эксплуатироваться новые районы. Значительно улучшился уход за улицами. Были разработаны новые генеральные планы по защите окружающей среды и социаль-

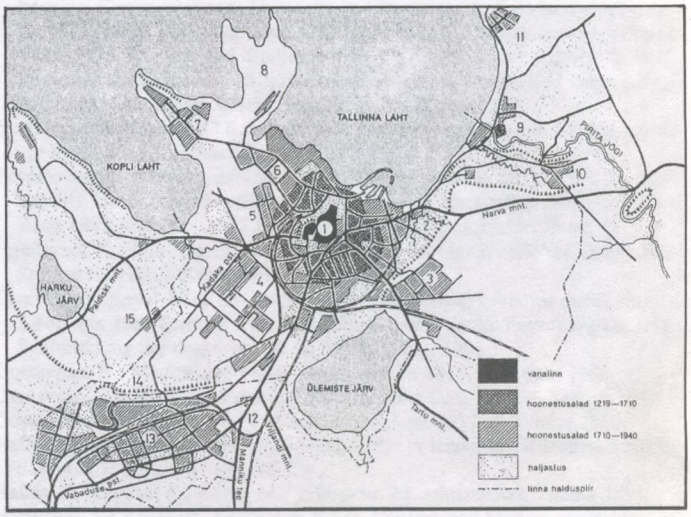
"Молчаливый строитель" Таллинна, Антон Уэссон, который 30 лет был на службе у города, большую часть этого срока – на посту мэра.

ному развитию. Повысился уровень городской культуры и жизнь в городах стала более комфортабельной. Была введена в действие местная автоматическая телефонная система, чего еще не достигли тогда во многих более крупных городах

Западной Европы. Было введено шестилетнее бесплатное и обязательное начальное образование на родном для ученика языке. Были также построены многие новые красивые школьные здания (например, на улице Рауа и в Пельгулинна) и детский приют в Копли. Невозможно переоценить важность фигуры Антона Уэссона – 30 лет он занимал руководящие должности в правительстве города Таллинна в период между двумя мировыми войнами, причем большую часть этого времени он занимал самый высокий пост мэра. Он начал свою карьеру на службе в городе уже в 1913 году. К сожалению, этот период роста Таллинна был короток. Вторая мировая война прервала нормальное развитие Таллинна так же, как и всей Эстонии.

Несомненно, Таллинн принадлежит к той категории городов Северной и Восточной Европы, чье социально-экономическое и политическое значение, равно как и

Таллинн (территория вплоть до 1940 г.):
1 – Старый город; 2 – Кадриорг; 3 – Ласнамяэ; 4 – Лиллекюла; 5 – Пельгулинн; 6 – Каламая; 7 – Копли; 8 – Пальяссааре; 9 – Пирита; 10 – Козе; 11 – Меривяльа; 12 – Лийва; 13 – Нымме; 14 – Мустамяэ; 15 – Кадака. Эстонская архитектура. Таллинн 7, под редакцией Виллема Раама. Таллинн, 1993, стр.13.



культурное влияние, было более заметно в прошлом, нежели сейчас. Вероятно, самым сильным относительным потенциалом Таллинн обладал во времена расцвета Ганзейского союза. Конечно, это не значит, что Таллинн не развивался и в другие времена. Сегодня жители Таллинна вместе со всей Эстонией переживают период перемен и возлагают свои надежды прежде всего на самих себя и на толерантность своих соседей.

В последние годы Таллинн открыл двери гостям со всего мира. Любопытные туристы и множество деловых людей прибывают сюда на кораблях, самолетах, поездах и автомобилях. Старый ганзейский город Таллинн действительно стал тысячелетним городом, к которому ведут все дороги.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ahvenainen, J. Der Getreidehandel Livlands im Mittelalter. Societas Scientiarum im Mittelalter. Commentationes Humanarum Litterarum XXXIV: 2. Helsinki, 1963.

Bevölkerungsschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Russlands 1850–1914. Hrsg. von Gert von Pistohlkors, Andrejs Plakans, Paul Kaegbein. Schriften der Baltischen Historischen Kommission, Band 6. Hrsg. von Michael Garleff, Paul Kaegbein und Gert von Pistohlkors. Lüneburg 1995.

Bruns, D.: Tallinn. Linnachituslik kujunemine. Tallinn 1993.

von Bunge, F. G.: Die Quellen des Revaler Stadtrechts. Bd. 1–2. Dorpat 1844, 1847.

von Bunge, F. G.: Die Revaler Rathslinie nebst Geschichte der Rathsverfassung. Reval 1874.

Böckler, T. Tallinna rackoda. Uurimine ja restaureerimine 1952–1996. Tallinn, 1999.

Die Nachlassverzeichnisse der deutschen Kaufleute in Tallinn 1702–1750. Bearbeitet von Raimo Pullat. Tallinn 1997.

Die Revaler Munster-Rolle Anno 1688. Ein Verzeichnis der Bürger und Einwohner. Editiert und eingeleitet von Heinz von zur Mühlen. Schriften der Baltischen Historischen Kommission, Band 4. Bd. Michael Garleff, Paul Kaegbein ja Gert von Pistohlkors. Lüneburg 1992.

Djomkin, J. I.: Eliel Saarinen ja "Suur Tallinn". Tallinn 1977.

Donner, G. A.: Kardinal Wilhelm von Sabina. Bischof von Modena 1222–1234. Päpstlicher Legat in den Nordischen Ländern (õ1251). Societas Scientarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum. II, 5. Helsinki 1929.

Elias, O-H.: Reval in der Reformpolitik Katharinas II. Die Statthalterschaftszeit 1783–1796. Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte, Band 3. Hrsg. im Aufrag der Baltischen Historischen Kommission, Hrsg. Friedrich Benninghofen und Georg von Rauch, Bonn–Bad Godesberg 1978.

Etzold, G.: Seehandel und Kaufleute in Reval nach dem Frieden von Nystad bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts. Marburg/Lahn 1975.

Feyerabend, L.: Die Rigaer und Revaler Familiennamen im 14. und 15. Jahrhundert: Unter besonderer Berücksichtigung der Herkunft der Bürger. Köln–Wien 1985 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte, Band T).

Friedland, K.: Die Hanse. Kohlhammer Urban-Taschenbücher, Band 409. Stuttgart–Berliini–Köln 1991.

Gierlich, E.: Reval 1621 bis 1645. Von der Eroberung Livlands durch Gustav Adolf bis zum Frieden von Brömsebro. Historische Forschungen, julk. Kulturstifung der deutschen Vertriebenen. Bonn 1991.

Gustavson, H.: Meditsiinist vanas Tallinnas kuni 1816. a. Tallinn 1969.

Gustavson, H.: Meditsiin Tallinnas XIX sajandist kuni 1917. a. Tallinn 1979.

Gustavson, H.: Tallinna vanadest apteekidest kuni 1917. a. Tallinn 1972.

Hallas, K.: Historitsism Tallinnas. Arengujooni ja tendentse. Kunstiteaduslikke uurimusi 7, Tallinn 1994. 266–294.

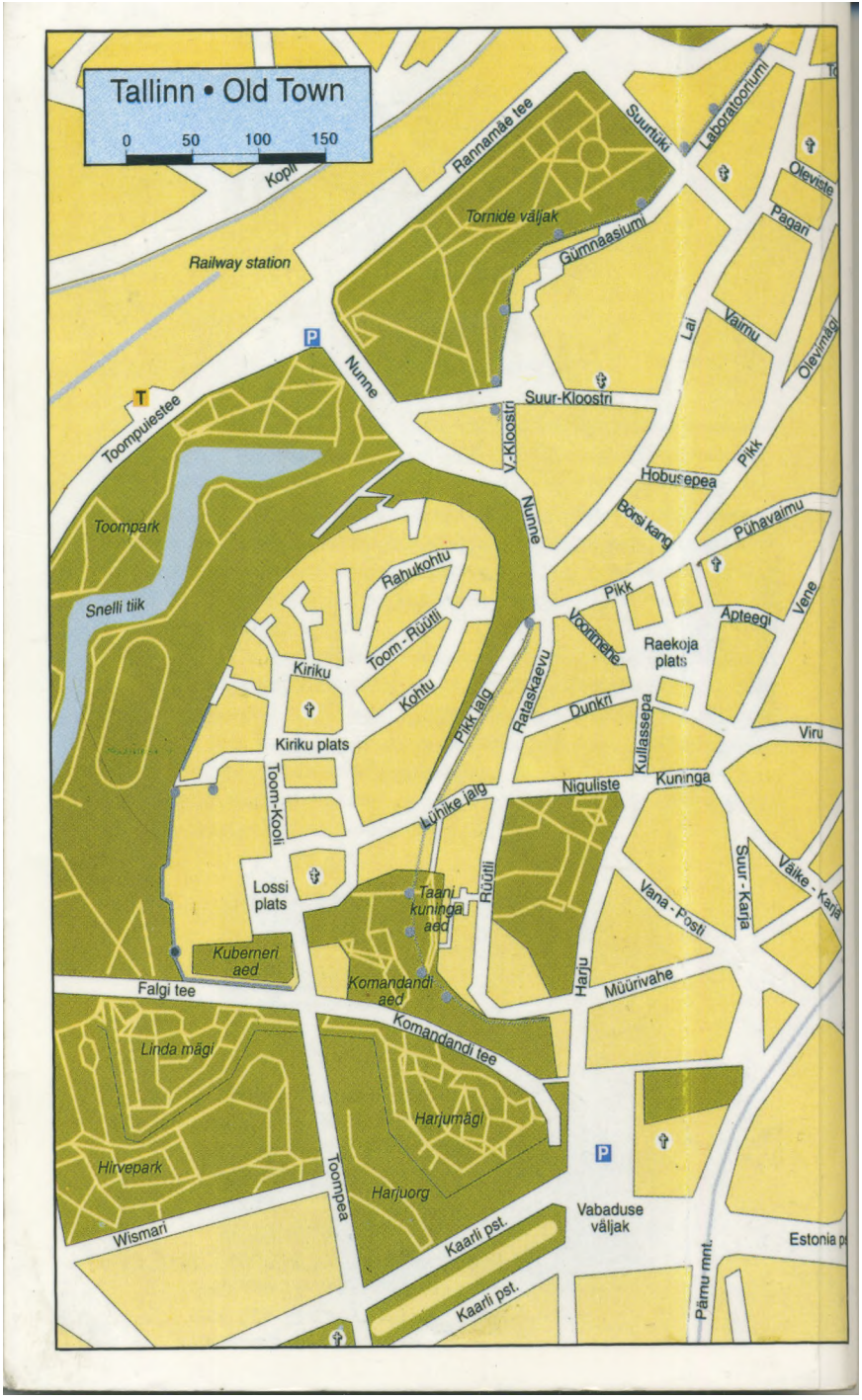
Hallas, K.–Kodres, K.–Kalm, M.: Tallinn im 20. Jahrhundert. Tallinn 1994.

Hartmann, S.: Reval im Nordischen Krieg. Quellen und Studien zur baltischen

Geschichte, Band 1. Hrsg. im Auftrag de Baltischen Historischen Kommission von Friedrich Benninghoven und Reinhard Wittram. Bonn–Bad Godesberg 1978.
Jatruševa, L.: Aastamaks Tallinnas 1433–1532. Preprint AJ-4.Tallinn 1986.
Jatruševa, L.: Die Investitionen des Tallinner Rats im zweiten Drittel 15. Jahrhunderts. Preprint AJ-3. Tallinn 1984.
Johansen, P.: Die Estlandliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen–Reval 1933.
Johansen, P.: Nordische Mission. Revals Gründung und die Schwedensiedlung in Estland. Stockholm 1951.
Johansen, P.–v. z. Mühlen, H.: Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. Köln–Wien 1973.
Jürjo, I.: Lesegesellschaften in den baltischen Provinzen im Zeitalter der Aufklärung. Zeitschrift für Ostforschung 39 (4/1990), 540–71; 40 (1/1991), 28–56.
Kangropool, R.: Tallinna raekoda. Tallinn 1982.
Kangropool, R.–Bruns, D.: Tallinn sajandeis. Tallinn 1972.
Kaplinski, K.: Tallinna käsitöölised XIV sajandil 1–2. Tallinn 1980.
Karma, O.: Tööstuslikult revolutsioonilt sotsialistlikule revolutsioonile Eestis. Tallinn 1972.
Kaukiainen, Y.: Suomen talonpoikaispurjehdus 1800.luvun alkupuoliskolla (1810–1853). Historiallisia Tutkimuksia. LXXIX. Julkaissut Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1970.
Kenez, J. C.: Beiträge zur Bevölkerungsstruktur von Reval in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts (1754–1804). Inauguraldissertation Marburg/Lahn 1978.
Kerkkonen, G.: Borgare och bondeseglare. Handelssjöfart på Reval genom och i sydvästra Finlands skärgård under tidigt 1500-tal. Historiallisia tutkimuksia 106, Suomen Historiallinen Seura. Helsinki 1977.
Kerkkonen, G.: Farmän från Björkö och Karelska näset. Handelssjöfart innerst i Finska viken under 1500-talet. Historiallinen Arkisto 85, Suomen Historiallinen Seura. Helsinki 1985, 47–139.
Kivi, A.: Tallinna tänavad. Tallinn 1972.
Kivimäe, J.: Reval–Lübeck–Amsterdam. The Triangle of Trade on the Eve of the Livonian War (1554–1557). From Dunkirk to Danzig. Shipping and Trade in the North Sea and the Baltic 1350–1850. Essays in honour of J. A. Faber. Hilversum 1988, 299–315.
Kivimäe, J.: Rukis ja sool. Tallinna kaubandusest Liivi sõja eelõhtul (1554–1557). Kleio. Ajaloo ajakiri 3/1995 (13), 26–36.
Kodres, K.: Raummalerei in Tallinner Profanarchitektur. Homburger Gespräch, Heft 8. Veröffentlichungen der M.-C.-A.-Böckler-Stiftung. Bad Homburg 1988.
Kodres, K.: Tallinna maalijad 17. ja 18. sajandil. Kunstiteaduslikke uurimusi 7, Tallinn 1994, 134–41.
Koppe, W.: Revals Schiffsverkehr und Seehandel in den Jahren 1378/84. Hansische Geschichtsblätter 64 (1940), 111–52.
Kämmereibuch der Stadt Reval 1432–1463. Hrsg. von Reinhard Vogelsang. Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Neue Folge, Band XXII/1, XXII/2. Köln–Wien 1976.
Kämmereibuch der Stadt Reval 1463–1507. Hrsg. von Reinhard Vogelsang. Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Neue Folge, Band XXVII/1–2. Köln–Wien 1983.

Leimus, I.: Das Münzwesen Livlands im 16. Jahrhundert (1515–1581/94). Stockholm Studies in Numismatics 1. Stockholm Numismatic Institute, Stockholm University 1995.
Leimus, I.: Eesti Vabariigi rahad 1918–1922. Coins and Banknotes of the Republic of Estonia 1918–1922. Tallinn 1993.
Leimus, I.: Livonian mintmasters of the sixteenth century. Nordisk Numismatisk Årsskrift 1989–90, 113–39.
Leimus, I.: Unmøntningen i Tallinn under det danske styre 1219–1346. Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad 6/1995, 74–81.
Lesnikov, P. M.: Die Handelsbücher des Hansischen Kaufmannes Veckinghusen. Forschungen zur Mittelalterlichen Geschichte, Band 19. Berlin 1973.
Lumiste, M.: Niguliste kirik. Ehituskunsti ajalooline ülevaade. Tallinn 1985.
Lübecki õiguse Tallinna koodeks 1282. Der Revaler Kodex des lübischen Rechts 1282. Transkribeerinud ja tõlkinud Tiina Kala. Transkription und Übersetzung ins Estnische von Tiina Kala. Tallinn 1998.
Maiste, J.: Die Renaissance in Tallinn. Ein neuer "Stil" in der alten Hansestadt. Särtryck ur Finskt Museum 1992, 26–58.
Mickwitz, G.: Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum IX 8. Helsingfors 1938.
Miller, V.: Minevikust tulevikku. Artikleid ja ettekandeid 1940–1970. Tallinn 1972.
von zur Mühlen, H.: Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts. Köln–Wien 1985.
Mäsak, E.: Talurahva ja Tallinna kaubasidemed 20. sajandi algupoolel. Eesti külaelu arengujooni. Tallinn 1985, 32–57.
Niitemaa, V.: Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki 1952.
Niitemaa, V.: Die undeutsche Frage in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki 1949.
Nottbeck, E.: Der alte Immobilienbesitz Revals. Reval 1884.
Nottbeck, E.–Neumann, W.: Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval 1–2. Reval 1896, 1904.
Peets, H.–Kenkman, R.: Tallinn. Ajalooline ja kunstiajalooline juht. Tallinn 1934.
von Pezold, J. D.: Reval 1670–1687. Rat, Gilden und schwedische Stadtherrschaft. Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte Neue Folge, Band XXI. Hrsg. von Hansischer Geschichtsverein. Köln–Wien 1976.
Pullat R.: Buch und Leser im Reval des 18. Jahrhunderts. Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Band 15. Hrsg. Otto-Henrich Elias u. a. Weimar–Wien 1996, 229–55.
Pullat, R.: Die Stadtbevölkerung Estlands im 18. Jahrhundert. Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz. Abteilung Universalgeschichte. Hrsg. von Heinz Duchhardt. Beiheft 38. Mainz 1997.
Pullat, R.: Eesti linnad ja linlased XVIII sajandi lõpust 1917. aastani. Tallinn 1972.
Pullat, R.: Eesti linnarahvastik 18. sajandil. Tallinn 1992.
Pullat, R.: Linnad kodanlikus Eestis. Ajaloolis-demograafiline käsitlus.' Tallinn 1978.
Pullat, R.: Tallinnast ja tallinlastest. Nihked elanikkona sotsiaalses koosseisus 1871–1917. Tallinn 1966.
Pullat, R.–Mereste, Ü.: Über die Formierung der Tallinner Stadtbevölkerung im

18. Jahrhundert und die Rekonstruktion der Zeitreihen in der geschichtlichen Demographie (anhand der Kirchenbücher). Kölner Vorträge und Abhandlungen zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Heft 34. Köln 1982.
Quotidianum Estonicum. Aspects of daily life in medieval Estonia. Ed. Jüri Kivimäe and Juhan Kreem. Medium Aevum Quotidianum. Sonderband V. Krems 1996.
Revaler Schiffslisten 1425–1471 und 1479–1496. Reinhard Vogelsang. Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Band 13, Hrsg. von Paul Kaegbein und Gert von Pistohlkors. Köln–Weimar–Wien 1992.
Sauks, F. Mõnede põllumajandussaaduste ekspordist Eestis XVIII sajandil. TRÜ Toimetised. Majandusteaduslikke töid XXX. Tartu 1980, 58–76.
Schildhauer, J. Zum See- und Handelsverkehr Tallinns im 16. Jahrhundert – auf der Grundlage Tallinner Hafenzollregister. TRÜ Toimetised 258. Eesti NSV ajaloo küsimusi VI. Tartto 1970, 33–42.
Seeberg-Elverfeldt, R. Revaler Regesten. Beziehungen der Städte Deutschlands zu Reval in den Jahren 1500–1807. Göttingen 1966.
Seeberg-Elverfeld, R. Revaler Regesten. Beziehungen niederländischer und skandinavischer Städte zu Reval in den Jahren 1500–1795. Göttingen 1968.
Soom, A. Der Handel Revals im 17. Jahrhundert. Marburger Ostforschungen, Band 29. Wiesbaden 1969.
Soom, A. Die Zunfthandwerker in Reval im siebzehnten Jahrhundert. Stockholm 1971.
Tallinna ajalugu 1860-ndate aastateni. Koost. R. Pullat. Tallinna 1976.
Tallinna kodanikkuderaamat 1409–1624. Toim. O. Greiffenhagen. Tallinna Linnaarhiivi väljaanne 6. Tallinn 1932.
Tallinna kodanikkuderaamat 1624–1690 ühes jätkuga kuni 1710-ni. Toim. G. Adelheim. Tallinna Linnaarhiivi väljaanne 7. Tallinn 1933.
Tallinn ja Hansa. Näituse kataloog. Toim. Tiina Kala ja Jüri Kivimäe. Tallinna Linnaarhiivi väljaanded, vihik II. Tallinn 1995.
Tamm, J. Of the older settlement of Tallinn. Gastella Maris Baltici 1, 1993, 205–211.
Tamm, J. Toompea lõunakülje kindlustustest. Ars Estoniae Medii Aevi Crates Villem Raam Viro Doctissimo et Expertissimo. 195, 117–26.
Tiik, L. Keskaegsest mereliiklusest Balti merel ja Soome lahel. Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat. Tallinn 1957.
Tommila, P. Turun ja Porin läänin talonpoikaispurjehtijoiden Venäjänmatkat 1840–1850-luvuilla. Turun historiallinen arkisto. N:o 16, 1964, 177-201.
Torsten, E.–Gardberg C.J. Porvoon kaupungin historia. I. Porvoon seudun esihistoria. Keskiaika ja 1500-luku. Porvoo, 1996.
Tuulse, A. Zur Baugeschichte der Tallinner Burg. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1935. Tartu, 1937, 41–95.
Vaga, V. Kunst Tallinnas XIX sajandil. Tallinn 1976.
Vana Tallinn I(V)–IX(XIII). Peatoimetaja R. Pullat. Tallinn 1991–99.
Vassar, A. Iru linnapära. Muistsed Eesti linnused. 1936–1938. a. uurimiste tulemused. Tallinn, 1939, 53–100.
Weinmann, A. Reval 1646 bis 1672. Vom Frieden von Brömsebro bis zum Beginn der selbständigen Regierung Karls XI. Historische Forschungen, Hrsg. von der Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen. Bonn 1991.
Virrankoski, P. Pohjois-Pohjanmaa ja Lappi 1600-luvulla. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia III. Oulu, 1973.
von Wistinghausen, H. Die Kotzebue-Zeit in Reval im Spiegel des Romans "Dorothee und ihr Dichter" von Theophile von Bodisco. Mit Exkurs: Revaler Freimaurer. Teoksessa Aufklärung in den Baltischen Provinzen Russlands. Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte, Band 15. Hrsg. Otto-Henrich Elias u. a., 255–305. Weimar–Wien 1996.
Wolf, H.: Tragfähigkeiten, Ladungen und Masse im Schiffsverkehr der Hanse; vornehmlich im Spiegel Revaler Quellen. Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte, Neue Folge, Band XXXI. Hrsg. Hansischer Geschichtsverein. Köln–Wien 1986.
Üprus, H.: Mustpeade hoone. Tallinn 1972.
Üprus, H.: Tallinn aastal 1825. Tallinn 1965.
Zobel, R.: Tallinna keskaegsed kindlustused. Tallinn 1960.
Zobel, R.: Tallinna linnamüür. Tallinn 1966.
Zobel, R.: Walls and Towers of Tallinn. Tallinn 1996.
История Таллинна (до 60-х годов XIX века). Составитель доктор исторических наук Раймо Пуллат. Таллинн 1983.
Казакова Н. А. Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. Ленинград, 1975.
Пийримяэ Х. Некоторые вопросы транзитной торговли России с странами Западной Европы через Таллинн в XVII в. Экономические связи Прибалтики с Россией. Сборник статьей. Рига, 1968, 95–116.


Tallinn • Old Town
0 50 100 150
Railway station
Tornide väljak
Rannamäe tee
Suurtüki
Laboratooriumi
Oleviste
Pagari
Gümnaasiumi
Lai
Vaimu
Olevimägi
Nunne
Suur-Kloostri
V.-Kloostri
Pikk
Hobusepea
Börsi käik
Pühavaimu
Toompuiestee
Toompark
Snelli tiik
Rahukohtu
Toom - Rüütli
Kiriku
Kohtu
Kiriku plats
Toom-Kooli
Pikk jalg
Rataskaevu
Vene
Apteegi
Raekoja plats
Viru
Dunkri
Kullassepa
Niguliste
Kuninga
Lühike jalg
Suur - Karja
Väike - Karja
Lossi plats
Taani kuninga aed
Rüütli
Vana - Posti
Kuberneri aed
Komandandi aed
Harju
Müürivahe
Falgi tee
Komandandi tee
Linda mägi
Harjumägi
Hirvepark
Toompea
Harjuorg
Vabaduse väljak
Wismari
Kaarli pst.
Pärnu mnt.
Estonia p